

K 81
A 65
K-36855

Министерство образования Российской Федерации
Чувашский государственный педагогический университет
имени И.Я. Яковлева

Е.А. Андреева

**АФФИКСАЛЬНОЕ ГЛАГОЛЬНОЕ
СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ**

К81
А65

Министерство образования Российской Федерации

Чувашский государственный педагогический университет
имени И.Я. Яковлева

Е.А. Андреева

**АФФИКСАЛЬНОЕ ГЛАГОЛЬНОЕ
СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ**

Допущено Министерством образования Чувашской Республики
в качестве учебного пособия для образовательных учреждений

КР

Андреева Е.А. Аффиксальное глагольное словообразование в чувашском языке: Учебное пособие. – Чебоксары: Чувашгоспедуниверситет им. И.Я. Яковлева, 2002. – 112 с.

Печатается по постановлению ученого совета Чувашского государственного университета имени И.Я. Яковлева.

Научный редактор: Л.П. Сергеев, доктор филологических наук, профессор кафедры чувашского языка ЧГПУ им. И.Я. Яковлева.

Рецензенты: А.Е. Горшков, кандидат филологических наук, доцент кафедры чувашского языка ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, Ю.М. Виноградов, кандидат филологических наук, профессор кафедры чувашского языка и литературы ЧРИО.

В учебном пособии описаны основные единицы словообразования, модели глаголообразования, словообразовательные значения производных глаголов, функции глаголообразующих аффиксов.

Предназначено для студентов 2-3 курсов факультета чувашской филологии. Может быть использовано специалистами, изучающими тюркское словообразование, а также в школьном курсе чувашского языка.

ПРОВЕРЕНО
2010 15-МАР-2017

к - 36855

© Андреева Е.А., 2002

© Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2002

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ЧУВАШСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В современном чувашском языке аффиксальное глагольное словообразование представляет собой один из продуктивных способов порождения производных единиц. Тем не менее до настоящего времени не описаны структурно-семантические и функциональные особенности языковых средств, вовлеченных и вовлекаемых в глагольное словообразование. Еще не полностью выявлены словообразовательные модели, не выявлен полный инвентарь средств глаголообразования.

Рассмотрение этих вопросов во многом способствует пониманию сути аффиксального словообразования в целом.

В учебном пособии описана краткая история изучения аффиксального глаголообразования в тюркологии и в чувашском языкознании, изложены принципы описания, основные понятия и единицы словообразования применительно к чувашскому языку. Сделана попытка выявления средств и способов аффиксального глагольного словообразования, определены существующие на современном этапе развития языка модели и словообразовательные значения, свойственные рассматриваемой области деривации. Рассмотрены такие теоретические аспекты чувашского словообразования, как структурно-семантические особенности производящих основ, семантическая соотносительность производящих и производных слов, функциональная природа аффиксов глагольного словообразования. Хочется надеяться, что материал и конкретные результаты настоящего пособия окажут помощь при изучении вопросов аффиксального глагольного словообразования и дальнейшем исследовании деривационной системы чувашского языка.

ГЛАВА I. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА. ОСНОВНЫЕ ИСХОДНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Изучение глаголообразования в тюркологии

Вопросы, связанные с аффиксальным глаголообразованием, неоднократно привлекали к себе внимание исследователей тюркских языков. Происхождение глаголообразующих аффиксов, словообразовательное значение производных слов, значение производящих основ, продуктивность и непродуктивность аффиксов, отношение залогов к глагольному словопроизводству – вот далеко не полный перечень вопросов, разрабатываемых в трудах тюркологов. О разнообразии тюркской глагольной аффиксации дают наглядное представление, во-первых, специальные исследования, во-вторых, грамматики тюркских языков.

Из специальных исследований нужно назвать фундаментальную работу Э.В. Севортыяна «Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке» (54). Автор подчеркивает, что формы глагольного (как, впрочем, и именного) словопроизводства берут свое начало в глубочайшей древности, задолго до появления первых памятников письменности на тюркских языках, вероятнее всего в эпоху максимальной общности тюркских языков (54, 4). В монографии тщательно анализируются отыменные глаголы, образованные посредством а) продуктивных (их - 8) и б) непродуктивных (их - 16) аффиксов. Производные глаголы классифицируются по конкретным лексическим значениям производящих основ, раскрывается семантическое строение нового глагола, выясняются отношения между значениями именной основы и производного глагола.

В заключении своей работы Э.В. Севортыян приходит к следующим выводам:

1. Между значением отыменного производного глагола и значением производящей основы имеется определенное отношение: производящая основа означает орудие, средство (материал), предмет, название, признак предмета и т.д. Эта система соотношений пронизывает все глагольное словообразование.

2. Для образования отыменного глагола не имеет значения принадлежность основы к какой-либо именной части речи - существительному, прилагательному и т.д., поскольку именная основа входит в производный глагол лишь своим реально-вещественным, но не грамматическим значением части речи.

3. Подобно тому, как существуют продуктивные и непродуктивные формы глаголообразования, так и в составе значений продуктивных глаголообразующих форм существуют продуктивные и развивающиеся значения и уже непродуктивные, или умирающие, значения.

4. Многозначность производного глагола имеет своим источником многозначность именной основы, функциональных отношений между значениями именной основы и глагола и многозначность глаголообразующего аффикса.

5. Грамматическое словообразование, в том числе и глагольное, принадлежит морфологии тюркских языков, поскольку продуктивная форма основы в них есть в то же время форма части речи. Обслуживая словарь, грамматическое словообразование тем не менее остается в системе морфологии, равно как грамматические формы слов, обслуживая синтаксис, также остаются в границах морфологии.

Мы остановились подробно на выводах Э.В. Севортыяна потому, что они во многом способствуют пониманию сути тюркского глаголообразования в целом. Что касается последнего вывода, то он является далеко не бесспорным. На современном этапе развития лингвистики вряд ли кого-нибудь приходится убеждать в том, что словообразование является автономной системой (подсистемой) языка.

Следующей значительной работой в области тюркского глаголопроизводства является монография В.Л. Исенгалиевой "Тюркские глаголы с основами, заимствованными из русского языка" (24), в которой наряду с аналитическими рассматриваются и синтетические формы производных глаголов. Глаголы размещены по следующим лексико-семантическим группам: 1) со значением "заниматься тем, что означает производящая основа"; 2) со значением "быть тем, кого называет производящая основа"; 3) обозначающие воздействие на предмет при помощи инструмента, орудия, названного производящей основой; 4) обозначающие воздействие на предмет при помощи материала или вещества, названного производящей основой; 5) со значением "превращать в то или делать таким в соответствии со значением производящей основы"; 6) со значением "подвергать тому или подвергать воздействию того, что означает производящая основа"; 7) со значением "снабжать тем, что означает производящая основа"; 8) со значением «превращаться в то, или делаться таким в соответствии со значением производящей основы»; 9) со значением "подвергаться тому или подвергаться воздействию того, что означает производящая основа"; 10) со значением "снабжаться тем, что означает производящая основа».

Это одна из первых работ в тюркском словообразовании, где семантика производных глаголов исследуется и выводится из значения мотивирующих основ. Тщательному и всестороннему анализу подвергаются глаголы двенадцати современных тюркских языков, образованные главным образом с помощью наиболее производительных аффиксов -ла, -лан, -лаш, -ландыр, -лашдыр.

Всесторонне анализируя тюркские глаголы с заимствованными основами, В. Исенгалиева приходит к следующим выводам: процесс заимствования свидетельствует об обогащении языка, о его полной самобытности и

свободе, высоком уровне развития, так как может успешно осваивать обширный круг заимствованных слов, не нарушая своих правил и законов; свободное усвоение заимствованных слов тюркскими языками объясняется не только высокой степенью их развития, но также основными направлениями сложных процессов, происходящих в этих языках; глаголы с заимствованными основами более склонны к сужению своей семантики, к терминологизации, поэтому они являются составной частью научной и публицистической речи, для которой характерна точность выражаемых понятий; заимствование имен существительных сопровождается одновременно образованием на базе их новых глаголов.

Проблемам глаголообразования посвящено исследование А.А. Юлдашева "Система словообразования и спряжения глаголов в башкирском языке" (69), где наряду с другими способами исследуется и аффиксальный. Автор рассматривает образование глаголов от других частей речи посредством 14 аффиксов, называет продуктивные и малопродуктивные модели глагольного словопроизводства, указывает наиболее типичные значения производных форм. Отмечается, что источником аффиксального образования глаголов в башкирском языке являются главным образом имя прилагательное, затем звукоподражательные комплексы и имя существительное.

Работа Л.Н. Харитоновой "Типы глагольной основы в якутском языке" (65) посвящена якутским глаголам, где он специально рассматривает и производные глаголы, которые Л.Н. Харитонов делит на три группы: 1) глаголы действия-состояния; 2) звукоподражательные глаголы; 3) образные глаголы. Большое внимание уделено анализу производных форм глаголов действия-состояния, образованных посредством живых глаголообразующих формантов (приводится всего восемь аффиксов с их многочисленными вариантами). Описание производных глаголов построено по семантическим разрядам слов, от которых они образованы. По свидетельству автора, это связано с тем, что новые глаголы «приобретают разнообразное, более конкретное семантическое содержание в зависимости от значения и употребления той первичной основы, от которой образован данный глагол» (65, 92). Детальному анализу подвергается семантика производных форм. Значения глаголов классифицируются по типам глагольного понятия, исходящего из семантики производящей основы. Например, отсубстантивные глаголы на –лаа размещены в четырнадцати семантических группах.

Ф.А. Ганиев описанию системы глаголообразования посвятил специальное исследование (13), в котором рассматриваются значения глаголообразующих суффиксов в связи со значением производящих основ, всесторонне анализируются исходные основы с точки зрения их лексикограмматического характера и языка-источника. Отмечается, что в татарском языке производящими основами глаголов могут быть слова всех зна-

менательных частей речи, но самыми продуктивными основами выступают имена существительные, прилагательные, глаголы, звуко- и образоподражательные слова (13, 90). Выявлено всего 62 суффикса глаголообразования. Из них производительными в настоящее время являются около 10 суффиксов. Сказано, что многие глаголообразующие суффиксы (автор пользуется термином «суффикс») в татарском языке полисемантически. Ряд суффиксов (-лаштыр, -лантыр, -лан, -лаш, -лат) имеют от 5 до 10 словообразовательных значений. Самым многозначным автор считает суффикс –ла, у которого отмечено около 30 значений.

Касаясь одного из самых сложных вопросов суффиксального глаголообразования в тюркских языках, а именно – функции залоговых форм, Ф.А. Ганиев совершенно справедливо пишет: «В тюркских языках суффиксы, отмечаемые как залоговые, выражают и лексико-семантическое значение, и поэтому они должны рассматриваться и как словообразующие средства» (13, 88).

Анализируя большое количество имеющейся специальной литературы, Ф.А. Ганиев приходит к следующему выводу: «До последнего времени значения суффиксов глаголообразования раскрывались главным образом по интуиции исследователя, вне зависимости от производящих основ. В настоящее время наблюдаются большие сдвиги в исследовании суффиксального словообразования. Во-первых, в некоторых трудах по тюркским языкам подвергается анализу весь структурно выделяемый состав глаголообразующих суффиксов. Во-вторых, отмечаются их основные значения, причем раскрываются они по объективным критериям, только в связи и зависимости от производящих основ» (13, 5).

Глаголы, образованные от именных, глагольных и других основ, рассмотрены также в грамматиках хакасского (19), шорского (21), тувинского (25), турецкого (30), тофаларского (52), караимского (41), уйгурского (42), узбекского (29), ногайского (18), карачаево-балкарского языков (17).

По свидетельству авторов грамматики хакасского языка, образования с одним и тем же аффиксом могут иметь несколько значений. Например, при помощи форманта –ла(-ле) с его вариантами –на(-не), –та(-те) образованы глаголы от имен со значениями: 1) «использовать как орудие, предмет, обозначенный исходной основой»; (**пычакта** «ударить ножом» от **пычак** «нож», **имне** «лечить» от **им** «лекарство»); 2) «охотиться; собирать то, что обозначено исходной основой» (**абала** «охотиться на медведя» от **аба** «медведь», **чистекте** «собирать ягоды» от **чистек** «ягоды»); 3) «делать, производить то, что обозначено исходной основой» (**алгыста** «благодарить» от **алгыс** «благодарность»); 4) «наделять признаком, обозначенным исходной основой» (**ниикте** «облегчить» от **ниик** «легкий»); 5) «подвергнуть действию то, что обозначает исходная основа» (**наакта** «давать пощечину» от **наак** «щека»); 6) «посещать места, проводить время, обозначенное исходной основой» (**чайла** «проводить лето» от **чай** «лето»); 7)

снабжать тем, что обозначает исходная основа (ыста «дымить» от ыс «дым») и т.д. (19, 165-167).

В шорском языке отмечен факт образования уменьшительных глаголов с помощью аффиксов –мзра(-мзре): ылгамзра «прослезиться, чуть плакать от ылга «плакать», кўлўмзре «улыбаться, чуть смеяться» от кўл «смеяться» (21, 117). Факт этот примечателен тем, что исследователями других языков он не отмечается.

Ф.И. Исхаков и А.А. Пальмбах отмечают численное превосходство производных глаголов над простыми в словарном составе тувинского языка (25, 258). Отмечается, что в этом языке глаголы с аффиксом –ла группируются по значению так же, как и в других языках. Однако внутри каждой из таких групп конкретные значения отдельных глаголов варьируются под влиянием своеобразных условий жизни народа и особенностей развития национального языка (там же, 259).

А.Н. Кононов делит производные глаголы турецкого языка на производно-отыменные и производно-отглагольные, наряду с продуктивными приводит ряд непродуктивных и архаичных аффиксов (30, 103-111).

По свидетельству В.И. Рассадина, в тофаларском языке аффикс –ла стал придавать отдельным глаголам значение недостаточности в противоположность другим тюркским языкам, где при его посредстве создаются слова со значением учащательности. По его мнению, и учащательность, и недостаточность действия представляют собой количественное значение (52, 239).

В грамматике караимского языка со ссылкой на Э.В. Севортыяна говорится, что для образования отыменного глагола пригодны не всякие именные основы, но лишь такие, которые по отношению к действию, выражаемому производным глаголом, обозначают орудие или средство действия, предмет действия или их признак, форму (способ, вид), место, время и субъект действия (41, 78).

Автор грамматики уйгурского языка В.М. Насилов приходит к следующему выводу: в определенный исторический период имя и глагол находились в очень тесной близости друг с другом и из одного образовалось другое (42, 78).

Наметились некоторые дискуссионные проблемы, к числу которых относится прежде всего отношение залогов к тюркской деривации. Ряд ученых залоговые формы относят к глаголам, образованным от глагольных основ (18, 17, 9, 8, 20).

Другая группа исследователей придерживается противоположного мнения, рассматривая залоговые формы глагола в разделе о формообразовании глагола (29, 25, 57, 16, 41).

Имеется и третье направление, представители которого считают, что залоговые показатели содержат в себе одновременно залоговое и словообразовательное значение. Так, например, А.А. Юлдашев пишет: «Один и

тот же залоговый аффикс в одном случае покрывает собой только залоговое значение, совершенно не касаясь лексического значения основы и таким образом, имеет исключительно словоизменяемый характер; в другом, наоборот, не имеет никакого залогового значения, а служит целям исключительно словообразовательным; в-третьих, в одно и то же время имеет и залоговое, и словообразовательное значение» (69, 87).

Итак, обзор имеющейся литературы по аффиксальному глаголообразованию в тюркских языках приводит к следующим выводам:

1. Наиболее разработанным оказалось описательное направление словообразования с его формально-структурным аспектом. Наименьшее развитие получило динамическое направление словообразования – область, в которой должны ставиться и решаться ряд проблем, связанных с синтезированием производных единиц, уясняться работа словообразовательного механизма как динамического целого. Не нашло должного развития и аналитическое направление словообразования, призванное заниматься выработкой методики и принципов анализа деривационных конструкций.

В тюркской словообразовательной науке длительное время господствовали приемы статистического и фрагментарного исследования. Еще не обособлен и не исследован функционально-семантический аспект тюркского глагольного словообразования. Однако имеющиеся попытки семантической классификации производных глаголов некоторых языков свидетельствуют о том, что и в тюркской дериватологии наблюдается тенденция дифференциации отдельных аспектов словообразования. Отрадно это видеть и осознавать потому, что современная лингвистика настоятельно диктует изучение явлений, лежащих на пересечении словообразования и семасиологии.

2. Имеется большой разноречивый в исходных теоретических положениях и исследовательских методах. Одни исследователи описывают глаголообразование исходя из аффиксов, другие – исходя из семантики производящих основ или же из значения производных единиц и т.д. В большинстве случаев не разграничивается синхронический и диахронический планы словообразования.

В некоторых работах обсуждается категориальный аппарат исследования и вводится определенная словообразовательная терминология, однако до сих пор в исследованиях лишь эпизодически появляются термины «словообразовательная парадигма», «словообразовательный ряд», «словообразовательная цепочка», «словообразовательная пара». Между тем совершенно ясно, что никакая теория словообразования не может быть адекватной, если в ней не будут учтены парадигматические и синтагматические факторы развития языка.

3. Термин «словообразовательная модель» используется тюркологами крайне редко. Соответственно, анализируются не модели, а аффиксы глаголообразования. Из различных критериев, характеризующих словообра-

зовательные аффиксы (валентность, активность, регулярность, частотность, продуктивность, употребительность и т.п.) использованы лишь некоторые. Регулярность, частотность, употребительность глаголообразующих формантов в исследованиях не отражена. Их валентность (присоединение аффиксов к словам одной или нескольких частей речи), продуктивность (прежде всего синхроническая) нашли некоторое освещение в специальных исследованиях и грамматиках. Диахроническая же продуктивность (доля, т.е. количество производных с данным аффиксом, накопившихся в языке со времени возникновения модели) и частотность (т.е. суммарное количество словоупотреблений с данным аффиксом, содержащихся в выборке различных текстов) не нашла отражение ни в одной работе по тюркской глагольной деривации.

Выявлены и описаны не все функции аффиксов глагольного словообразования. Наиболее полно освещена семантическая функция аффиксов, наименее полно – их комбинаторная функция. Имеются исследования, в которых предпринята попытка установления аранжировки и иерархии присоединения аффиксов в структуре производного глагола. Намного хуже разработан вопрос о закономерностях деривационной комбинаторики, определяющих сочетаемость производящих основ и формантов.

В большинстве работ выдвигается идея о многозначности формантов глаголообразования. Но даже в специальных исследованиях не отражена связь между функциональной нагрузкой формантов и их продуктивностью, зависимость комбинаторных свойств деривационных аффиксов от их морфемной структуры и валентности. В зависимости от частеречной характеристики производящих основ производные глаголы подразделяются тюркологами на две основные группы: 1) глаголы, образованные от именных частей речи; 2) глаголы, образованные от глагольных основ.

4. В исследованиях основной упор делается на план выражения. Семантика как основа классификации осознана далеко не всеми тюркологами. Лишь в немногих исследованиях представлен анализ значений в структуре производного слова. Соответственно целый комплекс важнейших семасиологических проблем тюркского словообразования еще не выдвинут.

5. Достижения в исследовании тюркского глагольного словообразования бесспорны, как бесспорно и то, что изучение частных проблем этой области деривации, имеющей еще много белых пятен, является насущной потребностью тюркской дериватологии.

Исследование производных глаголов в чувашском языкознании

Наиболее употребительные аффиксы глаголообразования нашли свое отражение в ряде исследований, посвященных чувашскому языку. В работе известного чувашевода и тюрколога Н.И. Ашмарина производные глаголы впервые нашли широкое освещение (6). В разделе, посвященном образованию глаголов, рассматриваются глаголы возможности, образован-

ные посредством аффикса **-ай(-ей)**; возвратные глаголы с характеристикой **-н** и **-л**; взаимные глаголы с показателями **-ш**, **-ӓш(-ӓш)** и **-ç**. Назван также аффикс **-ла(-ле, -ала)**, с помощью которого образуются глаголы, выражающие напряженность и разнообразность действия: **чав** – копать, рыть; **чавала** – разрывать, раскапывать; **сул** – наклонаять; **сулла** – качать и аффикс **-кала(-кале)**, показывающий учащенность, разносторонность действия (6, 258). Однако выделение аффиксов **-ай(-ей)** и **-кала(-кале)** в качестве словообразовательных нельзя считать удачным, потому что они могут присоединяться абсолютно ко всем глаголам и показывают только характер совершения действия (возможность – невозможность, многократность). По этой же причине такие формы в настоящее время не включаются в словники чувашско-русских словарей.

В качестве словообразующих аффиксов, необходимых для производства глаголов от имен и частиц, Н.И. Ашмарин приводит следующие: **-ла(-ле)**, **-р**, **-ар(-ер)**, **-ӓн(-ӓн)**, **-ал(-ел)**, **-шӓн(-шӓн)**, **-л(-ӓл)**, **-ӓх(-х)**, **-хай**, **-лан(-лен)**, **-лаш(-леш)**. По нашему мнению, выделение аффикса **-хай** в глаголе **сарӓхай** не совсем верно. Скорее всего здесь мы имеем дело с глаголообразующим аффиксом **-ӓх (сарӓ + ӓх + ай)**, а элемент **-ай** представляет собой формообразующий аффикс.

Существенным является то, что в таких глаголах, как **пӓрлан**, **чиӓ перлен**, **шиклен**; **сутлаш**, **тавлаш** Н.И. Ашмарин выделил **-лан(-лен)** и **-лаш(-леш)** как самостоятельные словообразующие аффиксы. Например, по поводу **-лан(-лен)** он пишет, что это «собственно не что иное, как предыдущее **-ла(-ле)** с характеристикой возвратных глаголов **-н**, но я помещаю этот аффикс отдельно, так как ни один из вышеприведенных глаголов на **-лан(-лен)** не употребляются в действительном залоге» (6, 264). А в отношении аффикса **-лаш(-леш)** он отмечает, что с его помощью образуются глаголы только с взаимным значением. Но факты чувашского языка позволяют говорить нам о таких же глаголах с медиальным значением (напр., **кутӓнлаш** «упрямиться, капризничать», **танлаш** «равняться»).

Аффиксы **-кӓр**, **-хӓр** и **-ӓртат(-ӓртет)**, **-ӓлтат(-ӓлтет)** выделяются им как образующие звукоподражательные глаголы. На наш взгляд, выделение аффикса **-ӓртат(-ӓртет)**, **-ӓлтат(-ӓлтет)** не совсем оправдано, потому что в чувашском языке имеются самостоятельные звуко- и образоподражательные слова со структурными элементами **-ӓр(-ӓр)** и **-ӓл(-ӓл)**: **шапӓр** «подр. звуку льющейся жидкости» в глаголе **шапӓртат** «шуметь (о воде)»; струиться, литься», **качӓр** «подр. скрипу, хрусту» в глаголе **качӓртат** «скрипеть, хрустеть, издавать скрип, хруст». Как можно заметить, значение приведенных глаголов связано не с подражаниями **шап** и **кач**, а именно с **шапӓр** и **качӓр**. В другой своей работе (7) Н.И. Ашмарин в однотипных глаголах (**шалӓртат** «стучать», **йӓкӓлтат** «изви-

ваться; двигаться извиваясь» (выделяет аффикс **-ат(а + т)**). По его мнению, конечное **-т** здесь первоначально аффикс понудительного глагола (там же, 142). Надо сказать, что данная точка зрения тоже не совсем верна. Если в вышеназванных глаголах можно выделить **шалтарт**, **йăкăлт**, то в таких примерах, как **ваштăртать** «шуршать, шелестеть», **вётёлтет** «мелькать» в качестве исходных основ невозможно выделить **ваштарт**, **вётёлт**. В рассматриваемой же работе он отмечает и другие аффиксы, образующие звукоподражательные глаголы: **-ка(-ке)**, **-а**, **-ла(-ле)**, **-лат(-лет)**, **-кăш(-кёш)**, **-чăн**, **-шăн**.

Как особый род глагола Н.И. Ашмарин выделяет понудительные, которые образуются от всех прочих глаголов путем прибавления аффиксов: **-ар(-ер)**, **-т**, **-тар(-тер)**. К понудительному относит он и глаголы **мăнтăрлат** «сделать толстым, раскормить», **тўрлет** «поправить», где, по его мнению, конечное **-т** сменило **-н** (ср.: **мăнтăрлан**, **тўрлен**). Но следует заметить, что в чувашском языке нет глаголов **мăнтăрла-**, **тўрле-**, к которым могли бы присоединиться **-н** или **-т**. Поэтому в вышеназванных глаголах целесообразно выделить аффиксы **-лан(-лен)** и **-лат(-лет)**, которые присоединяются непосредственно к именным основам.

Из ранних исследований по чувашскому языку можно еще отметить работу Н.В. Никольского «Конспект по грамматике чувашского языка» (43), где образование глаголов от простых глагольных основ он рассматривает аналогично Н.И. Ашмарину.

Другой исследователь чувашского языка Т.М. Матвеев в описании производных глаголов также в основном придерживается взглядов Н.И. Ашмарина. Поучителен факт, указанный в работе Т.М. Матвеева. Он отмечает, что «чувашский глагол имеет только один залог – действительный» (40, 86). Из этого следует, что все те формы глаголов, которые в настоящее время многие лингвисты относят к залоговым, он считал новыми лексическими единицами, не выражающими субъектно-объектных отношений.

В грамматике Ф.Т. Тимофеева описываются в основном те же глаголообразующие аффиксы, которые встречаются у Н.И. Ашмарина и Т.М. Матвеева. Но, в отличие от предыдущих исследователей, он считает производные глаголы типа **юсан** (**юса-н**), **мухта-н** и **сивён** (**сивё-н**), **йёпен** (**йёпе-н**) образованными с помощью одного и того же аффикса **«-н, -ăн, -ён»**. По его мнению, словообразующий аффикс **«-л, -ăл, -ёл»** тоже может образовать глаголы как от имен, так и от глаголов: **чёрёл**, **ватъл** и **сурал**, **сарал**. (58, 62).

В статье Н.А. Андреева «Аффиксы чувашского языка» (2) впервые раскрывается природа и значение глаголообразующего аффикса **-ла(-ле)**, который «весьма продуктивен и широко распространен в словообразовании чувашского языка» (2, 167). Новым в этом исследовании является то,

что автор выделяет конкретные лексические значения производных глаголов исходя из семантики производящего слова. Н.А. Андреевым приводятся такие значения глаголов с аффиксом –ла(-ле): 1) «производить действие при помощи орудий и предметов»; 2) «придавать при помощи предметов качество их другим предметам или наделять их частью своих свойств»; 3) «нанести действия по месту, выраженному именем»; 4) уничтожить то, что выражено именем; 5) «сделать, производить то, что выражено именем, образующим глагол»; 6) «производить действия с изданием звуков, выраженных словом»; 7) «находиться в каком-нибудь состоянии или предаваться какой-нибудь деятельности».

Новым в работе Н.А. Андреева является также отражение некоторых морфонологических процессов, происходящих при глаголообразовании с помощью рассматриваемого форманта. Показывается, что слова, оканчивающиеся на *я́, ё́*, при образовании глаголов в большинстве случаев теряют эти звуки: *ташя́* «пляска» - *ташла* «плясать», *ыря́* «добрый» - *ырла* «одобрять» (2, 169).

Более тщательному анализу подвергает производные глаголы В.Г. Егоров (22). Он отмечает, что глаголы образуются от именных и глагольных основ и только частично от междометий и подражательных слов.

Производные глаголы В.Г. Егоров рассматривает исходя из того, к какой части речи присоединяется тот или иной аффикс. Сами аффиксы автор группирует в зависимости от конкретного лексического значения производных глаголов. Например, аффиксы –*я́н(-ё́н)* и –*лан(-лен)* даны вместе, так как все производные глаголы с этими аффиксами имеют значение «становиться таким, какое качество означает лежащее в основе данного глагола имя прилагательное, или со значением действия, имеющего то или иное отношение к предмету, обозначенному существительным, лежащим в основе глагола» (22, 159).

Роль аффиксального глаголообразования в обогащении лексики чувашского языка описана А.Е. Горшковым. "Образование глаголов путем присоединения к именам существительным словообразовательных аффиксов, -- пишет автор, - это один из наиболее продуктивных способов в чувашском языке. Этим объясняется то, что глаголы, в основу которых легли русские слова, в большинстве своем созданы путем присоединения чувашских словообразовательных аффиксов к заимствованным русским существительным. Например: *апатлан* "есть, принимать пищу", *апатлану́ тар* "дать кому поесть, ёретле "привести в порядок", *ёскёртле* "складывать скирду, что-нибудь сложить в скирду", *вырйслан* "обрусеть", *кирпёчле* "выделывать в форме кирпича", *крассынла* "испачкать керосином" (15, 162). Здесь же отмечено, что глаголы, образованные посредством деривационных аффиксов от заимствованных русских прилагательных, в чувашском языке встречаются редко. Это связано с тем, что аффик-

сы глаголов способны присоединяться лишь к качественным прилагательным, а последние среди заимствованных русских прилагательных составляют абсолютное меньшинство (там же, 163).

Тщательному анализу подвергает производные глаголы И.П. Павлов (50). Заслуживает внимания то, что он рассматривает многие структурно выделяемые аффиксы в чувашском языке, начиная от самых продуктивных и кончая самыми непродуктивными. В его работе таких аффиксов 24. Как и многие тюркологи, все аффиксы он подразделяет на две большие группы: продуктивные (5) и непродуктивные (19). Опираясь на исследования тюркологов, утверждает, что при помощи многих аффиксов на ранних стадиях развития языка могли создаваться глаголы как от имен, так и от глаголов. Некоторые из них (**-ал(-ел)**, **-ан(-ен)**, **-аш(-еш)**, **-ар(-ер)**) служили для образования глаголов от глагольных и именных основ, а впоследствии стали обслуживать категорию залога. Отмечено, что в чувашском языке аффиксы залога не потеряли словообразовательную функцию. Доказательством тому являются производные типа **хирёс** «ругаться, браниться», **вӑрç** «воевать, сражаться; драться», **пулӑш** «помогать», **килӑш** «договориться». По этой же причине, как отмечает автор, все залоговые формы включаются в словники чувашско-русских словарей.

В очерке "Чувашский язык" (1), автором которого является И.А. Андреев, указаны наиболее продуктивные аффиксы именного глаголообразования. Отмечено, что в чувашском языке имеются производные глагольные основы с различными залоговыми показателями, но нейтральные к грамматической категории залога, например, **пулӑш** «помогать» (от основы **пул** "быть"). По мнению автора, все залогообразующие аффиксы могут выступать также в словообразовательной функции, например: **тапӑн** «нападать», **уттар** «идти шагом» (1, 54-55).

Интересные мысли о глагольных аффиксах высказаны Л.С. Левитской (32). В разделе «Глагол», где аффиксы сгруппированы с учетом их генетических (этимологических) связей, говорится о трудности разграничения аффиксов, образующих глаголы от именных и от глагольных основ, так как некоторые из них оказываются «универсальными» (32, 165). В работе анализируются и такие производные глаголы, которые, по сути дела, должны быть объектом этимологического, а не словообразовательного анализа. По мнению автора, некоторые чувашские формы, в том числе и словообразовательные аффиксы, имеют своим источником тюркские языки, условно относимые к кыпчакскому типу. Некоторые же элементы, в том числе и деривационные, можно назвать, по пояснению автора, и собственно чувашскими.

Производные глаголы рассмотрены и в монографии М.Р. Федотова "Чувашский язык в семье алтайских языков" (63). Словообразовательные аффиксы подразделены им на продуктивные и непродуктивные. Отдельно

рассматриваются отыменные и отглагольные образования. Особенностью этой работы является то, что производные глаголы описываются в ней в сравнении с материалом древнетюркского и современных тюркских языков, во многих случаях приводятся чувашско-марийские соответствия.

В разделе об образовании глаголов от вербальных основ приведены примеры, представляющие собой "вторичные глаголы, образованные при помощи особых аффиксов, выражающих в широком смысле характер протекания действия основного (смыслового) глагола, непосредственно не связанного с субъектно-объектным отношением (залогом) (63, 41). Анализируются дериваты, образованные: 1) с помощью аффиксов отыменного глаголообразования (-ла(-ле), -та(-те), -ар(-ер), -ӓх(-ӓх)); 2) с помощью специальных аффиксов -ала(-еле), -кала(-келе). Что касается аффикса -кала(-келе), нам кажется не совсем правильным отнесение его к словообразовательным. В чувашском языке этот формант присоединяется ко всем глаголам и образует форму многократности.

Залоговые формы М.Р. Федотов считает вторичными глагольными основами, выражающими субъектно-объектные отношения. Вместе с тем им отмечаются и глаголы, в которых первоначальное залоговое значение приобрело новую семантику, например, килӓш «договариваться, соглашаться друг с другом» (63, 76).

Глаголообразование с помощью продуктивных аффиксов описывается Л.П. Сергеевым в книге «Чувашский язык» (55). К продуктивным аффиксам он относит следующие: -ла(-ле), -лан(-лен), -лаш(-леш), -лат(-лет), -тат(-тет), которые участвуют в производстве глаголов от именных основ, звукоподражательных слов. Автор отмечает, что в современном чувашском языке самым продуктивным является аффикс -ла(-ле), который может образовать слова с разнообразной семантикой. По свидетельству автора, в чувашском языке глаголы могут образоваться и от глагольных основ с помощью аффиксов: -ӓн(-ӓн), -ӓл(-ӓл), -ӓс(-ӓс), -ӓш(-ӓш). Подчеркивается малочисленность глаголов с этими аффиксами в чувашском языке. Л.П. Сергеев утверждает, что указанные аффиксы вначале были словообразовательными, впоследствии их функции изменились, и они стали выражать объектно-субъектные отношения, но эта функция развита слабо.

Вопросам аффиксального глаголообразования посвящены также статьи А.П. Орловой (46, 44, 47, 45, 48). В статье «Образование глаголов с помощью аффикса -ла(-ле)» исследователь дает характеристику производящим основам, а также производным глаголам с указанным аффиксом. Развивая идеи Э. В. Севортына, автор статьи отмечает, что при помощи аффикса -ла(-ле) глаголы в чувашском языке образуются строго от определенного круга основ. Главным образом от слов, обозначающих орудие или средство действия, результат или признак результата действия, пред-

мет действия, форму, способ и вид действия, название действия, место, направление, время действия и действующее лицо (46, 124).

Группируя производящие основы по семантическому признаку, исследователь сталкивается с определенными трудностями, связанными с тем, что многие из производящих основ по отношению к действию, выражаемому глаголом, многофункциональны. Например, в слове **йёлтёрле** в значении «делать лыжи» основа **йёлтёр** «лыжи» означает объект, а в значении «оставлять лыжный след» - орудие. Подчеркивается, что эти значения реализуются только в определенном контексте.

В другой статье А.П. Орлова анализирует глаголы с аффиксом **-лан(-лен)**, который отмечается ею как наиболее производительный и продуктивный. В отличие от исследователей, считающих самым продуктивным аффикс **-ла(-ле)**, она отмечает, что количество глаголов, образованных при помощи **-лан(-лен)**, почти в 1,5 раза превышает количество глаголов на **-ла(-ле)**.

Обзор литературы по чувашскому глаголообразованию приводит к следующим выводам.

В имеющихся работах по глаголообразованию содержится в основном не качественная, а количественная характеристика словообразовательных средств. Из формально-структурных параметров нашли определенное освещение продуктивность аффиксов и в какой-то степени – их валентность.

Из семантических параметров некоторое освещение нашла многозначность формантов, значение производных глаголов и производящих их основ. Не исследованы синонимические, омонимические, антонимические отношения в системе производных глаголов, не отражена семантическая соотносительность производных и производящих основ.

Мало исследований, в которых система аффиксального глаголообразования описывается с ономаσιологических позиций, предопределяющих анализ от значения к форме. Еще не выработана единая методика анализа словообразования, не разграничены синхрония и диахрония, еще не затронута тема статики и динамики в словообразовании.

Не сделана попытка разграничения и выявления специфики транспозиционного и нетранспозиционного словообразования в системе производных глаголов. Неразрешенным остается вопрос об отношении залоговых форм к словообразованию.

Еще не поставлен ряд сложных проблем, таких как функционально-семантическая характеристика глаголообразующих аффиксов, выявление морфонологических альтернатив, сопутствующих глаголопроизводству, асимметрия словообразовательных значений и словообразовательных формантов и т.д. Изучение этих и многих других вопросов несомненно способствовало бы уяснению специфики деривационных тенденций, закономерностей и позволило бы сделать важные обобщения.

Определенные успехи в описании чувашского глаголообразования, конечно, имеются. Выявлен словообразовательный инвентарь, установлена продуктивность – непродуктивность аффиксов. Но надо отметить, что многие исследования носят формально-структурный, чисто описательный характер. Исключением в этом смысле являются работы А.П. Орловой.

На современном этапе развития общей дериватологии и чувашского словообразования требуются качественно новые исследования глагольной деривации.

Принципы описания словообразования

Установление деривационных отношений между словами и характером словообразовательной структуры, продуктивности средств словопроизводства, выявление всего диапазона словообразовательных моделей и значений составляет основную задачу дериватологии. Уже привычным становится считать дериватологию двуаспектной – ретроспективной и перспективной. Ретроспективная дериватология изучает словопроизводственную структуру слов (как созданы готовые слова), а перспективная дериватология – собственно словообразовательный процесс (как создаются слова). Первая – статична, вторая – динамична.

В ретроспективной, т.е. традиционной, дериватологии основным объектом исследования является результат словообразовательных процессов – производное слово, словообразовательная парадигма, словообразовательная цепочка с их структурными особенностями. В результате ретроспективного анализа словообразовательных процессов у исследователя складываются представления об образце, структурной схеме, по которой образовано то или иное слово. Следовательно, выявление словообразовательной модели также происходит в процессе ретроспективного анализа словопроизводства. В ретроспективных исследованиях не ставится вопрос о том, может ли выступать данная основа как производящая база и какие имеются у нее деривационные возможности. Между тем именно этот аспект больше всего интересует в настоящее время исследователей словообразовательных систем разных языков. Анализ слов с точки зрения их словообразовательной валентности способствует включению в исследования всей лексики языка.

Дериватология представляет собой науку, допускающую множество подходов к изучаемому объекту. Обзор имеющейся литературы показывает, что на ранних этапах становления теории словообразования в качестве приоритетных выдвигались разные подходы: морфологический, где процессы словопроизводства описывали исходя из элементов структуры слова – производящей основы и форманта, а минимальной единицей словообразования считалась морфема (на данном этапе словообразование рассматривалось как часть морфологии); структурно-семантический, где основными проблемами исследования считались структурное и семантическое

соотношение производных и производящих, установление словообразовательной производности, мотивированности слова, выяснение природы словообразовательного значения; синтаксический, где семантику и структуру дериватов разных типов пытались объяснить процессуально на основе разных синтаксических конструкций; функционально-семантический, основными исследовательскими вопросами которого были проблемы, связанные с семантикой и функцией деривационных элементов слова и функционирование производных единиц в системе языка.

Имеется большой разноречивой также в исследовательских методах и исходных теоретических положениях. Не все подходы дают возможность полностью раскрыть механизм словообразовательной системы. Описания словопроизводства в русле традиционной морфологии не адекватны изучаемому материалу по следующим причинам: 1) образование производных структур описывается как простое соединение производящих основ и формантов; 2) не учитывается в полной мере семантическая соотносительность производных и производящих; 3) не раскрываются функционально-семантические свойства словообразовательных формантов; 4) чаще всего выделяется только один аффикс и на этой основе слово признается производным, исходя из аффикса определяется словообразовательная модель; 5) не подвергаются анализу такие единицы словообразования, как словообразовательная парадигма, словообразовательный ряд, словообразовательное гнездо и т.д.

Для того, чтобы показать, как именно действует механизм словообразования на том или ином участке деривации, недостаточен анализ только структуры производного и моделей. Необходим анализ на более высоком уровне. Для этого в настоящее время на смену чисто формальных, структурных методов исследования приходят методы семантического и функционального анализа языковых единиц.

Являясь строевым элементом для единиц более высшего уровня, т.е. производного слова, производящие основы и аффиксы обеспечивают его структурную расчлененность, т.е. производные слова являются сферой их функционирования. Таким образом, производные структуры – это сфера осуществления производящими основами и формантами своих функций (комбинаторных, семантических и т.д.). Функции и структура в языковой действительности соотносятся следующим образом. Основополагающим, определяющим является функция, а определяемым – структура. К сожалению, в существующих исследованиях словообразовательных систем тюркских языков на функциональную сторону деривационных аффиксов обращается мало внимания.

Словообразование может быть описано по трем схемам: 1) «от производного слова»; 2) «от производящей основы»; 3) «от форманта». Но все эти исследования по отдельности создадут одностороннее представление о словообразовании. В исследованиях по первой схеме в стороне остается

вопрос о том, может ли выступать то или иное слово как производящая основа и почему; какие у него имеются деривационные возможности. В описаниях по второй схеме не найдут достаточного освещения функции словообразовательных формантов. Работы, выполненные по третьей схеме, не раскрывают роль производящих основ.

Язык как системно-структурное целое требует к себе системного подхода. Словообразование, таким образом, должно исследоваться по всем названным схемам, т.е. в разных сечениях. Исследование аффиксального словообразования должно быть построено так, чтобы читатель мог получить исчерпывающее представление о структурно-семантических особенностях производящих основ, об инвентаре словообразовательных формантов (с учетом их комбинаторных, семантических и других функций) и о результатах словообразовательных процессов – производных основах. Объектом исследования должны быть главным образом слова с прозрачной деривационной структурой, т.е. производные, не претерпевшие лексикализации. Но нельзя полностью исключить из исследований и опрошенные основы, в которых сохранились следы прошлых языковых эпох. Выявить то, что имеется в языке, необходимо всегда с учетом того, что было.

Системный подход подразумевает раскрытие всех сторон словообразовательных элементов – структуру, семантику, закономерность их присоединения и т.д. Однако системность языка достигается не только отношениями внутри отдельных уровней (по горизонтали), но и, что не менее, а может и более значимо, взаимодействием уровней (по вертикали). В дериватологических исследованиях, безусловно, должно отразиться взаимодействие словообразования с лексикой и морфологией.

Производное слово характеризуется сложностью, в частности, и поэтому, что соединяет словообразование с лексикой и грамматикой. Синонимия, омонимия, антонимия, традиционно относимые к исконно лексическим явлениям, обнаруживают себя в деривационных структурах. Они должны рассматриваться в связи с общей тенденцией развития словообразовательных отношений, с развитием комплексных единиц словообразования – словообразовательных парадигм, гнезд и т.д.

Связь словообразования с грамматикой проявляется не только в его взаимодействии с морфологией (словообразовательные связи между частями речи, грамматические свойства производных и т.д.), но и в его отношениях с синтаксисом. Известно, что в основе многих сложных слов и сложноаффиксальных образований лежат синтаксические конструкции, т.е. словосочетания.

Исследование взаимосвязей словообразования с другими языковыми подсистемами позволит установить более точное место этой подсистемы в системе языков, ее роль в функционировании системы. Споры о статусе словообразования вызваны именно с неизученностью его связи и взаимодействия с другими подсистемами языка.

Итак, словообразовательные процессы должны изучаться с учетом структурных и семантических особенностей данного языка. В исследованиях по тюркской деривации система словообразования представляется как отношения производящих основ и формантов. При этом раскрываются не все функции аффиксов. В частности, не описываются транспонирующая, классифицирующая и грамматическая (в смысле указания частеречной принадлежности слова) функции формантов. Между тем, выполняя транспонирующую функцию, аффиксы, во-первых, поддерживают частеречные деривационные связи, во-вторых, вовлекают в гнезда слова разных лексико-грамматических категорий. Поэтому освещение транспонирующей функции словообразовательных формантов является отнюдь немаловажной задачей дериватолога. Это важно и потому, что иногда транспозиция составляет единственное содержание форманта. Разумеется, транспонируя основы в другой лексико-грамматический класс слов, многие аффиксы участвуют и в смысловом преобразовании слова. Транспонирующая функция таких формантов не является их единственной функцией.

Классифицирующая функция аффиксов связана не с частеречным делением словарного состава языка, а с образованием определенных лексико-семантических разрядов слов. Исследование данной функции аффиксов необходимо и для описания словообразовательной семантики, и для освещения вопросов полисемии и омонимии производных, а также словообразовательной синонимии, антонимии.

Достаточно остро стоит и проблема стандартности – нестандартности значения тюркских аффиксов, их полисемии и омонимии. Без выработки критериев разграничения полисемии и омонимии на уровне морфем различать многозначные деривационные форманты от разных, но однозвучных формантов чрезвычайно трудно. Но без этого нельзя адекватно описать систему аффиксального словообразования.

Из-за несистемности исследований в тюркской дериватологии, к сожалению, мало уделяется внимания семантической структуре производящих основ. До сих пор нет работ, посвященных проблеме словообразовательной комбинаторики с точки зрения семантического соотношения производящей основы и форманта. Не раскрывается известная лингвистам избирательность производящих основ по отношению к аффиксам.

Из-за недостаточной охарактеризованности производящих основ в тюркологии отсутствуют исследования, описывающие семантическую относительность производящего и производного. Между тем именно исходя из семантических соотношений устанавливается производность между парой однокоренных слов.

Словообразование может быть описано по семантическому принципу. Образцы описаний тюркской деривации по принципу «от значения к форме» содержатся в монографии В.А. Исенгалиевой (24). Ф.А. Ганиев, хотя в своих исследованиях придерживается обоих принципов – «от формы к

значению» и «от значения к форме» (13), тем не менее признает, что «исследование языка с точки зрения семантики необходимо прежде всего для раскрытия глубинных явлений его грамматического строя и словообразования» (12, 31). Семантическое описание грамматики представляет трудную задачу, «ибо до сего времени еще не все грамматические и словообразовательные значения изучены, исходя из единых научных принципов формативной грамматики и формативного словообразования» (там же).

Как бы привлекательными ни были семантические аспекты исследования языка, в поле зрения лингвистов неизменно и всегда будет находиться языковая форма, так как именно она прежде всего отражает различия, содержащиеся в лингвистических единицах. Формальные изменения призваны, кроме того, облегчить воссоединение основ с аффиксами. Поэтому морфонологические явления, сопутствующие словообразовательным процессам, безусловно должны быть отражены в исследованиях словообразования конкретных языков. Необходимо выявить морфонологические правила, релевантные для описания словообразовательной системы, иначе говоря, установить морфонологические модели синтеза словообразовательных элементов. Хотя в маркировании того или иного участка деривации в чувашском языке морфонологические явления не имеют такого удельного веса, как, например, в русском и других индоевропейских языках, тем не менее деривационная морфонология должна занять достойное место в исследованиях по словообразованию.

Основные понятия словообразования

В дериватологии к основным относятся понятия словообразовательного процесса, словообразовательной системы (подсистемы языка), словообразовательной модели, словообразовательного значения, производности слова, мотивированности слова, семантической соотносительности производящих и производных основ.

Словообразовательное значение и словообразовательная модель более тщательно освещаются в главе «Формальная и семантическая классификация производных глаголов». Здесь же остановимся вкратце на других указанных понятиях.

Словообразовательный процесс. Словарный состав языка постоянно изменяется, обновляется. Изменения, происходящие в реальной жизни, отражаются в лексике и, естественно, в словообразовательной системе языка. Новые понятия требуют новых слов. Словообразовательные процессы, в которых создаются новые наименования, способствуют увеличению лексического фонда языка.

Образование новых слов происходит по аналогии, а это значит, что производные любого способа словообразования создаются по сложившимся в языке образцам – моделям. Словообразовательный процесс – это пол-

ностью подчиняющаяся правилам языковая деятельность. Словообразовательные процессы и модели взаимообусловлены. Процессы происходят по определенным моделям, а их результаты дают понять, каким моделям носители языка отдают предпочтение при создании вторичных конструкций.

Словообразовательные процессы протекают при взаимодействии лексических, морфологических, синтагматических, парадигматических, прагматических планов и зависят от языкотворческой способности человека. В словообразовательных процессах реализуется потребность носителей языка в новых номинациях. Динамическая природа языка находит свое отражение в деривационных процессах, которые представляют собой действие словопроизводственного механизма языка для создания новых лексических единиц. Порождение нового слова – основная функция словообразовательных процессов.

Словообразовательная система (подсистема) языка. Под словообразовательной системой иногда понимается совокупность словообразовательных моделей – продуктивных и непродуктивных, а иногда – совокупность всех словообразовательных моделей и гнезд. По мнению некоторых исследователей, словообразовательную систему языка составляют лишь идеальные словообразовательные формы и продуктивные модели.

Однако необходимо иметь в виду следующее. Словообразовательная система языка формируется совокупностью всех деривационных единиц (производящих и производных основ, формантов, словообразовательных цепочек, парадигм, гнезд, рядов, пар), а также совокупностью правил, образцов и приемов словопорождения (словообразовательных способов, моделей – продуктивных и непродуктивных).

Производность слова. Непроизводными являются слова, не содержащие в себе словообразовательные элементы и, соответственно, ни от каких других слов не образованные. Они не разложимы на непосредственно составляющие части и обладают простой структурой (**кил** «приходить», **ил** «брат», **вырт** «лежать»). Непроизводные (простые, корневые) слова являются чисто условными названиями предметов, явлений действительности. Основными признаками производных слов являются – в формальном плане – их нечленимость, в семантическом плане – немотивированность.

Производными называются слова, образованные от других слов и содержащие в своем составе деривационный формант (или другой функционально сходный элемент). Производные основы словообразовательно членимы и находятся в смысловых связях с производящими их словами, называя реалии действительности через посредство их семантики. Основными признаками производных слов являются в плане формальном их членимость на непосредственно составляющие, а в плане семантическом – мотивированность другими словами. Ср.: **имшерлет** «подрывать здоровье» от **имшер** «нездоровый», **кутамаслан** «становиться низкорослым»

от кутамас «низкорослый», сухала «пахать» от суха «соха», суранлан «пораниться» от суран «рана, ранение».

В чувашском языке, как и во многих других языках мира, производные основы значительно превосходят количественно непр производных основ, о чем свидетельствуют подсчеты корневых и вторичных лексических единиц, извлеченных из имеющихся одноязычных, двуязычных и терминологических словарей.

Мотивированность слова. Отношения производности охватывают и область материальной структуры слова, и область значения, тогда как отношения мотивированности связаны лишь с областью значения. Мотивированность – это семантическая (смысловая) производность. Производная основа в то же время является основой мотивирующей. Однако как мотивирующая база она будет восприниматься лишь до тех пор, пока производное не претерпевает процесс опрошения, в результате чего появляются словообразовательно нечленимые (в синхронном плане) и немотивированные слова типа ултала «обманывать» (улта – ?), хайма «сметана» (хйй – ?), пайлан «волноваться» (пйл –?), пйрат «размешивать; мутить» (пйтра –?).

В отношениях словообразовательной мотивации находятся слова, обладающие следующими признаками: 1) оба слова имеют один и тот же корень; 2) значение одного из слов или полностью входит в значение другого или тождественно лексическому значению другого. Ср.: касар «прощать» - касару, кайшак «брусок» - кайшакла «точить», пйр «лед» - пйрлан «леденеть»; 2) иккйленй «сомнение, сомнительность» - иккйленйльх «сомнение, сомнительность».

Таким образом, мотивация – это предопределенность семантики производного семантикой производящей основы (главным образом) и форманта. Если производность проявляется в двух планах – формальном (в словообразовательной структуре) и семантическом, то мотивация – только в одном, семантическом плане.

В дериватологии различают исходную и неисходную мотивацию. Исходной называют мотивацию корневым, немотивированным словом, а неисходной – мотивацию производным, мотивированным словом. Ср.: производные с исходной мотивацией: сйнчйрла «приковать к цепи» - сйнчйр «цепь», сйранлан «залосниться» - сйран «кожа», сйрла «красить» - сйрй «краска»; производные с неисходной мотивацией: авйклан «изгибаться, становиться кривым» - авйк «изогнутый»; йсймлет «делать успешным, эффективным» - йсйм «рост; успех», танлаштар «сравнивать» - танлаш «равняться».

На словообразовательной мотивированности основывается объединение слов в словообразовательные пары. Ср.: йт «тело, плоть» - йтлен «быть зачатым; полнеть», ансат «легкий» - ансатлан «становиться более

легким», ула – «пестрый» - улалат «пестрить, делать пестрым». В словообразовательных парах левый член является мотивирующей основой, правый – мотивированной.

Семантическая соотносительность производных и производящих основ. Отношения мотивации предполагают строгую соотнесенность семантики производного с конкретным значением производящего. Смысловые связи производных и производящих основ характеризуются многообразием. Не всегда легко определить, на базе какого конкретного значения производящей основы возникло то или иное производное слово. Но об одном можно твердо сказать: в обеспечении семантической преемственности, соотносительности словообразовательно связанных слов большую роль играет мотивирующая основа.

Основные единицы словообразования

Словообразовательная система – это иерархическая организация различных деривационных единиц. Под деривационной единицей надо понимать языковой знак, относящийся к словообразованию как самостоятельной области языковой структуры. Главной и основной целью всех деривационных исследований в определенной мере должно быть установление иерархии словообразовательных единиц, их структурных, семантических и функциональных особенностей. Несомненно существуют единицы более высокого «ранга» (степени обобщения) и единицы более простые. К более простым единицам относятся деривационный формант и производящая основа, к комплексным – словообразовательная пара, словообразовательный ряд, словообразовательная цепочка, словообразовательная парадигма, словообразовательное гнездо.

Особое, центральное место среди этих единиц занимает производная основа – основная единица словообразования, которая, с одной стороны, не входит в комплексные единицы, с другой – сама делится на непосредственно составляющие и поэтому не может считаться простой неразложимой единицей. Производное слово, таким образом, нельзя относить ни к простым (минимальным), ни к комплексным единицам словообразования. Как уже было указано, как основная единица деривационной системы оно занимает особое место.

Рассмотрим вкратце названные выше единицы.

Производное слово. Одним из важнейших условий существования и функционирования языка является соответствие его грамматических и лексических систем потребностям коммуникации. Так как потребности эти постоянно изменяются, язык должен перестраиваться согласно требованиям реальной жизни. В соответствии с реальными нуждами должен находиться прежде всего словарный (лексический) фонд. Функция поддержа-

ния лексического инвентаря в соответствии с требуемым реальностью уровнем, которую выполняет словообразование, принципиально эволюционна. Она направлена на изменение языка.

Словообразование, являясь воплощением определенного языкового состояния, принадлежит динамической синхронии. Словообразовательные процессы, призванные в конечном счете для изменения лексикона, пополняя его золотой запас новыми номинациями, больше чем какие-либо лингвистические процессы отражают изменение языка, его гибкость.

В семантической структуре производного слова наиболее ярко отражается относительно самостоятельный статус словообразования. Производное слово – мотивированная единица языка и отражает реальную действительность не прямо, а через значение других единиц языковой системы. В этом отношении производное слово соотносится с реалиями внеязыковыми и языковыми.

Словообразовательная пара. Два слова, находящиеся в отношениях непосредственной мотивированности (производности), образуют словообразовательную пару: **йёвен** «уздечка» - **йёвенле** «взнуздывать», **йёп** «игла» - **йёплен** «становиться колючим», **лутра** «низкий» - **лутралат** «делать низким».

В синхронном плане каждое производное слово имеет свое производящее. На этом основано выделение словообразовательных пар. Производящий член словообразовательной пары может быть как корневой, так и некорневой (производной) единицей. Ср.: **пылак** (**пыл**—**ак**) «сладость» - **пылакля** «делать сладким», **ёмёр** «век» - **ёмёрле** «вековать», **сиенсёр** (**сиен**—**сёр**) «безвредный» - **сиенсёрлен** «обезвреживаться».

Одно и то же слово может быть производящим членом нескольких словообразовательных пар. Чем выше деривационная потенция слова, тем больше словообразовательных пар может быть сформировано на его основе. Ср.: **парне** «подарок» - **парнеле** «дарить», **парне** «подарок» - **пару** **нелёх** «подарочный» (2 пары); **ниш** «бессилие, немощь» - **нишлен** «обессилеть, ослабеть», **ниш** — **нишлё** «бессильный», **ниш** — **нишлёх** «бессилие, немощь» (3 пары); **пяр** «лед» - **пярлан** «покрываться льдом», **пяр** — **пярлак** «гололедица», **пяр** — **пярлэ** «ледяной», **пяр** — **пярлэх** «ледник» (4 пары).

Члены словообразовательной пары находятся в двусторонней связи – формальной и семантической. Семантическая выводимость производного из значения производящего является основным критерием объединения их в словообразовательную пару.

Итак, словообразовательная пара представляет собой простейшую комплексную единицу и основана на отношениях деривационной производности слов. Иначе говоря, словообразовательная пара имеется только тогда, когда одно слово включается в толкование значения другого слова.

В синхронном плане о конкретном словообразовательном процессе и о результатах этого процесса можно говорить лишь при наличии соответствующей словообразовательной пары.

Словообразовательный ряд. Термин «словообразовательный ряд» имеет примерно двадцатилетнюю историю и обозначает совокупность слов, образованных посредством определенного аффикса. В деривационном ряду слова могут иметь разные словообразовательные значения. Например, ряд с аффиксом *-ла(-ле)* содержит слова со следующими значениями: 1) действовать при помощи орудий, предметов (ср. *йётёрле* «раскатывать, катать скалкой»); 2) перемешать, пропитать что-либо тем, что названо производящей основой (*хйймала* «сдабривать сметаной»); 3) превратить что-либо в предмет, названный производящей основой (*уләмла* «превращать в солому») и т.д.

Словообразовательная цепочка. Это такая комплексная единица деривации, в которой однокорневые слова находятся в отношениях последовательной мотивации: *вәтан* «стесняться» - *вәтанәç* «стеснение» - *вәтанәслә* «застенчивый» - *вәтанәслән* «застенчиво», *вәтан-вәтану* «стеснение» - *вәтануләх* «застенчивость», *вәтан-вәтанчәк* - «застенчивость, застенчивый» - *вәтанчәкләх* «застенчивость». В словообразовательной цепи слова упорядочены так, что каждое предыдущее (кроме замыкающего) является производящим для последующего. Являясь основной синтагматической единицей, словообразовательная цепь играет большую роль в структурировании гнезда, которое характеризуется весьма непростыми формальными и семантическими отношениями слов.

Зависимость производных слов в цепи от предыдущих членов двусторонняя – формальная и семантическая. Но непосредственно связаны лишь смежные звенья. Количество опосредованных мотиваций в полных цепях можно выявить следующей формулой: каждые два производных дают одну опосредованную мотивацию. В цепи *хум* «волна» - *хумхан* «волноваться» - *хумхану* «волнение» - *хумханулла* «волнующий» - *хумхау нулла* «взволнованно» в опосредованных мотивационных отношениях находятся слова *хум* и *хумхану*, *хумхан* и *хумханулла*, *хумхану* и *хумханулла*.

Словообразовательная парадигма. Термин «словообразовательная парадигма», сравнительно недавно появившийся в отечественной и зарубежной дериватологии, в настоящее время получил широкое распространение. Хотя и встречаются отдельные возражения против использования словосочетания «словообразовательная парадигма» в качестве термина, большинство дериватологов, начиная примерно с 70-х годов, активно применяют этот термин в своих исследованиях. В лингвистике встречается несколько вариантов этого термина: словообразовательно-семантическая

парадигма (Р.С. Манучарян), словообразовательное склонение (К. Бузашива).

Словообразовательная парадигма – это все возможные модели производных от одной основы, т.е. это словообразовательное гнездо, ограниченное первой ступенью деривации.

Словообразовательное гнездо. Термин «словообразовательное гнездо» в недалеком лингвистическом прошлом имел и другие эквиваленты: «словарное гнездо», просто «гнездо» и т.д. В настоящее время в дериватологии стабильно и однозначно употребляется термин «словообразовательное гнездо» в значении совокупности слов, имеющих общий корень. Однако определение словообразовательного гнезда как простой совокупности однокоренных слов, как это часто допускается в исследованиях, «не отражает одно существенное свойство словообразовательного гнезда – упорядоченный характер этой совокупности слов. Дело в том, что любое гнездо имеет строгую определенную структуру, и каждый его элемент (слово) занимает в нем предусмотренное системой языка и закрепленное в норме место. В основе строения гнезд лежит принцип иерархии, принцип последовательного подчинения одних единиц другим» (59, 36). Поэтому определение словообразовательных гнезд просто как совокупность однокоренных слов не отражает полностью языковую действительность и требует существенных дополнений.

Имеется немало определений словообразовательного гнезда, в которых одна и та же суть формулируется по-разному. Вслед за А.Н. Тихоновым, под словообразовательным гнездом мы понимаем упорядоченную отношениями производности совокупность слов, характеризующихся общностью корня, и подчеркиваем, что общность однокоренных слов проявляется не только в плане выражения (в наличии у них одного и того же корня), но и в плане содержания (корень выражает общий для всех родственных слов элемент значения), т.е. слова, объединяющиеся в словообразовательное гнездо, имеют и смысловую, и материальную общность.

Словообразовательные гнезда имеют подвижный, открытый характер и постоянно пополняются новыми словами, в результате чего изменяется их состав и формально-семантические отношения между членами гнезда. В гнездах наряду с узуальными образованиями могут находиться и неологизмы, а также слова, не получившие в данное время языкового статуса и встречающиеся только в определенном тексте (так называемые авторские неологизмы и окказионализмы). Так, в последние годы гнезда с исходными словами **урӑ «трезвый», сӗнӗ «новый»**полнились соответственно словами **урӑлтаркӑч «вытрезвитель», сӗнӗркерелӗ «перестройка», сӗнелӗ «обновление»**.

Глава 2 ФОРМАЛЬНАЯ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПРОИЗВОДНЫХ ГЛАГОЛОВ

О сущности словообразовательной модели

Строевыми средствами словообразования являются производящие основы, деривационные форманты и модели производства вторичных структур. Словообразование - процесс моделированный (вне модели нет производного).

Словообразовательные модели, как и всякие другие, принадлежат языку. Как и любая языковая модель, модель деривационная объективируется в речи (одноразовый словообразовательный акт мы считаем моментом речи). Являясь одним из строевых средств языка, словообразовательные модели играют огромную роль в формальном и семантическом развитии коммуникативной системы.

Как теоретическая, так и прикладная, т.е. коммуникативно-ориентированная дериватология, должны изучать языковую деятельность и с помощью понятия модели. Теоретические исследования выявляют сущность деривационной модели, прикладная же лингвистика, раскрывая весь диапазон словообразовательных моделей конкретного языка, определяя их продуктивность-непродуктивность, способствует структурному овладению языком. Исследование словообразовательных моделей важно еще потому, что оно способствует пониманию сущности моделей языкового синтеза, которые охватывают и структуру языка, и ее реализацию.

Без изучения деривационных моделей, как продуктивных, так и непродуктивных, невозможно определить словообразовательные возможности языка. Поэтому каталогизация моделей при одновременном установлении их относительной продуктивности имеет исключительно важное значение для описания словообразовательной системы. К тому же, как подчеркивают некоторые ученые, словообразовательные модели вместе со словообразовательными гнездами составляют систему словообразования в любом языке. Существование моделей (не только словообразовательных, но и любых) является языковой необходимостью.

Само отражение реальной действительности в языке требует типизации. В словообразовании сущность типизации заключается в возникновении и функционировании образцов, схем образования производных структур. Язык как динамичная, развивающаяся система порождает новые структуры, модели. Язык как стабильная система, исходя из необходимости общения, понимания,

стремится как можно дольше сохранить имеющиеся модели. Так, продуктивная в современном чувашском языке модель «сущ. + -ла(-ле) = гл.» обладала продуктивностью еще в древнетюркском языке. Хотя некоторые аффиксы и модели становятся непродуктивными и даже мертвыми, но из-за действия закона инерции в течение длительного времени сохраняются в языке многие словообразовательные модели. Пока имеются и функционируют модели словопроизводства, существуют и возможности к бесконечному развитию и обогащению лексической системы языка. Можно сказать, что потенция словообразовательных моделей полностью не реализуется никогда.

Реализация деривационной модели предполагает возникновение новой лексической единицы. Для определения модели, по которой создана та или иная основа, необходим специальный анализ, целью которого является, во-первых, доказательство производности слова, во-вторых - идентификация данной вторичной основы с аналогичными образованиями. Исследователь не может непосредственно наблюдать за ходом словообразовательного процесса. Представления о модели складываются в результате исследования деривационной структуры слова, т.е. модель изучают по следам деривационного процесса.

В отечественном языкознании параллельно с описанием конкретных моделей различных языков шло их теоретическое осмысление. Рассматривались такие проблемы, как соотношение понятий «словообразовательный тип» и «словообразовательная модель»; структурные компоненты моделей; продуктивность-непродуктивность моделей и факторы, влияющие на это и т.д. Вместе с тем до сих пор не предпринималась попытка монографического исследования теоретических проблем словообразовательной модели (исключением является монография И.С. Торопцева, где словообразовательную модель автор понимает весьма своеобразно)(60).

В лингвистике широко распространены понятия «словообразовательный тип» и «словообразовательная модель». Многие исследователи пользуются ими как синонимичными терминами. И.С.Улуханов, например, считает что термин «модель» целесообразно применять к словообразовательному типу, служащему образцом для возникновения новых слов(61, 12). «Единицей словообразовательной системы, - пишет В.Н.Хохлачева, - называем словообразовательную модель, или словообразовательный тип...»(66, 8).

Формальное разграничение словообразовательных типов и моделей дано в работе Е.А.Земской: «Термин «модель» целесообразно использовать для обозначения морфонологических раз-

новидностей внутри одного и того же словообразовательного типа могут производиться с разными морфонологическими особенностями... Таким образом, в одном словообразовательном типе могут объединяться слова, произведенные по разным моделям»(23, 192-193).

Словообразовательную модель разные ученые понимают по-разному. Направления, наметившиеся в изучении проблемы словообразовательной модели, изложены в статье М.С. Малеевой(37). В основном, соглашаясь с выводами, к которым приходит автор статьи, остановимся на некоторых моментах описания моделей.

Неправомерно, на наш взгляд, отождествлять словообразовательную модель с совокупностью мотивированных слов, образованных посредством семантически и формально тождественных формантов от одной и той же части речи (такая трактовка содержится в статье И.С.Улуханова)(61). Словообразовательная модель – это не конкретная языковая единица и не совокупность этих единиц, а абстрактная структурная схема, существующая в сознании носителей данного языка. Как класс слов определяет словообразовательный тип и И.П. Распопов(51, 49). Совершенно справедливо возражая против понимания словообразовательной модели как класса слов, И.С. Торопцев пишет: «... словообразовательную модель нельзя свести к группе слов. Единицы языка (слова) и единицы словообразования (словопроизводственная модель), не входящие в язык, – разнокачественные явления»(60, 26).

Г.В. Федюнева понимает под моделью формальный аналог производного слова, учитывающий категориальную характеристику производного слова, словообразовательный формант и отражающий все ступени производности данной лексемы(64, 17). В таком толковании понятие модели совпадает с понятием дериивационной истории слова.

Неоднозначное понимание лингвистами природы словообразовательной модели проявляется и в том, как они представляют ее структуру. Здесь отчетливо выделяются две концепции. Есть теория двухкомпонентной (производящая основа и аффикс) модели и есть теория поликомпонентной (производящая основа, формант, производная основа) модели. В тюркологии в основном принята теория двухкомпонентной модели.

Обзор литературы показывает, что словообразовательная модель не всегда определяется через ее структурные компоненты. У некоторых языковедов в определении модели отсутствует понятие форманта. Нет его в определении, предложенном И.С. Улухановым и В.В. Лопатыным. «Словообразовательный тип, -

пишут они, - это всегда ряд слов (минимум два слова), обладающих общими чертами, среди которых - единство словообразовательного значения»(37, 7). В этом определении основным и достаточным признаком словообразовательного типа является общность словообразовательного значения. Близко к этому стоит определение словообразовательного типа «модели», сформулированное Б.Н. Головиным: «ряды производных слов, объединенных одним и тем же словообразовательным значением и одинаковыми, повторяющимися словообразовательными показателями, называются словообразовательными типами»(14, 129).

И.И. Ковалик определяет словообразовательную модель как обобщенное понятие, включающее такие основные элементы: 1) словообразовательно-семантическое единство, 2) единство лексико-грамматического характера словообразовательной основы, 3) единство суффиксальной части производных слов(28, 118). В этом определении модель представляется, как видим, трехкомпонентной, но одним из компонентов считается не структурная единица, а словообразовательная семантика. Оперировать понятием семантического плана при описании формальных схем языка, т.е. моделей, вряд ли целесообразно. Тем не менее, как показывает анализ литературы, грешат этим многие дериватологи. Свидетельством тому служит и определение, выдвинутое авторами Энциклопедии русского языка, где говорится, что словообразовательный тип - это схема построения слов определенной части речи, характеризующаяся общностью трех признаков: а) части речи мотивирующих слов, б) форманта, в) словообразовательного значения(53, 304-305).

Во всех приведенных нами определениях словообразовательной модели присутствуют в основном три признака: единство части речи производящей основы, единство форманта, общность словообразовательного значения. Но эти признаки, судя по всему, воспринимаются не как равноправные. Общность словообразовательной семантики упоминается во многих определениях модели, два других признака присутствуют не во всех дефинициях и, соответственно, осознаются менее существенными. Так, например, первый признак - частеречная общность мотивирующей основы - в дефинициях К.А. Левковской и В.И. Максимова отсутствует. Для них словообразовательная модель (тип) - это формально-семантическая схема построения производных слов с одним и тем же формантом и словообразовательным значением, независимо от части речи производящего слова(33, 27; 36, 56).

То, что словообразовательная модель это не «семантическое соотношение между производными и производящими словами»,

как это доказывает Е.А. Земская, и не (семантическое отношение мотивируемого слова к мотивирующему) (см. Граматику русского языка 1970 г.), что почти то же самое, подтверждается многочисленными примерами чувашского словообразования. Слова, образованные по одной и той же модели, в чувашском языке имеют разные семантические признаки (см. раздел "Классификация производных глаголов по семантическому признаку"). То же самое наблюдается в татарском языке, где по модели «сущ. + -лаш (-леш) = гл.» произведены слова со следующими значениями – 1) совершить действие, связанное с тем, что выражено мотивирующей основой, *судлаш* "судиться, *сатулаш* "торговаться", 2) совершать действие тем, что обозначено мотивирующей основой, *теллэш* "спорить", *кусэклэш* "драться дубинками", 3) превращаться в тот предмет, который выражен мотивирующей основой, *кристаллаш* "кристаллизироваться", *минераллаш* "минерализироваться", 4) приобретать признаки и качества, свойственные лицу, выраженному мотивирующей основой, *бюрократлаш* "бюрократизироваться", *дуслаш* "подружиться", 5) объединяться в то, что выражено мотивирующей основой, *колхозлаш* "объединяться в колхозы", *эртиллэш* "объединяться в артель" и т.д.(13, 35-39).

Таким образом, определить словообразовательную модель исходя из семантических соотношений производного и производящего применительно к чувашскому и другим тюркским языкам нецелесообразно. Вряд ли целесообразно это и применительно к русскому языку, где однотипные производные слова обладают различными словообразовательными значениями.

Во многих исследованиях по тюркскому словообразованию деривационная модель рассматривается как сочетание основы с формантом, что в результате приводит к отождествлению модели с аффиксом. Исходя из простого сложения мотивирующей основы с аффиксом, тюркологи не учитывают третий структурный компонент модели – производное слово, ради образования которого и существуют модели.

В тюркской дериватологии нет ясности и в установлении семантики моделей. Языковая практика показывает, что в тюркских языках словообразовательные модели характеризуются смешанной семантикой. Некоторые из них еще не полностью реализовали свои семантические потенции. Еще не все значения тюркских деривационных моделей выявлены и описаны.

Необходимо признать, что тюркская словообразовательная модель трехкомпонентна. Для описания тюркских языков адекватным, на наш взгляд, является следующее определение словообразовательной модели. Словообразовательная модель – это

эксплицитно существующая в языке структурная схема образования производных слов, характеризующаяся общностью трех признаков: 1) частеречной принадлежности производящей основы, 2) форманта, 3) частеречной характеристики производного слова.

Функционирование деривационной модели происходит в соответствии с правилами структурно-семантического развития языка. Поэтому необходимо раскрыть все структурные семантические возможности и ограничения, влияющие на функционирование моделей. Значение факторов, ограничивающих диапазон действия словообразовательных моделей, способствует прогнозированию развития словообразовательной системы языка. К таким внутриязыковым факторам относятся: фонологическая и семантическая природа производящих основ и форманта, наличие или отсутствие конкурирующих моделей. Внутриязыковые факторы определяют системную продуктивность модели, которая зависит от ограничений, налагаемых системой языка и регулирующих создание слов по данному образцу.

Внеязыковым фактором, влияющим на функционирование модели, является жизненная потребность или же отсутствие такой потребности в словах, образованных по тому или иному образцу, т.е. модели. Имеются также другие социолингвистические факторы, от которых зависит развитие словообразовательных моделей, их функционирование. Наглядным примером тому служит следующее. В ряде языков, например, в узбекском, английском, русском, испанском, португальском число продуктивных моделей относительно велико, во французском языке их намного меньше. Одной из причин является борьба французской академии за чистоту языка против «ненужных новообразований». К социолингвистическим факторам, влияющим на увеличение или уменьшение продуктивных или непродуктивных моделей относятся и такие, как многоязычие, языковая изоляция, расширение функций языка.

В дериватологии понятие продуктивности распространяется на способы и модели словообразования. Его можно применять также к любой части деривационной структуры слова. Н.К. Антонов считает, что критерием понятия продуктивности именных аффиксов в якутском языке служит: 1) наличие в языке самостоятельной смысловой нагрузки, следовательно, способность придавать значению основ, к которым они приставляются, одно определенное значение; 2) производительная способность аффикса в количественном отношении(3).

Б.О. Орузбаева основным в аффиксах полагает не только способность к образованию новых слов, но и результат этой способности – количе-

ство новообразований, произведенных ими. По ее мнению, способность любой морфемы обуславливается прежде всего необходимостью образования новой лексической единицы для выражения нового понятия. Без такой надобности любой продуктивный аффикс перестал бы функционировать как продуктивное словообразовательное средство, несмотря на то, что он встречается в составе многочисленных лексических единиц.

В чувашском языке одни и те же аффиксы могут являться структурными элементами разных моделей. Ср., -лӑх(-лӗх) в структуре отсубстантивных (илемлӑх "красота", ачалӑх "детство"), отадективных (ватлӑх "старость", ёлкенлӑх "изящество"), отглагольных (курайманлӑх "ненависть", пуласлӑх "будущее") имен; то же самое происходит и с аффиксом -кӑч(-кӗч): мӑйкӑч "ошейник" (от существительного мӑй "шея"), хыркӑч "скребок" (от глагола хыр "скрепать"); -лан(-лен) в составе отглагольных (хуслан "сгибаться"), отадективных (симӗслен "зеленеть"), отсубстантивных (тертлен "мучиться"), отнумеральных (иккӗлен "сомневаться") глаголов и т.д. Поэтому в целях уточнения терминологии продуктивность необходимо соотносить с моделью или способом словообразования. Применительно к словообразовательным элементам можно пользоваться понятием словообразовательной активности-неактивности.

Модели глаголообразования

Модели отсубстантивного глагольного словообразования

Сущ.+ -ла(-ле) = гл.: йӗркеле "упорядочивать, приводить в порядок", йӗквеле "точить, подтачивать", йыхравла "звать, приглашать", канашла "советоваться, совещаться", кӗсменле "грести", конспектла "конспектировать", кутамккала "носить на спине", кунчекле "отделять тесьмой", тӑнла "слушать, слушать внимательно", тимӗрле "сковывать, обивать железом".

Сущ.+ -лан(-лен) = гл.: ашлан "воспалиться", ӑслан "умнеть, становиться умным", ёмӗтлен "мечтать", сумаӗрлан "покрываться облаками", картлан "морщиться, покрываться морщинами", кашталан "подниматься столбом (о дыме)", кӑмсӑклан "покрываться плесенью", кӑпӑклан "пениться", кӗлмӗслен "попрошайничать", кӗпселен "расти в стебель, стебелеваться", лупашкалан "покрываться ямами", муклашкалан "делаться комковатым (о почве)", парӑмлан "задолжать".

Сущ. + -лат(-лет) = гл.: вӑрманлат "облесить", сахӑрлат "сахарить", тӑванлат роднить, делать родственником", туллат "покрывать материей", хутлат "складывать, сгибать", хаклат "повышать цену, делать более дорогим", ӗрхалат "идти иноходью",

т'аварлат "делать соленым", культур'алат "делать культурным", сиенлет "вредить, наносить вред".

Сущ. + -лаш(-леш) = гл.: тавлаш "спорить", туйлаш "торговать, шуметь как на свадьбе", сывл'ахлаш "здороваться, приветствовать при встрече", юплеш "сходиться, соединиться (о дорогах, реках)", чунлаш "клясться", тушлаш "подружиться", с'услеш "схватиться за волосы".

Сущ. + -ар(-ер,-р) = гл.: пасар "покрываться инеем", чалар "сесть", к'акар "присоединять", пу'сар "начинать, проявлять инициативу, зачинать", ш'авар "поливать", х'утер "загораживать", к'елер "золить".

Сущ. + -'ах(-'эх, -х) = гл.: ку'ах "подвергаться сглазу", юн'ах "покрываться кровопотеками", в'еч'эх "злиться, раздражаться".

Сущ. + -ал(-ел, -л) = гл.: т'емел "превращаться в бугор, холм, курган", с'урал "рождаться", т'емескел "бугриться".

Сущ. + -ат(-ет, -т) = гл.: к'е'с'ет "зудеть, чесаться".

Сущ. + -та(-те) = гл.: ч'а'м'арта "сжимать, стискивать, сдавливать", лап'арта "грязнить, марать, пачкать" (лап'ар "жижа, грязь"), диал. к'е'сте "зудеть, чесаться".

Сущ. + -ан(-ен, -н) = гл.: тутан "пробовать, снимать пробу".

Сущ. + -а'с(-е'с, -с) = гл.: вырна'с "располагаться, размещаться", вале'с "раздавать, распределять, делить".

Сущ. + -кар(-кер) = гл.: а'нкар "догадываться, соображать".

Сущ. + -а(-е) = гл.: с'а'на "наблюдать, примечать", х'ёне "бить, избивать", в'ёче "злиться, раздражаться".

Сущ. + -ш'ан(-ш'ён) = гл.: шикш'ён «сомневаться» (шик «сомнение»).

Сущ. + -'арха(-'эрхе) = гл.: ас'арха "замечать, подмечать".

Сущ. + -ча(-че) = гл.: т'епче "исследовать, изучать".

Сущ. + -'ал(-'ёл, -л) = гл.: ним'ёр'ёл "превращаться в жижу", х'а'т'ал "спасаться, избавляться; уберечься".

Сущ. + -'ан(-'ён, -н) = гл.: пу'с'ан "начинать, приниматься за что-либо", ас'ан "вспоминать, поминать".

Сущ. + -'ар(-'ёр, -р) = гл.: т'еш'ёр "мять, топтать", хуйх'ёр "горевать, печалиться, скорбеть".

Сущ. + -тар(-тер) = гл.: пу'стар "собирать; созывать".

Сущ. + -хан = гл.: хумхан "приходить в волнение, волноваться, покрываться волнами".

Сущ. + -хат = гл.: хумхат "волновать, зыбить, вызывать волнение".

Модели отадъективного глагольного словообразования

Прил. + -лан(-лен) = гл.: айванлан "глупеть", вайсърлан "обессилеть", йывърлан "отяжелеть, стать тяжелым", кăпăшкалан "рыхлеть", кăткăслан "осложниться", кутăнлан "упрямиться", лўпперлен "становиться вялым, неповоротливым", начарлан "похудеть", патварлан "окрепнуть", пăчăлан "становиться душным", пуклаклан "становиться тупым", сайралан "делаться редким", сёвеклен "становиться пологим".

Прил. -лат(-лет) = гл.: ашăхлат "делать мелким", вăрăмлат "удлинять", сáмрăклат "делать молодым, молодить", сивёчлет "точить, острить", сўллёлет "возвысить, делать высоким", йăвашлат "усмирить, сделать тихим", капърлат "украшать", сўрёклет "делать вялым", тёксёмлет "затемнять, делать темным", тёссёрлет "обесцвечивать".

Прил. + -ла(-ле) = гл.: аслăла "величать, славить", тёттёмле "темнить", ирёксёрле "принуждать, неволить", кансёрле "мешать", магнитсърла "размагничивать", нурле "увлажнять, делать влажным", тăвърла "сужать, делать тесным", савракала "округлять, закруглять, делать круглым", пылакла "подслащивать, делать сладким", ленчешкеле "изнашивать, трепать, приводить в негодность".

Прил. + -ал (-ел, -л) = гл.: вётел "мельчать, становиться мелким", йўнел "дешеветь, обесцениваться", кивел "становиться ветхим", мăкал "становиться тупым", сайрал "редеть, изреживаться", сѳнсел "утончаться, становиться тонким", тасал "очищаться", якал "становиться гладким".

Прил. + -ат(-ет, -т) = гл.: ашăт "греть", йёпет "мочить", кёскет "укорачивать, убавлять", кукарт "искривлять", сёнет "обновить", хёрет "делать красным", шёвет "разжижать", шурат "белить, сделать белым", пушат "опрожнять".

Прил. + -ар(-ер, -р) = гл.: кăвакар "синеть, становиться синим", сывхар "близиться, приближаться", хытар "укреплять", ешер "зеленеть".

Прил. + -ăх(-ёх, -х) = гл.: высăх "проголодаться, изголодаться", сарăх "желтеть, становиться желтым", писёх "крепнуть, становиться крепким", пăчăх "задыхаться".

Прил. + -ан(-ен, -н) = гл.: йёпен "мокнуть", пушан "пустеть, опоражниваться", шаклан "лысеть, плешиветь", сивён "охладиться".

Прил. + -шăн(-шён) = гл.: ютшăн "чуждаться, сторониться, избегать", типшён "сохнуть".

Прил. + -ăрка(-ёрке), -ăрха(-ёрхе) = гл.: ашърха "быть в жару, гореть".

Прил. + -ра(-ре) = гл.: йёпре (йепре) "мокнуть; гноиться", йёпе "мокрый".

Прил. + -ял(-ёл, -л) = гл.: кукя́рәл "искривляться", үсёрәл "пьянеть", чёрәл "оживать".

Прил. + -яң(-ён, -н) = гл.: суся́рән "получать рану, травму", сивён "охлаждаться, остужаться, остывать".

Прил. + -я́р(-ёр, -р) = гл.: питёр "затыкать, заделывать".

Прил. + -аҫ(-еҫ, -ҫ) = гл.: йунеҫ "оправдывать себя, окупаться".

Прил. + -лаш(-леш) = гл.: танлаш "равняться, становиться вровень", кутя́нлаш "упрямиться, капризничать".

Модели отымитативного гагольного словообразования

Имитат. + -тат(-тет) = гл.: ахя́лтат "громко ржать; хохотать", вётёлтет "мелькать", вёчёлтет "зудеть", йя́пәлтат "лебезить, льстить", кя́шәлтат "шуршать", кёмсёртет "греметь", катя́ртат "хрустеть", йёшёлтет "кишеть", ля́пәстат "плестись", ма́рәлтат "мурлыкать", ма́чәлтат "мигать", пя́нтя́ртат "бренчать", пя́шәлтат "шептать", ҫатя́ртат "трещать".

Имитат. + -лат(-лет) = гл.: вя́рәнлат "лететь со свистом", йя́лтлат "коротко, отрывисто вспыхивать", кя́лтлат "биться (о сердце)", лачлат "шлепаться", ма́шлат "дышать носом, сопеть", на́ртлат "крякать", на́рлат "жужжать", та́рәслаг "сильно удариться", хя́рлат "хрипеть", чарлат "журчать", чя́риклет "скрипеть".

Имитат. + -ла(-ле) = гл.: кя́ля́кла "квочать, клохтать (о наседке)", кёрле "шуметь, гудеть, рокотать", ма́йла "скулить, визжать", ма́рла "мурлыкать", на́йла "гудеть, пищать, звенеть", ҫатя́рла "крепко хватать, сжимать", чарла "урчать", чя́йла "пищать, щебетать", шя́йла "жужжать, свистеть".

Имитат. + -ка(-ке) = гл.: лү́шке "лить, идти (о дожде)", ля́пка "ласково похлопывать", палка "клокочать, бить ключом, бурлить", чанкка "бить, ударять со звоном", чапка "чавкать", йя́ска "моросить", йя́нка "гудеть, звенеть", пашка "тяжело дышать, пыхтеть, задыхаться".

Имитат. + -а (-е) = гл.: ла́ка "трясти, шатать, качать", лёнче разг. "ослабеть, обессилеть", шанкя́ра "журчать", йя́лтя́ра "блестеть, сверкать", йя́шта "вонзить, втыкать" (йя́шт подр. о вонзании).

Имитат. + -кя́р(-кёр), -хя́р(-хёр) = гл.: чашкя́р "шипеть", вашкя́р "дуть", кя́шкя́р "кричать", чалкя́р "разбегаться (о глазах)", ҫухя́р "пронзительно кричать, орать".

Имитат. + -кя́ш(-кёш) = гл.: валькя́ш "развеваться, реять (о больших полотнищах)", варкя́ш "веять, дуть", вёлкя́ш "развеваться", на́йкя́ш "ныть, надоедливо жаловаться", чалкя́ш "сиять, ярко гореть", янкя́ш "шуметь, поднимать шум", ялкя́ш "пылать,

ярко гореть", тёркёш "суетиться, ходить взад-вперед, двигаться туда-сюда".

Имитат. + -ър(-ёр, -р) = гл.: ихёр "хохотать", какър "рычать, отрыгивать", мёкёр "мычать, рычать", ахър "кричать, шуметь", ёнёр "тихо мычать", ухър "ухать", ухёр "шуметь".

Имитат. + -ял(-ёл, -л) = гл.: лёпсёрёл "слабеть, ослабевать", епсёрёл "разг. расползаться, расплываться".

Имитат. + -шя́н = гл.: йя́пшя́н "притаиться, подкрадываться".

Имитат. + -ча́н = гл.: лапча́н "придавиться".

Имитат. + -лан(-лен) = гл.: ля́шлан "успокоиться, утихать", парлан "быстро взиваться; вырываться, выбиваться", лёклен "испытывать чувство тошноты", сёлпёрлен "приходить в изнеможение, изнемогать" (сёлпёр подр. - об изнеможении, расслабленности).

Имитат. + -та(-те) = гл.: йёкёлте "дразнить, гравить", вёчёлте "зудеть", пя́чя́рта "жать, сжимать, выжимать".

Имитат. + -кя́н(-кён) = гл.: вай́кя́н "мчаться, двигаться быстро", вай́кя́н "устремляться, бросаться", вёркён "носиться взад и вперед".

Имитат. + -я́рка(-я́рке), -я́рха(-я́рхе) = гл.: лёчя́рке "мять, комкать", лутя́рка "мять, комкать".

Имитат. + -ра(-ре) = гл.: павра "разг. болтать, говорить много, трещать без умолку".

Имитат. + -лаш (-леш) гл.: шуйлаш "кричать, шуметь, поднимать переполох", вёрлеш "шуметь, гудеть".

Модели отглагольного глаголообразования

Гл. + -я́х(-я́х, -х) = гл.: кушя́х "сохнуть, просыхать, высыхать", иртя́х "шалить, баловаться" (ирт "ослушиваться, не слушаться"), ася́х "распутничать, развратничать", ёня́х "быть спаленным", сёря́х "гнить, тлеть", шаря́х "переутомляться, уставать (о глазах)".

Гл. + -шя́н(-шён) = гл.: сёря́шён "гнить, подгнивать, загнивать, истлевать", купя́шён "слегка разбухать, раздуваться", пёря́шён "свертываться, съеживаться (о листьях)".

Гл. + -ка(-ке) = гл.: катка "стучать, ударять (копая), долбить", сёнкке "дремать, клевать носом", тёрке "комкать, мять, трепать".

Гл. + -кя́н(-кён) = гл.: си́кя́н "блестеть, сверкать, сиять", ы́кя́н "мчаться, нестись, быстро двигаться", аскя́н "развратничать, распутничать", вё́кя́н "умчаться, убежать", хя́ркя́н "диал. засыхать, высыхать, лишаться жизни".

Гл. + -мя́ш(-мёш) = гл.: йёрмёш "хныкать, ныть", урма́ш "ругаться, скандалить".

Гл. + -ар(-ер, -р) = гл.: витер "пронизывать", пёсер "варить", укер "ронять, сваливать", пусар "давить, придавить", сётер "терять, лишиться", пугар "погрузить".

Гл. + -ла(-ле) = гл.: сулла "качать, раскачивать", итле "слушать, послушивать; слушаться".

Гл. + -та(-те) = гл.: тапта "топтать, мять", хисте "принуждать, торопить" (хёс "сжимать, сдавливать").

Гл. + -ала(-еле) = гл.: вётеле "опаливать", явала "обвивать", хавала "гнать, погонять", чавала "раскапывать", сапала "посыпать, рассыпать, рассеивать".

Гл. + -ърка(-ёрке), -ърха(-ёрхе) = гл.: кушърха "сохнуть, подсыхать", кутёрке "мерзнуть, коченеть".

Гл. + -ча(-че) = гл.: кўпче "разбухать, раздуваться, опухать, отекает, оплывать".

Гл. + -лан(-лен) = гл.: сыхлан "связаться, спутаться".

Гл. + -ъл(-ёл, -л) = гл.: уйръл (уйъръл) "отделяться, разделяться, обособляться", хирёл "скандалить, ругаться, браниться".

Гл. + -ән(-ён, -н) = гл.: иртён "шалить, баловаться", парән "сдаваться, капитулировать", сёрён "касаться, прикасаться".

Гл. + -ат(-ет, -т) = гл.: сўрет "водить что-либо, управлять чем-либо", ёрчет "разводить; выращивать".

Гл. + -аёс(-ёс, -с) = гл.: тапăс "лягаться, брыкаться (о лошадей)", манăс "забываться, предаваться забвению".

Гл. + -аш(-еш, -ш) = гл.: макъраш "плакаться, хныкать, скулить", ўпкелеш "упрекать друг друга; жаловаться".

Гл. + -аш(-ёш, -ш) = гл.: супăш "уоставать до бессилия, изнуряться", кёрёш "наниматься, подражаться".

Гл. + -тар(-тер) = гл.: кёрнеклентер "делать красивым, пригожим", кисрентер "сотрясать, колебать", мăшърлантар "поженить, соединить брачными узами".

Гл. + -кăт(-кёт) = гл.: вăйкăт "бросать, кидать, шнырять (с силой)", въркăт "бросать, кидать".

Гл. + -пăн(-пён) = гл.: сирпён "брызгать, разбрызгиваться".

Гл. + -пăт(-пёт) = гл.: чёлпёт "щепать, отщеплять, расщеплять", сирпёт "брызгать, разбрызгивать".

Модели глаголообразования от наречий

Наречие + -ла(-ле) = гл.: вăрахла "медлить", чухла "делать впору", шелле "жалеть".

Наречие + -лан(-лен) = гл.: нумайлан "увеличиваться, множиться", хулленлен "становится медленнее, становится тише".

Наречие + -лат(-лет) = гл.: юнашарлат "ставить рядом", вăрахлат "замедлять, делать более медленным".

Наречие + -ӕл(-ӕл) = гл.: тӕкӕл (разг. скапливаться, накапливаться".

Модели глаголообразования от местоимений

Мест. + -лан(-лен) = гл.: уӕрхлан "становиться другим, иным, меняться".

Мест. + -лат(-лет) = гл.: пӕтӕмлет "обобщать", уӕрхлаг "делать что-либо по-другому, видоизменить".

Модели глаголообразования от предикативных слов

Пред. слово + -лат(-лет) = гл.: ӕуклат "отрицать".

Пред. слово + -ал(-ел, -л) = гл.: ӕухал "пропадать, исчезать".

Пред. слово + -ат(-ет, -т) = гл.: ӕухат "терять, лишаться чего-либо".

Пред. слово + -ӕн(-ӕн, -н) = гл.: пурӕн "жить, существовать".

Модели глаголообразования от числительных

Числит. + -лан(-лен) = гл.: иккӕлен "сомневаться".

Числит. + -лаш(-леш) = гл.: пӕрлеш "сговориться, соединиться".

Числит. + -ла(-ле) = гл.: иккӕле "двоить, раздваивать".

Модели глаголообразования от междометий

Междомет. + -лат(-лет) = гл.: ӕмлат "хмыкать (в знак недоверия, удивления)", вӕсилет "натравливать, науськивать", ышлат "ойкать, покрхтывать, ежась от холода, озноба".

Словообразовательная семантика производных глаголов

В отечественном языкознании в трактовке словообразовательного значения можно выделить два основных направления. Первое исходит из синтагматического взгляда на производное, т.е. учитывает семантическую корреляцию его структурных частей, а второе выделяет прежде всего парадигматический аспект, т.е. главным, определяющим считает семантическое соотношение между производным и производящим. В рамках данных направлений обнаруживают себя несколько подходов к определению словообразовательного значения: 1) понимается как повторяющаяся "сумма" (у некоторых исследователей - "произведение" (значений производящей основы и словообразовательного форманта (так называемый бинарный подход), 2) трактуется как

повторяющаяся семантическая "разность" производной и производящей основ ("разностная трактовка словообразовательной семантики"), 3) приравнивается общему значению, придаваемому аффиксом группе однотипных слов, 4) выводится только из значения аффикса, 5) выводится из значения мотивирующей основы, 6) понимается как семантическое приращение к значению слова, передающееся словообразовательными средствами.

Рассмотрим кратко основные подходы к определению словообразовательной семантики. Словообразовательным значением В.И. Максимов называет общее значение, придаваемое суффиксом целой группе однотипных слов. Рассматривая основы смелость, храбрость и т.д., он выявляет у них общие значения – отвлеченный признак, объединяющий все производные с этим аффиксом и отличающий их от других производных основ. В теории В.И. Максимова словообразовательное значение присуще не самим производным, а образующим их аффиксам(36, 23-25). Так же понимает словообразовательную семантику и И.С. Удуханов, который не раз подчеркивал, что словообразовательным можно назвать значение, выраженное с помощью словообразовательного форманта(62, 10). Близкую трактовку деривационного значения находим у Р.С. Манучарян: "Основной носитель словообразовательного значения – аффикс (дериватор), а также аффиксоид ("полуаффикс")". И здесь же оговаривает, что значение регулярного и продуктивного аффикса следует считать самодостаточным, но не самодовлеющим. Правомерно говорить не столько о семантической несамостоятельности аффиксов, сколько о функциональной их несамостоятельности... Поскольку аффикс самостоятелен, значение, которое ставится ему в соответствие – это его семантическая потенция, реализация и актуализация которой зависит прежде всего от внутрисловного контекста(38, 373).

В связи с вышесказанным встает вопрос: если значение аффикса актуализируется внутрисловным контекстом (под которым в данном случае понимается семантика производящей основы), то нельзя ли сказать, что в формировании словообразовательного значения наряду с аффиксом участвует и производящая основа.

Считая основным носителем словообразовательного значения немотивирующую часть производного, авторы высказываний абсолютизируют значение деривационного форманта. Хотя некоторые из исследователей и признают несамостоятельность семантики аффикса, ее зависимость от мотивирующей основы, тем не менее в аффиксе они видят основного выразителя словообразовательного значения.

Тезис о неконкретном, несамостоятельном характере значения деривационного форманта сформирован еще Г.О. Винокуром, который утверждал, что никакой сам по себе аффикс не имеет значения в том смысле, в каком мы говорим о значении основ. Он обладает значением только в той мере, в какой он изменяет значение первичной основы, вносит в значение первой ту или иную модификацию(11, 425). На указанное свойство словообразовательной морфемы обращает внимание лингвистов и Н.Я. Янко-Триницкая. «Значение суффикса, - пишет она, - реализуется только в соединении с производящей основой, да еще в сопровождении определенной системы флексий. Поэтому правильно было бы говорить не о значении отдельного аффикса, а о значении, которое создается совокупностью всех структурных компонентов производного слова, иначе говоря о значении образца»(70, 85).

Возможно ли вынести словообразовательное значение из значения словообразующего аффикса? Обратимся к материалу чувашского языка. Рассмотрим производные с аффиксами лăх(-лĕх), -ла(-ле).

С аффиксом -лăх(-лĕх). 1. Слова со значением материала, средства, предназначенного для того, что названо мотивирующей основой: вутлăх "материал для огня", алăклăх "материал для двери", йăхлăх "оставленное на племя", йшлăх "начинка", кăшăллăх "материал для обруча" и т.д. 2. Слова со значением места, изобилующего чем-нибудь: тупăлхалăх "место, изобилующее таволгой", хурлăханлăх "смородинник", туйралăх "дубняк", йăмралăх "ветельник", мăйăрлăх "орешник", мерченлĕх "место, изобилующее кораллами", вĕренелĕх "заросли клена" и т.д. 3. Слова с абстрактным значением: пайталăх "полезность", йĕкĕтлĕх "удаль", мухтавлăх "слава", нишлĕх "бессилие", мăкалăх "тупость", суйкăнлăх "возбуждение", тараватлăх "гостеприимство".

С аффиксом -ле(-ла). 1. Слова со значением превратить что-либо в то, что названо мотивирующей основой: купала складывать в кучу", консервла "консервировать", капанла "метать стог" и т.д. 2. Слова со значением действовать орудием, инструментом, предметом, названным мотивирующей основой, кипкеле "пеленать", хусăкла "копать, разрыхлять", кĕсменле "гresti" и т.д. 3. Слова со значением перемешать, пропитать что-либо тем, что обозначено мотивирующей основой, пылла "подслащивать медом", тăварла "солить".

Как видно из приведенных примеров, аффиксы участвуют в образовании слов с разными значениями. Выявление словообразовательной семантики из значений аффиксов невозможно из-за полисемантической последних. Значения аффиксов не автономны.

Они предопределены внутрисловным контекстом, семантикой мотивирующей основы. Вариативность, зависимость значения аффикса от внутреннего контекста является стержневым моментом аффиксальной деривации, которая, создавая на базе уже существующего лексического фонда при помощи определенного количества формантов множество слов, демонстрирует огромную языковую экономию. Эта экономия в большей степени достигается семантическими свойствами аффиксов чувашского языка.

Неконкретность семантики деривационных формантов, их обусловленность семантикой производящего является в настоящее время одной из актуальнейших проблем дериватологии. Не случайно этой проблеме посвящен ряд работ (в основном на материале русского языка).

Сторонники выявления словообразовательного значения из семантики форманта не учитывают специфическое свойство производных слов, а именно – двойную референцию их «смысловой структуры: референции к миру действительности (отсюда индивидуальное лексическое значение каждого производного) (и референции к миру слов (отсюда выводимость значения производного слова из значения другого, связанного с ним однокорневого образования)»(5, 90). Так как производная единица своей семантикой и структурой обращена к миру слов, словообразовательное значение более рационально объяснять через мотивирующее ее слово. Выводя словообразовательное значение из значения аффикса, исследователи игнорируют самое главное в производном - его мотивированность.

В лингвистической литературе имеется и другая трактовка словообразовательной семантики. Некоторые исследователи полагают, что словообразовательное значение формируется из суммы значений производящей основы и форманта. И.А. Ширшов считает, что такая трактовка словообразовательного значения возможна, если определять место фразеологических наращений в семантической структуре производного слова. "Фразеологическое наращение, видимо, выполняет какую-то связующую функцию между значением производной основы и значениями аффикса. Его появление связано с особенностями производящих основ и задается ими, ср.: тракторист «тот, кто водит трактор», гимназист «тот, кто учится в гимназии». Появление разных фразеологических наращений при одном и том же значении аффикса определяется семантикой производящих (трактор, гимназия), в них реализуется функциональная нагрузка аффикса, значение которого (лицо) является чрезвычайно обобщенным(68, 115-116). Ср.: чувашские: сулала "делать шют, связывать в плоты" и суреле "боронить, вести боронование".

Нарращение значения обусловлено, видимо, семантикой мотивирующих основ и исходит от них. Являясь дополнительным компонентом семантической структуры производных, они выполняют, на наш взгляд, связующую функцию между значением мотивирующей части и значением многозначного форманта. На эту мысль наталкивает то обстоятельство, что фразеологическое наращение не имеется в производных с однозначными аффиксами. Но здесь пока еще много неясного. Выяснение причин фразеологических наращений и определение их места в семантике производных – задача специальных исследований.

Итак, при семантическом описании производных приходится принимать во внимание идиоматичность их значения. Однако разным производным может быть характерна разная степень идиоматичности. Немало в чувашском языке и производных, в семантической структуре которых отсутствует идиоматичное (наращенное) значение, ср.: турамлан "крошиться, разрезаться на мелкие кусочки", йӱранла "делать грядки", содержащие в своей семантической структуре только значение производящих их основ и несколько не больше.

Верно то, что семантика производных не всегда формируется из суммы значений их составных частей, что семантика мотивированного слова иногда шире, чем значение его составляющих, следствием чего является невыводимость значения слова из суммы значений его компонентов, чем и достигается эффект фразеологичности. Так же верно, что иногда семантика производного это не более чем сумма значений мотивирующей части и форманта.

Все это говорит о том, что при выявлении словообразовательного значения не всегда возможно опираться на фразеологичность семантики производных. Некоторые языковеды отмечают, что вся доза идиоматичности, содержащаяся в слове, разница между его реальным лексическим значением и его морфологической структурой реализуется нормой и должна при построении системы словообразования(4, 25).

Рассмотрим иное толкование словообразовательного значения.

П.А. Соболева при описании словообразовательных значений исходит из элементарной единицы словообразовательного уровня, под которой она понимает деривационный шаг (отношение производящего и производного). По ее мнению, в плане содержания каждому деривационному шагу соответствует общее словообразовательное значение, например, "признак, имеющий отношение к признаку", "субстанция, имеющая отношение к процессу", "процесс, имеющий отношение к субстанции" и т.д.

Таким образом она выделяет в русском языке 16 общих словообразовательных значений(56, 77).

По логике вещей, когда есть общие значения, должны быть и частные. Действительно, П.А. Соболева выделяет и частные словообразовательные значения, что несколько не облегчает без того запутанную проблему. Если в классификации производных по их словообразовательным значениям придерживаться концепции П.А. Соболевой, то в чувашском языке под рубрику "процесс, имеющий отношение к субстанции" попадут все отыменные глаголы (на сегодняшний день выявлены 22 модели, по которым образуются отсубстантивные глаголы). Однако совершенно ясно, что по одной и той же модели, с одними и теми же аффиксами могут образоваться слова с разными словообразовательными значениями (см. приведенные выше примеры).

Определение словообразовательного значения через отношение мотивирующей и мотивированной основ неизбежно приводит исследователей к тому, что они начинают оперировать терминами категориального значения, доказательством чему является следующее высказывание В.Н. Хохлачевой, "... словообразовательное значение - значение, обусловленное семантическим категориальным взаимодействием единиц, производных и производящих, специфическое для каждого словообразовательного типа, но единое с точки зрения общих принципов своей обусловленности"(67, 36).

Проанализировав работы указанных выше авторов, И.А.Ширшов приходит к правильному заключению, что описание словообразовательного значения в терминах категориального значения не вскрывает истинной картины, не позволяет выявить специфику словообразовательной семантики, а само словообразовательное значение остается неопределенным(68, 111).

Категориальными значениями можно оперировать только в межкатегориальной деривации, где категориальные свойства производящих "ликвидируются" во имя того, чтобы производные обладали новыми категориальными свойствами. Во внутрикатегориальном словообразовании по понятным причинам описание словообразовательной семантики в терминах категориального значения невозможно.

Итак, выявление словообразовательных значений исходя из деривационных шагов приводит к неизбежному оперированию термином частеречного (категориального) значения, что, как было показано выше, не для всякой деривационной подсистемы пригодно.

Словообразовательное значение более всего базируется на семантике производящей базы. Разные значения мотивирующей

основы порождают разные значения мотивированных слов, иначе, значение производного базируется на определенном семантическом компоненте производящего. Это подтверждается многочисленными примерами чувашского языка. Существительные, содержащиеся в своей семантической структуре сему "орудие", мотивируют глаголы со значением "действовать орудием, названным производящей основой". Ср.: хыркӑчла "чистить скребящей щеткой", йёвенле "надевать узду", йётёрле "катать скалкой, раскатывать". Существительные с семой "материал" мотивируют глаголы со значением "покрыть, намазать что-либо тем, что названо производящей основой", пура́ла "белить", па́хӑрла "покрывать медью", та́мла "мазать глиной".

На основополагающую роль мотивирующей основы в формировании семантики производных структур впервые указал Г.О. Винокур, подчеркивая, что значение слова с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы, причем именно такое разъяснение значения производных слов, а не прямое описание соответствующего предмета действительности и составляет собственно лингвистическую задачу в изучении значений слов(11, 421).

Словообразовательное значение во многом определяется семантикой производящей основы, поэтому при его выяснении следует указывать не категориальное значение мотивирующих, а на одно из конкретных значений из общей семантики мотивирующих, на базе которого и формируется деривационное значение. Зная семную структуру производящей, можно исчислить значения, которые она может порождать, т.е. деривационную потенцию слова можно выявить только из его семантической структуры. Но в формировании словообразовательного значения участвует не только мотивирующая часть производного, о чем ниже будет сказано.

Чтобы понять сущность того или иного явления, в том числе и словообразовательного значения, необходимо соотносить его с однотипными явлениями, что и делается в настоящее время многими лингвистами. Представителями как синтагматического, так и парадигматического подходов к определению словообразовательной семантики признается необходимость различения трех типов языкового значения, грамматического, лексического и словообразовательного. "Словообразовательное значение, — пишет И.С. Улуханов, — охватывает часть слов, относящихся к той или иной части речи. В этом состоит его отличие от категориальных грамматических значений, таких, например, как значение предметности у существительного или про-

цессуальности у глагола, охватывающих все слова данной части речи(62, 10).

Отличие словообразовательной семантики от грамматической А.В. Бондарко видит в отношениях противопоставления в рамках единой морфологической категории, охватывающей все слова одной части речи (10, 4). Р.С. Манучарян исходит из того, что разграничение типов языковых значений должно основываться на комплексе критериев – семантических и формальных, т.е. быть разносторонним. Рассматривая словообразовательное значение в разных аспектах, он отмечает, что словообразовательное значение является не синтаксическим, т.е. номинативным, оно не определяет зависимость слов в предложении, а отражает внеязыковую действительность, что в аспекте статуса информации словообразовательное значение является факультативными и по этому признаку противопоставлено грамматическому(39).

Ф.А. Ганиев отмечает, что во-первых, словообразовательное значение, в отличие от грамматических значений, охватывая, как правило, лишь часть слов, относящихся к той или иной части речи; во-вторых, оно не имеет и не образует противопоставлений, как это свойственно грамматическим категориям(12, 29).

Языковедами подчеркиваются и другие особенности словообразовательного значения. Его отличие от лексического состоит в том, что оно индивидуально, принадлежит группе слов и всегда содержит указание на мотивированного слова к мотивирующему.

Словообразовательная семантика по-разному соотносится с другими типами языковых значений. "Сравнительно невысокая степень таких параметров, как обобщенность, формальная выраженность, регулярность, повторяемость, стандартность средств выражения, определяет "лексичность" лексико-словообразовательных значений; сравнительно высокая степень этих параметров обуславливает "грамматичность" межтипových словообразовательных значений"(38, 375).

Нужно отметить, что многие теоретические положения рассматриваемой нами проблемы еще не разработаны или описаны весьма недостаточно. Немало спорных вопросов и интерпретаций. При всем многообразии подходов к определению словообразовательной семантики оно всегда понимается как типовая, категориальная и противопоставляется лексическому как индивидуальному и грамматическому как наиболее общему значению.

Элементы деривационной структуры приобретают большое значение именно потому, что, конструируя звуковую оболочку слова, они одновременно формируют его семантику. В ходе де-

ривационного процесса происходит сцепление звуковой оболочки слова с его семантикой, что обусловлено структурно-семантическими особенностями конкретного языка.

Словообразовательное значение основано на мотивированности языковых единиц, поэтому в его формировании большую роль играет мотивирующая часть производного. Выявляя словообразовательное значение, нельзя абсолютизировать ни значение производящей основы, ни значение форманта. Но для объективности, не абсолютизируя, все-таки надо подчеркнуть основную роль основы в этом деле.

Сказанное несколько не должно принижать роль формантов в строении производных конструкций, основная роль которых – структурная, состоящая в формировании новых лексем, и семантическая, состоящая в актуализации значений мотивирующих основ.

Образование каждого слова уникально и неповторимо. По своему деривационному значению слово может быть идентично и неидентично с одноклассными образованиями. Элементы идентификации способствуют включению производного в класс слов, сходных по значению. Элементы же спецификации отличают производное слово от других одноклассных с ним образований.

Словообразовательным мы считаем свойственное производному слову значение, отражающее реальную действительность, основанное на мотивированности слов и отличающееся от лексического значения как индивидуального, а от грамматического – как наиболее обобщенного.

Классификация производных глаголов по семантическому признаку

В чувашском языке словообразовательная семантика не является общей для одноклассных образований. В смысле формальной выраженности словообразовательные значения в чувашском языке в большей своей части не стандартны, что обусловлено полисемантической многими деривационными формантами. В силу этого почти все словообразовательные значения в чувашском языке являются межтиповыми (термин "тип" здесь применяется в значении "модель").

Производные одной части речи – это подсистема общей деривационной системы языка, характеризующаяся определенным количеством средств выражения словообразовательной семантики. Наиболее богатым инвентарем таких средств обладают две центральные части речи – имя существительное и глагол. В системе чувашского глаголообразования можно выделить слова со следующими деривационными значениями.

Превратить что-либо в то, что названо мотивирующей основой

С аффиксом -ла(-ле): ванчӑкла "крошить, превращать в труху", лачакала "превращать в болото, заболачивать", нимӑрле "превращать в жижу, разжижать", хӑйӑрла "превращать в песок", шаршанла "складывать в поленицу", консервла "консервировать", сыртӑкла "обращать в объедки", какайла "свежевать", сивӑтле "заплетать косу".

С аффиксом -лат(-лет): кӑмрӑклат "превратить в уголь", шаршанлат "укладывать штабелями", пӑрчӑлет "гранулировать", лачакалат "обращать в болото, топь", сӑслет "мочалить, лохматить", улпутлат "сделать барином", чуралат "поработать", кӑварлат "превращать в горящие угли", саранлат "превращать в луг, проводить залужение".

Создать, образовать предмет, обозначенный мотивирующей основой

С аффиксом -ла(-ле): сӑпкӑмла "образовать кисть, гроздь", шӑрчӑкла "свертывать в особый моток", валемле "сгребать в валы", картла "делать зарубку, отметку", кӑвӑрчла "делать шкварки", кӑвӑле "сочинять, слагать", кирпӑчле "формовать кирпич", мӑяла "связывать в плетенку, делать связку", никӑсле "закладывать фундамент", пурала "рубить, ставить сруб", сулӑла "плотить, связать в плоты", сулхӑнла "образовать тень", такмакла "сочинять частушки".

С аффиксом -лат(-лет): сапакалат "образовать кисти", хӑвӑллат "душить, делать душло", кӑтеслет "делать, образовать угол", мӑшӑрлат "соединить в пару", хӑмпӑлат "делать, пускать пузыри".

Действовать орудием, инструментом, предметом, названным мотивирующей основой

С аффиксом -ла(-ле): пӑрала "буравить, сверлить", хӑскӑчле "зажимать клещами", суреле "боронить", хырчӑкла "чистить скрепящей щеткой", катмакла "мотыжить, разрыхлять", пӑтала "прибивать гвоздем", тылла "мять, трепать", йӑрхӑла "захватить, зацепить крючком", кипкеле "пеленать", вингла "винтить", йӑлмакла "захлестнуть петлей".

С аффиксом -лан(-лен): чавсалан "облокачиваться", чӑркуслен "становиться на колени", уралан "вставать на ноги".

Снабжать, наделять что-либо или кого-либо качеством, свойством, цветом и т.д., указанными в мотивирующей основе

С аффиком -ла(-ле): тэссэрле "обесцвечивать, делать бесцветным", тикёсле "ровнять, разравнивать, делать ровным, гладким", кáпáшкала "делать мягким, рыхлым, рыхлить", түремле "выравнивать, делать ровным, гладким", чыссáрла "обесчестить", такáрла "утаптывать, укатывать, делать гладким", пáчáла "делать душным".

С аффиксом -лат(-лет): самáрлат "делать тучным, упитанным", ланчашкалат "трепать, приводить в ветхость", кáтралат "делать кудрявым, завивать", ешéллет "покрывать зеленью, делать зеленым", вашмáклат "делать покатым, пологим", вёрилет "греть, нагревать", вёслекелет "делать остроконечным, заострять".

С аффиксом -ат(-ет, -т): тасат "делать чистым, чистить", кукáрт "делать кривым", хурат "чернить, красить в черный цвет", сэмсет "делать мягким, размягчать", шёвет "делать жидким, разжижать", сивёт "делать холодным, охлаждать", вётет "делать мелким, размельчать", сыват "вылечивать, излечивать".

Производить звуки или совершать действие с изданием звуков, выраженных мотивирующей основой

С аффиксом -ла(-ле): кашла "шуметь, гудеть", кикакла "гоготать (о гусях)", нáрла "жужжать, гудеть", мáшла "сопеть, пыхтеть, шумно дышать", ўле "выть, завывать", мáрла "мурлыкать", чарла "урчать", ухла "голосить, рыдать", чашла "шипеть".

С аффиксом -лат(-лет): ёххэмлет "кашлять", карáклат "каркать", кáрáслат "падать с шумом", лаклат "сесть грузно", меклет "блеять", хáйлат "хрипеть", харглат "фыркать", чáриклет "скрипеть; чирикать", шаклат "стучать, стучать", шартлат "производить очень сильный треск".

С аффиксом -тат(-тет): ихéлтет "хихикать", качáртат "скрипеть, хрустеть", кэмсэртет "гремять, тархтеть", мáйáлтат "жужжать", натáртат "хрустеть", пáкáртат "булькать, урчать", пáнтáртат "бренчать, издавать брэнчание", тэпэртет "шуметь, топать ногами", чанкáртат "звенеть, звякать", чёвёлтет "шебетать".

С аффиксом -ка(-ке): лáрка "ворчать, брюзжать", лёрке разг. "звучно хлебать, приклебывать", нáйка "жужжать, звенеть, пищать (о насекомых)", палка "бить ключом, kloкотать, бурлить", тучке разг. "бить, колотить", шакка "стучать, барабанить".

С аффиксом -лаш(-леш): вёрлеш "шуметь, гудеть", ёрлеш "кричать, галдеть", сёрлеш "жужжать, звенеть", шуйлаш "кричать, шуметь, поднимать переполох".

Удалять, лишить, отделять предмет, который выражен мотивирующей основой

С аффиксом -ла(-ле): кипекле "шелушить, очищать от шелухи", сáмла "выщипывать, снимать шерсть", тэшэле "лущить, очищать от скорлупы", хя́рámла "очищать от сажки", хупáла "снимать кору с дерева, обдирать, ошкуривать", кáкла "корчевать, вырывать с корнем", кишэ́кле "очищать от шелухи, крошить", сумла "полоть, перепалывать", тэмле диал. "корчевать".

Смешать, перемешать, пропитать что-либо тем, что обозначено мотивирующей основой

С аффиксом -ла(-ле): пáрáсла "перчить", наркáмáшла "отравлять, перемешав яд", парафинла "пропитывать парафином", симле "добавлять сыту", спиртла "спиртовать", синькáла "синить", навусла "унавоживать", сáнáхла "перемешивать муку (в корм скоту)", пылла "подслащивать медом", сэтле "намочить, набрызгать молоком", крахмалла "крахмалить", пáтла "мочить, вымачивать нитки".

С аффиксом -лат(-лет): сёпрелет "дрожжевать, добавлять дрожжи".

Наделять, снабжать кого-что-либо тем, что названо мотивирующей основой

С аффиксом -ла (-ле): кулатала "надевать колодку (на шею свиньи)", кáшáлла "надевать, набивать обруч", кантáкла "остеклять, застеклять", хурамала "надевать вязки (на сани)", савáлла "клиновать, забивать клин", тэшле "вставляя дно", ункáла "снабжать кольцом", шинáла "набивать подрезы, оковывать", йáрámла "наносить полосы", нáхтала "надевать недоуздок", парнеле "дарить", сүпéле "сорить, мусорить".

С аффиксом -лат(-лет): муллат "делать богатым", таканлат "подковывать", суранлат "ранить, изранить", сұхалат "пришивать воротник".

Покрывать, украсить, отделать что-либо тем, что названо мотивирующей основой

С аффиксом -ла(-ле): пурсáнла "обшить шелком", чэнтэ́рле "украшать резьбой, узорами", шáрáсла "украшать кисточками", йэ́смеле "уст. отделявать тесьмой, шнуром", мáкла "конопатить, затыкать", укала "отделать позументом", хáмачла "покрывать кумачом, обшивать, оторачивать кумачом", хáнтáрла "окаймлять, обшивать чем-либо (кёрёк хáнтáрла "оторочить шубу мехом)", чечекле "украсить цветами".

С аффиксом -лат(-лет): туллат "покрывать материей, обшивать, обтягивать", шáрсáлат "украсить бисером", хáнтáрлат

"опушать, оторачивать, окаймлять, обшивать", шатралат "покрывать сыпью".

Действовать тем средством, что выражено мотивирующей основой

С аффиксом -ла(-ле): эмелле "лечить, врачевать", имле "лечить народными средствами".

Покрывать, намазать, обработать сверху тем, что названо мотивирующей основой

С аффиксом -ла(-ле): йёсле "оправлять в латунь, отделять латунью", кращынла "пачкать керосином", лакла "лакировать, покрывать лаком", писевле "румянить", супъанле "намыливать", сургучла "запечатывать сургучом", тӕхланла "покрывать оловом", тикётле "мазать, смазывать дегтем, пачкать дегтем", кёмёлле "серебрить", сӕмсала "пачкать соплями", силёмле "клеить, промазывать клеем", пурӕла (пурла) "белить, пачкать мелом", пӕхӕрла "покрывать медью".

Провести время или отрезок времени, обозначенные мотивирующей основой

С аффиксом -ла(-ле): касла "коротать, проводить вечер", хёлле "зимовать, проводить зиму", сёрле "ночевать, проводить ночь", кунла "проводить день", вӕхӕтла "подождать, обождать, повременить", вӕрахла "медлить", ёмёрле "вековать".

Делить или подразделять что-либо на то, что названо мотивирующей основой

С аффиксом -ла(-ле): турамла "резать на кусочки", шӕрпӕкла "щепать, измельчать", пайла "делить на части", сыпӕкла "делить, рубить", турпасла "щепать, тесать", кварталла "разбивать на кварталы", районла "районировать", ушкӕнла "группировать, объединять в группы", татӕкла "резать, рвать на куски".

Мерить, измерять тем, что названо мотивирующей основой

С аффиксом -ла(-ле): утӕмла "измерять шагами", сӕхрӕмла "уст. мерить верстами, разбивать дорогу на версты", хӕласла "уст. мерить саженью", хурла "уст. мерить локтями", шитле "мерить падями".

С аффиксом -лат(-лет): аршӕнлат "уст. отмеривать что-л. поаршинно".

Пребывать в том состоянии, которое названо мотивирующей основой

С аффиксом -ла(-ле): мухмӕрла "находиться в состоянии похмелья", сунасла "чихать", тарла "потеть", тимле "вникать", тун-

сәхла "скучать, тосковать", уйла "думать, размышлять", хұхла "плакать, оплакивать", чирле "болеть, хворать", шухәшла "думать, размышлять; мыслить", ыйхәла "думать, быть в полусонном состоянии".

Проявить свойство, качество или отношение, названных мотивирующей основой

С аффиксом -ла(-ле): мәшкәлла "издеваться, надругаться", питле "крикковать, обличать", саламла "поздравлять", сарәпла "вредить", укәтле "уговаривать", хисепле "почитать", юнавла "угрожать, грозить", ирәксәрле "принуждать", сәтәрла "вредить, приносить вред", чысла "почитать, чтить", элекле "клеветать", мёскәнле "унижать", шелле "жалеть", сивле "осуждать".

Придавать чему-либо форму предмета, делать таким, как предмет, который назван мотивирующей основой

С аффиксом -ла(-ле): тёмескеле "складывать кучей, кучкой", тумхәла "делать кочковатым", тәваткалла "сделать квадратным", мәкәльле "делать шишковатым".

С аффиксом -лат(-лет): вәләшкалат "делать с углублением", кантралат "придать вид веревки, сделать наподобие веревки", кәлтелет "делать в виде снопов".

Образование, появление у предмета того, что названо мотивирующей основой

С аффиксом -лан(-лен): сапакалан "распускаться (о почках)", курәклан "покрываться, зарастать травой", вутпуҫсилан "поражаться пыльной головней", каюлан "пустить новые побеги", кәмпалан "покрываться грибами, заплесневеть", кәчкәлан "образоваться - о цветочных почках, сережках на деревьях", мәкәллен "покрываться шишками", сәлтәрлан "покрываться звездами".

Подвергать кого- или что-либо действию, названному мотивирующей основой

С аффиксом -ла(-ле): сәнавла "испытывать, экспериментировать", тыткәнла "брать в плен", сәлтавла "мотивировать", тәкакла "расходовать", хуралла "караулить", сиенле "вредить, наносить вред", хышарла "извещать, сообщать", халалла "высказать пожелание", хуравла "сообщать, извещать", тәрәсле "проверять", черетле "чередовать".

Приобретать то качество, свойство, признак, цвет и т.д., которые названы мотивирующей основой

С аффиксом -лан(-лен): әшәхлан "мелеть", ансатлан "облегчаться", вәрәмлән "удлиняться", кәренлен "розоветь, алеть", кәрнеклен

"становиться красивым, пригожим", сахаллан "уменьшаться", сёвеклен "стать пологим", симёслен "зеленеть", сивёчлен "делаться острым, оттачиваться", сирёплен "сделаться крепким, прочным, твердым", пылаккан "сделаться сладким", сáнсáрлан "потерять вид, обезобразиться", самрáккан "молодеть, становится молодым".

С аффиксом -ал(-ел, -л): кёскел "укорачиваться", ватáл "стареть, стариться", нýрел "сыреть, увлажняться", кивел "становиться ветхим, ветшать", сарал "желтеть", шурал "белеть, бледнеть", хурал "чернеть", сáрал "сгущаться, становится густым".

С аффиксом -ар(-ер, -р): сывхар "приближаться, близиться", кáвакар "синеть, становится синим; сесть".

С аффиксом -áх(-эх, -х): пáчáх "становиться душным, спертым", шура́х "выцветать; виднеться белым", юта́х "избегать, чуждаться".

С аффиксом -ан(-ен, -н): пушан "пустеть, становится пустым", шаклан "лысеть, плешеветь", áшáн "согреваться, становиться теплым, горячим", сáхáн "жадничать", сивён "охлаждаться, остужаться, остывать, становится холодным".

С аффиксом -кáн(-кён): выскáн "проголодаться, изголодаться".

Превращаться в тот предмет, что назван мотивирующей основой

С аффиксом -лан(-лен): турпаслан "превращаться в щепки", лёпёлен "диал. обращаться в бабочку", нимёрлен "превращаться в кашу", чáмаккан "превращаться в ком, комок", пáслан "обращаться в пар, испускать пар", янкарлан "обращаться в гниль, труху, гнить", кáварлан "превращаться в горящие угли", кёллен "превращаться в золу, пепел".

Приходить в то состояние, которое названо мотивирующей основой

С аффиксом -лан(-лен): пёчченлен "уединяться", чáлахлан "калечиться, уродоваться", хёрёнкёлен "пьянеть, хмельть, лáпкáлан "успокаиваться", салхулан "опечалиться, стать печальным", чáркáшлан "капризничать", силлеслен "становиться вспыльчивым", ёнтрёклен "смеркаться, темнеть", хáравсáлан "становиться трусливым, боязливым".

Приобретение каким-либо лицом или живым существом того, что названо мотивирующей основой

С аффиксом -лан(-лен): сáпанлан "покрываться фурункулами", суhalлан "обрастать бородой", йáхлан "заболеть проказой", кёсенлен "покрываться коростой, струпами, болячками", куссульлен "слезиться", пыйтáлан "завшиветь", пáрсалан "заражаться блохами", кирёклен "покрываться перхотью", шáрккан "обзавестись гнидами".

Совершать действие, свойственное лицу или животному, или стать тем, что названо мотивирующей основой

С аффиксом -лан(-лен): арсурилен "баловаться, дурачиться", ачалан "ребячиться, вести себя по-детски", йёкётлен "мужать, взростеть", ййталан "бран. наглеть, лишаться стыда и совести", йёксёклен "безобразничать, вести себя безобразно", камитлен "скоморошничать", карчаклан "стариться, становиться старухой", кашкярлан "озвереть", упателен "кривляться, обезьянничать", сысналан "нахальничать", ултавşалан "становиться обманщиком, лжецом".

Совместное участие в процессе действия, взаимный переход в какое-либо состояние или пребывание в нем

С аффиксом -лаш(-леш): тавлаш "спорить", сутлаш "судиться", мирлеш "мириться", пёрлеш "объединяться, соединяться; сплачиваться", чикёлеш "граничить, быть смежным, иметь смежные границы", каварлаш "уговариваться, сговариваться, договариваться", маşkällаш "дразниться, издеваться", хаклаш "торговаться".

Выражение действия, происходящего в самом субъекте или с самим субъектом

С аффиксом -ял(-ёл,-л): нясал "портиться, ухудшаться", хуşал "ломаться", şарял "возиться в грязи", вёрёл "простудиться после болезни", сарял "распространяться, растилаться, расширяться", катял "раскалываться".

Проявлять тот образ, который назван мотивирующей основой

С аффиксом -тат(-тет): йялтärtат "сверкать", вёлтёртет "развеваться", лакяштат "ходить слегка прихрамывая", маçалтат "мигать, трепетать, хлопать пламенем", мёкёлтет "мелькать, рябить, мельтешить", сёнкёлтет "поплестись, еле шагать", янкärtат "скользить", яшялтат "копошиться", вётёлтет "мелькать".

С аффиксом -лат(-лет): ялтлат "вспыхивать коротко и отрывисто", мärtлат "сердиться, фыркать", мёлтлет "мелькать", карлат "быстро воспламениться", пялтлат "мигать (о лампе)", пярлат "порхать", йяпашлат "ступать бесшумно".

Совершать переходное действие над каким-либо объектом в отличие от непереходного действия, обозначенного мотивирующей основой

С аффиксом -ар(-ер): пёсер "варить", кусар "передвигать", пётер "завершить", гутар "погружать во что-либо", укер "ронять, сваливать", шятар "продырявливать, проколоть", şитер "довести".

С аффиксом -тар(-тер): антар "спускать", ирёлтер "растворять", йявантар "валить", йямäхтар "ослеплять", култар "смешить, вызывать смех", тунтер "опрокинуть, перевернуть".

Глава 3. ФУНКЦИОНАЛЬНО–СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СРЕДСТВ ГЛАГОЛООБРАЗОВАНИЯ

Структурно-семантическая характеристика производящих основ

Функционирование языка непременно требует определенной комбинаторики корневых и служебных /словоизменительных, формообразовательных, словообразовательных/ морфем, а также сочетания аффиксальных морфем друг с другом, хотя аффиксы не могут комбинировать автономно, т. е. вне структуры слова. Конечный аффикс примыкает предыдущему как к компоненту лексической единицы. Аффиксы словообразования жизнеспособны до тех пор, пока они находятся в отношениях сочетаемости с единицами других уровней и одного с ним уровня. Примером постепенной утраты жизнеспособности является существование в языке некоторых непродуктивных аффиксов, встречающихся лишь в составе двух-трех слов, а некоторые из них обнаруживают себя в единичных образованиях, ср. именные:

–мӓр/пусмӓр/, –са/алса/, –тӓк/хӓшкӓлтӓк/, –пӓк/ –пӓк/чӓлпӓк/, –ске/ пӓрнеске/ и т. д., глагольные: –та/ –те/ /чӓмӓрта/, –че/тӓпче/, –пӓн/ –пӓн/ /чӓлпӓн/, –хан/суйхан/, –хат/хумхат/ и т. д.

Язык как кодовое образование, естественно, имеет какие-то ограничения в структурировании своих единиц – морфем, слов, словосочетаний, предложений. Уяснение этих ограничений, несомненно, представляет большой интерес для чувашского языкознания. Во-первых, это способствует выявлению пустых ниш и ячеек в словообразовательной системе языка, которые могут быть заполнены в соответствии с кодифицированными нормами языка лишь не заполнены соответственно этим же нормам. Во-вторых, можно будет выявить деривационные узлы и ветвления, возможные в языке, но еще не востребованные языковыми и не языковыми /внешними/ потребностями, а также описать типологию словообразовательного синтеза чувашского языка и линейную расположенность морфем в структуре производных единиц.

Порядок морфем в производных структурах и их глубина определяется, во-первых, всей предшествующей деривационной историей конкретного слова, во-вторых – совокупностью всего морфемного инвентаря, представленного в языке, а также распределением в системе морфем определенных значений. Деривационную историю слова удобнее представить в виде цепочечной записи, ср. имена: **савӓр –саврӓн– саврӓнӓсу – саврӓнӓсусӓр – саврӓнӓсусӓрлӓх** «неуклюжесть, инертность», **пӓлхан**

— пӑлхану — пӑлханусӑрлӑх «спокойствие, невозмутимость»; глаголы: сивӗч — сивӗчлен — сивӗчлентер «затачивать», туй — туйӑм — туйӑмсӑр — туйӑмсӑрлат «делать менее чувствительным», кӑвас — кӑвасак — кӑвасаклан — кӑвасаклантар «делать кислым», чыс — чыссӑр — чыссӑрла «позорить, осквернять», шай — шайлаш — шайӑ лаштар «выравнивать», кӑк — кӑкар — кӑкарӑн «быть привязанным», шыв — шывсӑр — шывсӑрлан — шывсӑрлантар «лишать воды, обезвоживать», чар — чараксӑр — чараксӑрлан «стать несдержанным, болтливым», чап — чаплӑ — чаплӑлан — чаплӑлантар «делать превосходным, великолепным», чампӑр — чампӑртат — чампӑртаттар «плескаться», вит — витӗм — витӗмсӑр — витӗмсӑрлет «делать неубедительным».

Определенная часть производных глагольных конструкций относится к более глубоким относительно нашего времени словам, другая часть — к более близким. Ясно, что из приведенных выше многоступенчатых слов самыми древними производными единицами являются слова первой ступени, а самыми молодыми — основы последней ступени. Таким образом, протяженность производных структур связана с лингвистическим временем, неизменным параметром существования языковых структур.

Деривационная история определяет и морфемный состав, и словообразовательную структуру слова. Кроме того, образование потенциальных производных определяется имеющимися в языке различными факторами, влияющими на порождение производных конструкций, к числу которых относятся и сложившиеся в языке комбинаторные ограничения. Например, в чувашском языке не могут сочетаться аффиксы —лӑх/лӗх/ и —тар/—тер/, —у/—ӳ/ и ӑс/—ӗс/, —сӑр/—сӗр/ и —шка/—шке/ и т. д.

Из глаголообразующих морфем не комбинируются следующее: —тат/—тет/ и —ӑл/—ӗл/, —ка/—ке и —ал/—ел, —лаш/—леш и —ӑс/—ӗс/, —а/—е/ и —ӑн/—ӗн/, —ал/—ел/ и —тар/—тер/ и т. д.

Однако сочетаемость аффиксов — не постоянная величина. Отсутствовавшие в языковом прошлом комбинации могут проявляться в нынешнем состоянии языка, а те, которые не материализованы в языковом настоящем, могут появиться в будущем. Например, в производный фонд лексики чувашского языка сравнительно недавно вошло производное слово с нехарактерным для чувашского языка сочетанием морфем —ӑн/—ӗн/ и —лӑх/—лӗх, ср. усӑӑнлӑх/ усӑ —ӑн —лӑх/. Это связано с калькированием и переводом с русского. В общем плане это можно сформулировать следующим образом: экстралингвистические условия диктуют внутрилингвистическим изменение традиционно сложившейся словообразовательной комбинаторики.

Анализ производных глаголов показал, что подавляющее большинст-

во их /3287 слов, или 63,57% / состоит из двух морфем, т.е. они образованы из корневых слов. —**Ла/—ле/:** **Йёрле** «следить, выслеживать; следовать за кем-либо», **кусла** «примечать, наблюдать, следить»; **ăвасла** «вошить, натирать воском»; **бетонла** «бетонировать»; —**лан/—лен/:** **тăварлан** «солиться; засаливаться, насыщаться солью /о почве/»; **тăвăллан** «разбушеваться», **вачаклан** «становиться кислым, киснуть; становиться горьким»; —**лат/—лет/:** **илемлет** «украшать», **Йăрăмлат** «наносить полосы», **Вăрахлат** «замедлять, делать более медленным; затягивать», **качлат** «стучать, тюкать /о топоре/», **куллет** «падать с шумом!», **парлат** «быстро взвиваться, вздыматься, подниматься»; —**тат/—тет/:** **тапăлгат** «топаться; топать, стучать ногами», **тĕнкĕлтет** «звякать, тренькать, бречать; семенить, ходить мелкими шагами»; —**лаш/леш:** **тушлаш** «подружиться, стать друзьями; влюбиться друг в друга, полюбить друг друга», **вĕрлеш** «шуметь, гудеть, галдеть»; —**а/—е:** **вĕче** «раздражаться, злиться», **лăка** «трясти, шатать, качать, колебать»; —**та/—те:** **варта** «тесать, обтесывать»; —**ка/—ке:** **хашка** «пыхтеть, сопеть, шумно дышать», **чашка** «шипеть; пыхтеть /о паравозе/», **пашка** «тяжело дышать, задыхаться; пыхтеть»; —**ар-ер/—р/:** **кĕлер** «бучить, парить, золить», **хытар** «подтягивать, натягивать туже; затягивать; делать более строгим», **çитер** «доводить, довозить»; —**ăр/—ĕр,—р/:** **палăр** «проявляться, появляться; быть видным, виднеться, отличаться», **ухăр** «ухать, восклицать «ух»; —**ал/—ел,—л/:** **кĕвĕл** «свертываться, скисать, прокисать, густеть, свертываться /о крови/», **çĕнел** «обновляться, становиться новым»; —**ăл/—ĕл,—л:** **урăл** «трезветь; поправляться, выздравливать», **уçăл** «открыться, раскрываться; отпираться, отворяться», **самăрăл** «становиться тучным, толстеть, полнеть»; —**ан/—ен,—н/:** **пушан** «пустеть, опоражняться; освобождаться, становиться свободным»; —**ăн/—ĕн,—н/:** **пухăн** «собираться, набираться», **тăрăн** «вонзаться, втыкаться; упираться во что-либо; насакивать, налетать»; —**ат/—ет,—т/:** **мăкат** «делать тупым, тупить; перен. ослаблять, притуплять», **çемçет** «делать мягким, размягчать; расслаблять», —**аç/—еç,—ç/:** **валесç** «раздавать, распределять, делить»; —**ăç/—ĕç,—ç/:** **çапăç** «сражаться, воевать, биться, драться», **тытăç** «схватываться, сцепляться»; —**аш/—еш,—ш/:** **тиркеш** «быть слишком разборчивым, прихотливым; браковать; придирааться»; —**ăш/—ĕш,—ш:** **çĕрĕш** «гнить, подгнивать, загнивать; перен. разлагаться, развращаться», **сĕкĕш** «бодаться»; —**ăрка/—ĕрке,—ăрха,—ĕрхе/:** **асăрха** «замечать, подмечать; присматривать, следить за кем-либо»; —**кăр/—кĕр/:** **чашкăр** «шипеть, шуметь, шелестеть; перен. разг. шинеть, ворчать; чесаться, зудеть»; —**кăш/—кĕш/:** **вăйкăш** /бросаться, кидаться, устремляться; течь быстро, стремительно»; —**ра/—ре/:** **павра** «разг. болтать, говорить много; расследовать, вести следствие; исслеживать, изучать»; —**мăш/—мĕш/:**

вать, изучать»; –**мáш/–мёш/:** **урмáш** «скандалить, ругаться; бесноваться»; –**шáн/–шён/:** **ютшáн** «избегать, сторониться, чуждаться кого-либо; дичиться, стесняться».

Язык структурно организован так, что в нем из конечного количества элементов /фонетических, грамматических, деривационных/ строится беспредельное количество комбинаций. Каждая комбинация имеет формальное завершение, причем большинство завершенных форм является для последующих деривационных комбинаций. Таким образом, производные конструкции обычно опять становятся исходным, т.е. как и в любом языке, в чувашском возможны такие цепные реакции, при которых многие /но не все!/ производные становятся исходной базой для следующей реакции.

Структура производного слова поддается количественному измерению. В качестве единицы измерения могут выступать: 1/ количество звуков или слогов, 2/ количество морфем в слове. Первый из названных параметров указывает лишь на длину слова, не отражая степень его морфемной протяженности /усложненности/, второй же параметр отражает как морфемную, так и фонетическую /непосредственно/ организованность слова, т.е. его глубину и длину. Исследуя глубину слов, можно выявить их морфемную усложненность, и в результате – ее максимальный предел.

Слова могут содержать столько морфем, сколько дозволено сложившейся системой языка. Структурная характеристика производящих основ поможет установить эту дозволенность в системе аффиксального словообразования. Часть производной лексики чувашского языка / 1691 слово, что составляет 32,70 % от общего количества произведенных вербальных основ/ содержит в своем составе три морфемы. А это означает, что их производящие основы являются двухморфемными, т.е. словами первой ступени деривации.

Сказанное можно иллюстрировать следующими примерами: глаголы второй ступени словообразования, образованные от двухморфемных производящих основ с аффиксом –**ла/–ле/:** **йёпселе** «колоть, прокалывать /иглой/; скреплять иглицами»; **кáлтáрмáчлa** «скатывать, свертывать калачиком, клубком», **мáйкáчлa** «надевать ошейник; надевать ограничительную рогатку; заарканить», **аслáлa** «изобретать; придумывать, выдумывать», **ирёксёрле** «принуждать, неволить; насиловать»; глаголы второй ступени образования на –**лан/–лен/:** **касмáклан** «захлестываться /за шею/ прост. быть затянутым арканом, петлей», **кёрпеклен** «становиться зернистым, крупчатым, рассыпчатым», **ансáрлан** «сужаться, становиться более узким; перен. сужаться ограничиться»; глаголы на –**лат/–лет/:** **ансáрлат** «делать узким», **вайсáрлат** «ослаблять, обессиливать; ослаблять, делать менее сильным»; глаголы на –**лаш/–леш:** **юнавлаш** «угрожать, грозить друг другу», глаголы на –**ан/–ен,–н/:** **áшáрхан** «чувствовать жар; быть в жару», **ху́скалан** «гнутья, изгибаться; разг. ломаться,

кривляться»; глаголы на —**ән**/—**ён**,—**н**/: **варкăшăн** «веять, дуть/о ветре/; развеваться, реять, сновать, кишеть»; **пăстарăн** «собираться, набираться; сосредоточиваться; убираться, быть убраным»; глаголы на —**ат**/—**ет**,—**т**/: **ăнкарт** «догадываться, соображать; понимать, разбираться», **хуйхăрт** «причинять горе, печаль, огорчать; заботить, беспокоить»; глаголы на —**ăç**/—**ёç**,—**ç**/: **курнăç** «видеться, встречаться, повидаться с кем-либо»; глаголы на —**аш**/—**еш**,—**ш**/: **мёкёреш** «реветь, издавать рев», **тёккелеш** «толкать, толкать друг друга»; глаголы на —**тар**/—**тер**/: **ишёлтер** «разрушать, рушить, разваливать», **канăстар** «удовлетворять, устраивать, быть подходящим».

В качестве основы при глаголообразовании может использоваться и трехморфемная основа, т.е. основа, состоящая из корня и двух деривационных аффиксов. Они представляют собой слова второй ступени словообразования и являются, таким образом, базой для следующей, третьей ступени деривации.

Глаголы третьей ступени словообразования, т.е. образованные от основ с тремя морфемами: с аффиксом —**лан**/—**лен**/: **кўлленчёклен** «стоять лужами, разливаться»; **сулăнкăлан** «становиться ухабистым», **канăçсăрлан** «беспокоиться, тревожиться, волноваться»; с аффиксом —**лат**/—**лет**/: **вилёмсёрлет** «делать бессмертным», **витёмсёрлет** «делать недействительным, неэффективным; делать неубедительным»; с аффиксом —**ан**/—**ён**/: **хăпртăн** «выпячиваться, выпирать»; с аффиксом —**тар**/—**тер**/: **камăлсăрлантар** «вызывать недовольство, портить настроение, огорчать»; **алтăклантар** «изрыть; выбивать, делать ухабистым /дорогу/».

Глаголы, образованные от трехморфемных основ составляют 3,46% от общего количества производной лексики рассматриваемой области словообразования. В чувашском языке очень мало глаголов, находящихся на четвертой ступени деривации, т.е. производных от четырехморфемных основ /12 единиц, что равно 0,23 % /.

Приведем некоторые из них: с аффиксом —**лан**/—**лен**/: **килещў сёрлен** «становиться неприличным, непристойным; быть нелепым; становиться непривлекательным, некрасивым», **авкаланчăклан** «становиться извилистым, изогнутым, искривляться»; с аффиксом —**тар**/—**тер**/: **канăçсăрлантар** «беспокоить, тревожить, волновать», **тухăçсăрлантар** «делать малоурожайным, малопродуктивным, делать неплодородным; понижать производительность», **чарусăрлантар** «баловать, распускать /напр., ребенка/».

Имеется лишь два глагола /0,02% от общего числа/, созданных на основе пятиморфемной производящей основы, ср. **çаврăнăçусăрлан** «становиться неловким; неуклюжим; становиться вялым, инертным» и

саврăнăсусăрлат «лишать подвижности, делать неловким; делать вялым, инертным».

При рассмотрении словообразовательной базы глаголов /совокупности слов, выступающих в качестве производящих/ обнаруживается следующее. Количество морфем в производящей базе является существенным фактором для словопроизводства. Глубина /морфемная протяженность/ производящих баз обратно пропорциональна количеству производных от них основ. Безусловно, заданное значение вновь образуемого слова влияет на его протяженность, состав и порядок элементов, находящихся в нем. Элементы же формальной структуры слова, находясь в определенных комбинациях, являются систематизирующим маркером семантики производного. Слово с определенным значением имеет соответствующую ему деривационную морфемную структуру, т. е. присущий ему внутренний предел. Чем длиннее слово, т.е. чем больше в нем морфем, тем оно информативнее.

Глаголообразующие основы чувашского языка, выступающие как материальный костяк производного, равны обычной основе – основе синтаксической формы слова. Но имеются и усеченные основы, сделавшиеся таковыми в процессе деривации.

Глагольные аффиксы образуют вместе с корнем лексическую основу слова, которая в зависимости от количества аффиксов может быть производной первой ступени / с одним словообразовательным аффиксом/, второй ступени / с двумя аффиксами/, третьей ступени /с тремя аффиксами/ и т. д. Пятая ступень деривации является пределом для современного глаголообразования чувашского языка. Значит, самой протяженный глагол в чувашском языке состоит из 6 морфем / производящая основа в 5 морфем плюс последний деривационный формант/. В отличие от глаголов, находящихся на первой ступени словообразования, глаголы, относящиеся ко второму, третьему, четвертому и пятому ступеням, имеют как поверхностную, как и глубинную деривационную структуру.

Подсчеты показывают, что самыми активными среди одноморфемных производящих основ являются существительные /1346/, среди двухморфемных – глаголы /1218/, среди трехморфемных также глаголы /136/ и среди четырехморфемных тоже они /10/. Наименее активными из одноморфемных производящих основ являются местоимения, из двухморфемных - существительные, из трехморфемных – прилагательные.

На современном этапе развития системы аффиксального глаголообразования не представлены производящие основы следующих структурных типов: двух-, трех-, четырех-, пятиморфемные имитативы, наречия, числительные, местоимения, предикативные слова; четырех- и пятиморфемные существительные; пятиморфемные глаголы. Среди двух-, трех-, четырехморфемных основ преобладают глаголы, одноморфемные же основы представлены преимущественно существительными.

Значительная часть глаголов образована от производных основ /1883 слова/. Но слова, образованные от непроеизводных /одноморфеных/ основ, преобладают с разницей в 1404 слова. Таким образом, структурные факторы оказывают сильное влияние на создание новых слов. Есть основания считать, что приведенные выше цифры в определенной степени характеризуют существенные кодовые свойства чувашского языка.

Из каких бы частей не состояла производящая основа, выступая как базовое слово, она представляет собой структурное и семантическое единство. Пока вновь созданная лексема не приживется в языке, от него последующих новых слов не строится. Трехморфемные слова, т.е. основы с двухморфемными производящими базами составляют промежуточную группу между центром и периферией глагольной производной лексики чувашского языка.

Средняя глубина слов в области производных глаголов равна 3 морфемам. Среди новообразований нет или почти нет слов, глубина которых превышала бы среднюю глубину. Тенденция к незначительному увеличению глубины слова, вернее сказать – его длины, поддерживается и усечением основ типа: 1/ *шӑнкӑрав* «звонок» – *шӑнкӑравла* «звонить», 2/ *вӑрӑ* «вор» – *вӑрла* «воровать». Аффиксальное словообразование от слов с разной морфемной структурой вроде бы должно вести к росту глубины и длины слова, но этого не происходит. Видимо, и здесь сказывается тенденция к экономии в языке на всех уровнях.

Структурная и семантическая характеристика производящих основ глаголов, на ваш взгляд, во многом способствует описанию всей словообразовательной базы чувашского языка, т. е. всю совокупность слов, способных выступать в качестве производящих.

Одни из вновь образованных и языковых единиц могут, другие не могут в дальнейшем выступать в качестве исходных для новых структурных преобразований. Это зависит, помимо всего прочего, и от конечного аффикса в слове. Например, наречный аффикс –*ӑн/–ӓн/*, находясь в конечной позиции слова, оказывает отрицательное воздействие на глаголообразование. От основ типа *чӑррӓн* «живьем, живым», *хӑрахӑн* «одиного, в одиночестве» вербальные производные конструкции не порождаются. Свое влияние здесь, конечно же, имеют и семантические факторы.

Языковая комбинаторика, диалектика плана содержания и плана выражения наиболее прозрачно проявляется в деривационных процессах: структурно-комбинаторные преобразования являются неисчерпаемым источником пополнения словарного состава языка производными единицами.

Линейность, синтаксичность деривационных процессов есть уникальное фундаментальное свойство, определяющее в содержательном аспекте характер деривационных процессов и структуру производных словесных комплексов. Любые производные конструкции представляют собой способ выражения той информации, которая в сжатом и свернутом виде содержа-

лась в мотивирующей основе .

Анализируя структурные особенности производящих основ, нельзя пройти мимо следующего момента, характерного для чувашского глагольного словопроизводства. Расширение и обогащение словарного состава современного чувашского языка происходит как за счет внутренних ресурсов, так и за счет заимствований из русского языка, а также заимствованиями из других языков через русский язык. Русский язык, будучи средством межнационального общения, является проводником интернациональной лексики для других языков. Многие заимствования нашли весьма широкую сферу употребления в научно-технической и общественно-политической прозе, в разговорном языке, что не могло не повлиять на словообразовательные процессы в чувашском языке. Как и в других областях аффиксальной деривации, в системе глагольного словообразования чувашского языка можно выделить особый пласт лексики – основы, образованные от заимствованных слов.

Как и в большинстве языков, в чувашском не имеет места массовое заимствование глагольных лексем. Естественно, глаголообразование происходит лишь от именных заимствований. Имеются лишь единичные случаи, отмеченные А.Е.Горшковым, когда от русских глаголов образуются чувашские производные формы, ср. **мешетле** от мешать, **шарикле** от жарить, **калитле** от калить / см.: 15, 162-163/. Как совершенно правильно заметил А.Е.Горшков, в настоящее время таким образом глаголы не производятся, значит, чувашское глаголообразование от заимствованных существительных намного проще, чем от глаголов.

В качестве мотивирующей основы иногда используется фонетизированная форма русского существительного, ср. **расхутла** «расходовать», **прихутла** «приходить» и т. д. /ср. также приведенные выше отглагольные глаголы/. В основном же глаголы образуются от обычной формы заимствований с усечением флексии, ср. **механизациле** «механизировать», **яровизациле** «яровизировать», **приватизациле** «приватизировать» и многие другие. Нами выявлено свыше 500 глаголов с заимствованными основами. Особенностью их является то, что они образуются только при помощи аффиксов **-ла/ -ле**, **-лан/ -лен** и частично с **-лат/ -лет**.

Заимствованные производящие основы вступают в деривационные отношения как цельные основы. Как нам кажется, для структурного анализа аффиксальной словообразовательной системы чувашского языка разложение их на морфемы не представляет научной ценности. Мы их относим к одноморфемным исходным основам, имея при этом в виду их структурирование в иных языках.

Среди производящих основ имеются и исходно не первичные слова, которые не сохранили генетико-деривационных связей со своими производящими, а значит, потеряли былую членимость на составляющие части.

В этих словах не чувствуются характеризующие современную деривационную систему живые функциональные связи. При глубоком этимологическом зондировании этих слов можно обнаружить омертвелые диахронические связи между архаичным корнем и формантом. В процессе структурного и исторического развития языка в таких словах произошло опрощение, при котором ранее производные слова перестали члениваться на морфемы и превратились в непродуваемые с точки зрения современного состояния языка единицы. Приведем некоторые опрощенные слова, которые участвуют в глаголообразовании как исходная база: **тусан** «пыль» - **тусанлан** «пылиться, пачкаться в пыли», **шърпăк** «шепка, лучина» - **шърпăкла** «измельчать, шепать», **тăнăç** «спокойствие» - **тăнăçлан** «успокаиваться, утихать», **тўме** «пуговица» - **тўмеле** «застегивать» и многие другие. В этих словах, производящих глаголы, семантическая связь с исходными основами не сохранилась, их морфемная структура дольше, чем смысловая сторона, хранит в себе следы истории языка.

Семантическая структура глаголов сложна и многообразна. Поэтому рассмотрение деривационных значений производных вербальных основ нельзя отделить, во-первых, от изучения их лексических значений, а во-вторых – от исследования семантики производящих основ, так как именно она оказывает непосредственное влияние на формирование семантики результирующей единицы. Следовательно, описание семантики производных глаголов должно сопровождаться лексико-семантической характеристикой исходных основ.

В семантической структуре производящей основы всегда содержится значение, обусловленное принадлежностью слова к той или иной части речи, т.е. понятие предметности, признаковости, действия и т. д. От существительных глаголы образуются с одними словообразовательными значениями, от прилагательных – с другими.

Слова же одной части в отношении формируемых ими значений производных распределяются по-своему.

Нет ни одного существительного, семантика которого позволяла бы участвовать в формировании всех имеющихся деривационных значений отсубстантивных глаголов. Это относится и к активным производящим основам. Признак, обозначаемый ими, кладется в основу глаголов с определенными деривационными значениями основы, мотивирующие глаголы чувашского языка, как правило, многозначны и потенциально содержат целый ряд значений, которые материализуются, актуализируются при комбинировании их с определенными аффиксами. Немало и других семантических нюансов, которые не могут быть учтенными в дериватологических исследованиях, носящих семасиологический характер.

Необходимо тщательно исследовать семантические признаки основ глаголообразования, что позволяет понять значение соответствующих производных, даже если они не отражены в словарях или истолкованы со-

ставителями словарей не совсем точно. Скурпулезное исследование семантических свойств производящих в итоге должно представить взаимосвязь между лексико-семантической характеристикой определенных слов с их словообразовательной валентностью.

Итак, для выявления семантических особенностей производных глаголов необходимо изучение семантики единиц, предопределяющих их формальную и смысловую структуру – производящей основы и формата. Попытаемся для начала выявить общие лексико-семантические признаки производящих основ, распределяя их по семантическим группам.

Глаголы с основами, обозначающими названия процесса, действия-состояния или признака процесса.

С аффиксом **–ла/–ле/**: **чикёмле** «брать вилами» от **чикём** «охват», **агитациле** «агитировать» от **агитаци** «агитация», **йёксүле** «рыгать, икать» от **йёксү** «икота», **тунсәхла** «скучать, тосковать; грустить, печалиться» от **тунсәх** «скука, тоска; грусть, печаль», **манәсла** «забывать, предавать забвению» от **манәс** «забвение».

С аффиксом **–лан/–лен/**: **асаплан** «мучиться, страдать; возиться, долго заниматься чем-либо» от **асап** «мучение, страдание», **вёчәлен** «злиться, раздражаться» от **вёчә** «злоба, ярость», **высләхлан** «жадничать, быть жадным, алчным» от **высләх** «голод; жадина», **канәсәрлан** «беспокоиться, тревожиться; становиться беспокойным» от **канәсәр** «беспокойный».

С аффиксом **–лат/–лет/**: **хавхалат** «вдохновлять, воодушевлять» от **хавха** «вдохновение», **сиплет** «подавлять, поправлять, восстанавливать» от **сип** «польза», **тётрелет** «туманить, затягивать туманом, дымкой» от **тётре** «туман», **үсәмлет** «делать успешным, эффективным» от **үсәм** «успех, достижение».

С аффиксом **–лаш(–леш)**: **юнавлаш** «угрожать, грозить друг другу» от **юнав** «угроза», **кутәнлаш** «упрямиться, капризничать» от **кутән** «упрямый, капризный».

С аффиксом **–ән(–ён, –н)**: **асән** «вспоминать; поминать» от **ас** «память», **сусәрән** «получить рану, травму; заболеть, становиться больным; становиться калекой, уродоваться» от **сусәр** «больной, раненый; калека», **сәхән** «жадничать, быть жадным» от **сәхә** «жадный».

С аффиксом **–әр(–ёр, –р)** **хуйхар**: «горевать, печалиться; заботиться, беспокоиться» от **хуйхә** «горе; забота, беспокойство».

С аффиксом **–ат(–ет, –т)**: **кёсёт** «зудеть, чесаться» от **кёсё** «чесотка».

С аффиксом **–әх(–ёх, –х)**: **вёчәх** «злиться, раздражаться» от **вёчә** «злоба, ярость», **высәх** «проголодаться; голодать» от **высә** «голодный».

С аффиксом **-та(-те)**: чамърта «сжимать, стискивать, сдавливать; комкать» от чамър «кулак», кѣсте «зудеть, чесаться» от кѣсѣ «чесотка».

С аффиксом **-а(-е)**: хѣне «бить, избивать» от хѣн «мучение, страдание»

Глаголы с основами, обозначающими результат процесса или признак результата процесса

а) результат процесса:

С аффиксом **-ла/-ле/**: пѣвеле «прудить, запруживать» от пѣве «пруд», чикѣле «разграничивать, размежевывать, устанавливая границы» от чикѣ «граница», пурнѣсла «претворять, проводить в жизнь, реализовывать; осуществлять» от пурнѣс «жизнь», силосла «силосовать» от силос.

С аффиксом **-лан/-лен/**: калѣплан «формироваться» от калѣп «форма», калчалан «всходить, давать всходы; прорасти» от калча «всходы; побеги», каюлан «пустить новые побеги /о злаках/» от каю «всходы», каварлан «превращаться в горящие угли, жар» от кавар «горящие угли, жар», культурѣлан «становиться культурным, повышать культуру» от культура.

С аффиксом **-лат/-лет/**: хутлат «образовать складки, сборки; складывать, сгибать» от хут «слой», саранлат «превращать в луг, проводить залужение» от саран «луг».

С аффиксом **-лаш/-леш/**: таванлаш «родниться, становиться родственниками, брататься» от таван «родственник», пѣрлеш «объединяться, соединяться» от пѣр «один, единый».

С аффиксом **-ар/-ер,-р/**: хутер «загораживать, огораживать» от хутѣ «защита, укрытие».

С аффиксом **-ат/-ет,-т/**: сурат «рожать» от сура «детеныш».

б) признак результата процесса:

С аффиксом **-ла(-ле)**: вѣтамла «выводить средние показатели» от вѣтам «средний», вѣриле «прокаливать, прожаривать; обдавать кипятком» от вѣри «горячий», ленчешкеле «изнашивать, трепать, приводить в негодность» от ленчешке «рваный, истрепанный», вашмѣкла «делать покатым, пологим» от вашмѣк «покатый, пологий».

С аффиксом **-лан(-лен)**: туллилен «становиться полным, тучным, упитанным, полнеть» от тулли «полный, тучный, упитанный», тутлѣлан «становиться вкусным, приобретать приятный вкус» от тутлѣ «вкусный», уярлан «становиться ясным» от уяр «ясный», халсѣрлан «ослабевать, становиться слабым» от халсѣр «слабый, бессильный».

С аффиксом **-лат(-лет)**: **кăваклат** «делать синим, голубым» от **кăвак** «синий, голубой», **кăвасаклат** «делать кислым, кисловатым, придавать кислый вкус» от **кăвасак** «кислый, кисловатый», **суккăрлат** «ослеплять, делать слепым» от **суккăр** «слепой».

С аффиксом **-лаш(-леш)**: **танлаш** «равняться, становиться вровень» от **тан** «равный», **түрелеш** «диал. мириться» от **түрĕ** «правдивый».

С аффиксом **-ал(-ел, -л)**: **кивел** «становиться ветхим, ветшать; устаревать» от **кивĕ** «старый, ветхий», **сүхел** «становиться тонким, истончаться; изнашиваться» от **сүхе** «тонкий», **хĕрел** «краснеть, становиться красным; румяниться, покрываться румянцем» от **хĕрлĕ** «румяный, красный».

С аффиксом **-ăл(-ĕл, -л)**: **кукăрăл** «искривляться» от **кукăр** «кривой», **шĕвĕрĕл** «становиться острым, заостряться» от **шĕвĕр** «острый», **самăрăл** «становиться тучным, упитанным; толстеть» от **самăр** «толстый, тучный».

С аффиксом **-ар(-ер, -р)**: **сывхар** «приближаться» от **сывăх** «близкий», **кăвакар** «синеть, голубеть, становиться синим» от **кăвак** «синий, голубой».

С аффиксом **-ан(-ен, -н)**: **шаклан** «лысеть, плешиветь» от **шакла** «лысый», **йĕпен** «мокнуть, становиться мокрым; сыреть, становиться сырым» от **йĕпе** «сырой, мокрый».

С аффиксом **-ăн(-ĕн, -н)**: **ăшăн** «греться; согреваться, становиться теплым, горячим» от **ăшă** «теплый», **сивĕн** «охлаждаться, становиться холодным» от **сивĕ** «холодный».

С аффиксом **-ат(-ет, -т)**: **синçет** «делать тонким; делать узким, суживать» от **синçе** «тонкий; узкий», **кукăрт** «делать кривым» от **кукăр** «кривой», **йүçĕт** «квасить, заквашивать» от **йүçĕ** «кислый».

С аффиксом **-ăх(-ĕх, -х)**: **сарăх** «желтеть, становиться желтым» от **сарă** «желтый», **пăчăх** «становиться душистым, спертым» от **пăчă** «душной, спертый».

в) со смешанным значением результата и формы:

С аффиксом **-ла(-ле)**: **йăранла** «проводить борозды; межевать; делать грядки» от **йăран** «борозда; межа; грядка», **лупашкала** «делать выемку, углубление» от **лупашка** «выемка, углубление», **мăяла** «делать связку, связать в плетенку» от **мăя** «связка».

С аффиксом **-лан(-лен)**: **кантралан** «принимать форму веревки» от **кантра** «веревка», **пайăрқалан** «разделяться на пряди, виться локонами» от **пайăрка** «прядь, локон», **пĕрĕмлен** «собираться в складки, сборки» от **пĕрĕм** «складка, сборка».

С аффиксом **-лат(-лет)**: **тәваткәллат** «придавать кубическую форму, делать в виде кубиков» от **тәваткал** «четырёхугольник», **шаршанлат** «укладывать штабелями, стопами» от **шаршан** «штабель, поленница».

г) со смешанным значением результата и признака:

С аффиксом **-ла(-ле)**: **йәрәмла** «делать полосатым, наносить полосы (на поверхность чего-либо)» от **йәрәм** «полоска», **көрпекле** «делать крупчатым, зернистым, рассыпчатым» от **көрпек** «зернистый, рассыпчатый».

С аффиксом: **-лан(-лен)**: **катрашкалан** «становиться комковатым, сбиваться в комки» от **катрашка** «ком, комок», **курпунлан** «становиться горбатым, горбиться» от **курпун** «горб».

С аффиксом **-лат(-лет)**: **пылаклат** «делать сладким, подслащивать» от **пылак** «сладкий», **такәрлат** «укатывать, утрамбовывать, делать ровным» от **такәр** «гладкий, ровный».

Глаголы с основами, обозначающими орудие или средство, необходимое для осуществления действия.

С аффиксом **-ла(-ле)**: **йёнерле** «седлать» от **йёнер** «седло», **йёпле** «колоть (иголкой)» от **йёп** «игла, иголка», **катмакла** «мотыжить, разрыхлять» от **катмак** «мотыга», **кёслеле** «спутывать (овцу)» от **кёсле** «путы», **майкәчла** «надевать ошейник (о собаке)» от **майкәч** «ошейник», **утюгла** «утюжить» от **утюг**.

С аффиксом **-лан(-лен)**: **чавсалан** «облокачиваться» от **чавса** «локоть», **чёркуслен** «становиться на колени» от **чёркусси** «колени».

С аффиксом **-әх(-әх, -х)**: **кусәх** «уст. подвергаться сглазу» от **кус** «глаз».

Глаголы с основами, обозначающими материал, предмет, с помощью которых осуществляется действие

С аффиксом **-ла(-ле)**: **йёсмеле** «уст. отделять тесьмой, шнуром» от **йёсме** «тесьма, шнур», **кёмёлле** «серебрить» от **кёмёл** «серебро», **мау зутла** «пропитывать мазутом» от **мазут**, **мерченле** «украшать, расширять» от **мерчен** «бисер», **никелле** «никелировать» от **никель**.

С аффиксом **-лан(-лен)**: **сурчәклан** «пачкаться слюной» от **сурчәк** «слюна», **әвәслан** «вошиться, пропитаться воском» от **әвәс** «воск, вошина», **крассынлан** «испачкаться керосином» от **крассын** «керосин».

С аффиксом **-лат(-лет)**: **хәрәмлат** «коптить» от **хәрәм** «сажа, копоть», **сахәрлат** «сахарить, класть сахар» от **сахар**.

С аффиксом **(-ар, -ер, -р)**: **кёлер** «бучить, парить, золить» от **кёл** «зола, пепел», **шәвар** «поливать, орошать» от **шыв** «вода».

Глаголы с основами, обозначающими предмет, объект действия

С аффиксом **-ла(-ле)**: **йӱлла** «застегивать» от **йӱллӱ** «петля», **каркӱчла** «распяливать, натягивать» от **каркӱч** «распялка», **кӱкля** «корчевать, вырывать с корнем» от **кӱк** «корень», **наградӱла** «награждать» от награда, **ёнселе** «разг. давать подзатыльники» от **ёнсе** «затылок».

С аффиксом **-лан (-лен)**: **хуртлан** «червиветь» от **хурт** «червь, червяк», **апатлан** «принимать пищу, есть, кушать» от **апат** «еда, пища, кушанье», **вугпуҫҫилен** «поражаться пыльной головней (о злаковых растениях)» от **вугпуҫҫи** «пыльная головня».

С аффиксом **-лат(-лет)**: **ҫухалат** «пришивать воротник» от **ҫуха** «воротник», **ҫаклат** «застегивать» от **ҫакӱ** «петелька».

С аффиксом **-лаш(-леш)**: **ҫўҫлеш** «схватиться за волосы» от **ҫўҫ** «волосы», **хуравлаш** «сообщать, извещать, уведомлять (друг друга)» от **хурав** «весть, известие».

С аффиксом **-ӱх(-ӱх, -х)**: **юӱх** «покрыться кровопотеками» от **юӱ** «кровь».

С аффиксом **-а(-е)**: **сӱна** «наблюдать, следить, замечать» от **сӱн** «вид, облик, образ».

Глаголы с основами, обозначающими способ, вид, форму совершения действия.

С аффиксом **-ла(-ле)**: **парла** «спариваться, соединять в пару» от **пар** «пара», **сийле** «класть пластинами, напластывать» от **сий** «пласт, слой», **куӱ пала** «складывать, сваливать (в кучу); громоздить» от **купа** «куча», **кӱлеткеле** «класть клеткой (дрова)» от **кӱлетке** «клетка», **ҫӱмхала** «мотать, наматывать» от **ҫӱмха** «клубок».

С аффиксом **-лан(-лен)**: **кӱтеслен** «складываться углом, образовать угол» от **кӱтес** «угол», **шӱрҫалан** «быть похожим на бусинки» от **шӱрҫа** «бусы».

С аффиксом **-лат(-лет)**: **харӱслат** «проявить единый прорыв, сделать дружное усилие» от **харӱс** «дружно».

С аффиксом **-ан (-ен, -н)**: **йӱван** «катиться; ползти, медленно двигаться» от **йӱва** «колобок».

Глаголы с основами, обозначающими действующее лицо

С аффиксом **-ла(-ле)**: **маҫтӱрла** «мастерить» от **маҫтӱр** «мастер», **асамҫӱла** «колдовать, ворожить, заниматься знахарством» от **асамҫӱ** «колдун», **хуралла** «сторожить, караулить» от **хурал** «караул».

С аффиксом **-лан(-лен)**: **маҫтӱрлан** «становиться мастером своего дела» от **маҫтӱр** «мастер», **бюрократлан** «бюрокративаться».

Глаголы с основами, обозначающими время

С аффиксом **-ла(-ле)**: **вӑрахла** «медлить, мешкать» от **вӑрах** «медленно», **ёмёрле** «вековать» от **ёмёр** «век», **сёрле** «ночевать» от **сёр** «ночь».

Глаголы с основами, обозначающими место и направление

С аффиксом **-ла(-ле)**: **витёрле** «пробирать насквозь» от **витёр** «насквозь», **пусла** «начинать» от **пуç** «начало», **хирёсле** «противиться» от **хирёç** «против».

Глаголы с основами, выражающими звукоподражания и образо-подражания

а) Слова, изображающие сигналы и крики живых существ

С аффиксом **-ла(-ле)**: **кӑлӑкла** «квохтать» от **кӑлӑк** «подр. квохтанию», **нӑрла** «жужжать, гудеть» от **нӑр** «подр. жужжанию, гудению насекомых».

С аффиксом **-лат(-лет)**: **карклат** «каркать (о вороне)» от **карк** «подр. карканью вороны», **кӑвиклет** «ворковать (о голубях)» от **кӑвик** «подр. воркованию голубей», **кикаклат** «гоготать» от **кикак** «подр. крику гусей».

С аффиксом **-тат(-тет)**: **какӑлтат** «громко кричать» от **какӑл** «подр. крику птиц», **мӑйӑлтат** «жужжать» от **мӑйӑл** «подр. жужжанию насекомых», **мӑрӑлтат** «мурлыкать» от **мӑрӑл** «подр. мурлыканью».

С аффиксом **-ка(-ке)**: **нӑйка** «пищать» от **нӑй** «подр. тонкому гудению, звону, жужжанию насекомых», **лӑрка** «ворчать» от **лӑр** «подр. ворчанию», **йӑнка** «гудеть, звенеть» от **йӑн** «подр. звону, глухому шуму в ушах».

б) Слова, изображающие звуки прикосновения (стука, гула, скрипа, скрежета и т.д.)

С аффиксом **-лат (-лет)**: **кариклет** «скрипеть» от **карик** «подр. скрипу несмазанной телеги, двери», **катлат** «стукаться, ударяться со стуком (о твердых предметах)» от **кат** «подр. стуку», **сартлат** «потрескивать, поскрипывать» от **сарт** «подр. слабому треску, скрипу».

С аффиксом **-тат(-тет)**: **качӑртат** «скрипеть, хрустеть, издавать скрип, хруст» от **качӑр** «подр. скрипу, хрусту, скрежету», **кӑмпӑртет** «гремять, гроыхать» от **кӑмпӑр** «подр. гроыханию», **такӑртат** «постукивать» от **такӑр** «подр. стуку, шуму».

С аффиксом **-ка(-ке)**: **такка** «стучать, долбить» от **так** «подр. стуку», **чанкка** «бить, ударять со звоном» от **чанк** «подр. звяканью», **шакка** «стучать» от **шак** «подр. стуку».

в) Слова, изображающие звуки, связанные с явлениями природы

С аффиксом –лат (-лет): **кашлат** «шуметь гудеть» от **каш** «подр. шуму ветра, леса», **пӑтлат** «звонко капать, падать каплями» от **пӑт** «подр. капанью», **чашлат** «шуметь, шелестеть» от **чаш** «подр. шелесту, шуму», **шавлат** «лить, хлестать, идти с шумом» от **шав** «подр. шуму дождя, воды».

С аффиксом –тат(-тет): **пӑкӑлтат** «булькать, журчать» от **пӑкӑл** «подр. бульканью, журчанью воды», **сатӑлтат** «шелестеть, шуршать, шуметь (о листьях)» от **сатӑл** «подр. шелесту, шуму», **чаштӑртат** «шуметь» от **чаштӑр** «подр. шуршанию, шороху».

С аффиксом –ла(-ле): **кашла** «шуметь, гудеть» от **каш** «подр. шуму ветра, леса», **чашла** «шуметь, шелестеть» от **чаш** «подр. шелесту, шуму».

С аффиксом –ка(-ке): **лашка** «лить, идти (о дожде)» от **лаш** «подр. шумному плеску выливаемой жидкости», **палка** «клокотать, бурлить, бить ключом» от **пал** «подр. клокотанию, бульканью воды», **шалка** «течь с шумом» от **шал** «подр. шуму воды».

г) Слова, изображающие движение

С аффиксом –лат(-лет): **вӑртлат** «быстро повернуться, обернуться» от **вӑрт** «подр. – о быстром движении», **йӑрлат** «плавно двигаться, скользить» от **йӑр** «подр. – о скользящем движении».

С аффиксом –тат(-тет): **вӑтӑртет** «семенить, ходить мелкими шагами» от **вӑтӑр** «подр. – о семяющей походке», **йӑпӑртат** «семенить» от **йӑпӑр** «подр. – о быстром движении», **мӑкӑлтет** «мелькать» от **мӑкӑл** «подр. – о мелькании, неясном движении».

С аффиксом –ка(-ке): **вӑрке** «снова, двигаться взад и вперед» от **вӑр** «подр. – о быстром разбегании в разные стороны», **лӑска** «трясти, колыхать» **лӑс** от «подр. – о колыхании, встряхивании».

С аффиксом –кӑш(-кӑш): **вӑлкӑш** «развеваться, колыхаться» от **вӑл** «подр. о слабом колебании», **тӑлкӑш** «мерцать» от **тӑл** «подр. о слабом мерцании».

С аффиксом –кӑн(-кӑн): **вӑшкӑн** «мчаться, двигаться быстро» от **вӑш** «подр. – о быстром движении», **вӑркӑн** «снова, носиться назад и вперед» от **вӑр** «подр. – о быстром разбегании».

С аффиксом –а(-е): **йӑлтӑра** «блестеть, сверкать» от **йӑлтӑр** «подр. – о ярком блеске».

Глаголы, производные от глаголов

а) от глаголов действия: **ишӑл** «разрушаться, рушиться» от **иш** «разрушать, рушить», **сӑмӑрӑл** «биться, разбиваться» от **сӑмӑр** «бить, разбивать», **ташлаттар** «1) заставляя плясать, 2) наигрывать» от **ташла** «плясать».

б) от глаголов состояния: **вёчелентер** «злить, озлоблять, раздражать» от **вёчелен** «злиться, раздражаться», **хәрат** «пугать, страшить» от **хәра** «бояться, пугаться», **макәраш** «плакаться» от **макәр** «плакать», **савантар** «радовать, веселить» от **савән** «радоваться, веселиться».

в) от глаголов движения: **уттар** «идти шагом, шагать» от **ут** «идти, шагать», **кустар** «катать» от **кус** «катиться», **кусар** «передвигать» от **кус** «перемещаться», **йәвалантар** «катить» от **йәвалан** «катиться».

г) от глагола речи: **чәнтер** «вызывать» от **чән** «звать, вызывать», **каулаш** «говорить» от **кала** «сказать, говорить», **пуплеш** «толковать, разговаривать» от **пупле** «разговаривать».

д) от глаголов мышления: **әнлантар** «объяснять, разъяснять, пояснять» от **әнлан** «понимать, осознавать», **әнкарт** «догадываться» от **әнкар** «соображать, догадываться», **тавсәрттар** «заставлять понимать» от **тавсәр** «соображать, понимать».

е) от глаголов восприятия: **курән** «становиться видимым, виднеться» от **кур** «видеть», **илтән** «слышаться» от **илт** «слышать», **курнаш** «видеться, встречаться» от **курән** «виднеться».

ж) от глаголов ощущения: **систер** «выдавать, проявлять» от **сис** «чувствовать, ощущать», **туйән** «чувствоваться, ощущаться» от **туй** «чувствовать, ощущать».

з) от глаголов, обозначающих проявление или изменение признака: **йүсеклентер** «придавать кислый, кисловатый вкус» от **йүсеклен** «становиться кислым, кисловатым», **әшәхлантар** «делать мелким, неглубоким» от **әшәхлан** «становиться мелким, мельчать».

и) от глаголов, обозначающих взаимоотношения людей: **тиркеш** «быть слишком разборчивым» от **тирке** «быть разборчивым», **савән** «радоваться, веселиться» от **сав** «любить», **юрат** «любить» от **юра** «угождать».

Данная классификация производящих основ по семантическим признакам неполная и в некоторой степени условна. Количество основ, относящихся к той или иной семантической рубрике, точному подсчету не поддается. Одни и те же основы по отношению к действию, выражаемому глаголом, одновременно могут обозначать результат процесса или предмет осуществления действия, объект или средство действия и т.д. В чувашском языке, например, в глаголе **хәйәрла** основа **хәйәр** «песок» в значении «превращать в песок» выражает результат процесса, а в значении «испачкать в песке» - материал, предмет осуществления действия (ср. также: **кәллен** «1. превращаться в золу, 2. покрываться золой от **кәл** «зола», **тисләклен** «1. превращаться в перегной, навоз, 2. покрываться навозом от

тислѣк «навоз», улӓмлан «1. превращаться в солому. 2. быть в соломе от улӓм «солома»).

В глаголе турпасла существительное турпас «щепка» в значении «щепать» выражает объект действия, а в значении «сорить щепками» - предмет, материал осуществления действия. А в глаголе сух`рлан основа сух`р «смола» в значении «делаться смолистым» обозначает признак результата процесса, а в значении «пачкаться смолой» - материал, предмет осуществления действия.

Такая же картина наблюдается и в других тюркских языках, например, в азербайджанском. «Обозначая именные основы как орудие, средство, материал и т.д., - пишет Э.В. Севортян, - мы отмечаем лишь преобладающие значения основ, под которое подводятся все или почти все имена, служащие базой глаголообразования. Однако нельзя оперировать указанными понятиями с математической точностью во всех без исключения случаях, так как здесь возможны переходные случаи от значения орудия к значению средства, от последнего - к значению материала» (54, 40).

Семантическая соотносительность производящих и производных основ

Наблюдения над материалом чувашского глаголообразования показывают, что семантическая соотносительность производящих и производных основ, хотя и проявляется в разных случаях по-разному, все же подлежит типизации. Приведем некоторые типичные случаи семантической корреляции производных и производящих основ:

а) Глаголы, производные от одного значения многозначной основы: **кусӑх** «уст. подвергаться сглазу» от **кус** «1. глаз 2. зрение 3. взгляд, взор 4. отверстие, дырочка, ушко 5. глазок 6. звено (окна) 7. ячейка 8. стежок»; **апатла** «кормить, давать корм от **апат** «1. пища, еда, кушанье 2. еда, прием пищи 3. корм (для скота) 4. питание (для растений)»; **йӑплен** «становиться иглистым, колючим» от **йӑп** «1. игла 2. игла, хвоя 3. колючки (ежа) 4. шипы 5. стрела 6. заколка 7. спица 8. стержень»; **питле** «критиковать» от **пит** «1. лицо 2. щека 3. поверхность 4. фасад 5. корочка 6. переплет 7. наволочка».

б) Глаголы, развившие дополнительные значения : **пӑрала** «1. буравить, сверлить 2. перен. сверлить» от **пӑра** «бурав»; **тыткӑнла** «1. брать в плен 2. перен. пленять от **тыткӑн** «плен»; **чуллан** «1. каменеть, превращаться в камень 2. перен. ожесточаться от **чул** «камень»; **кӑранклат** «1. каркать (о вороне) 2. перен. каркать, накликивать беду» от **кӑранк** «подр. карканью вороны»; **чӑхӑмла** «1. артачиться 2. упрямиться 3. перен. капризничать, работать с переборами (о механизмах)» от **чӑхӑм** «1. строптивый, норовистый 2. упрямый». В вышеназванных глаголах дополнитель-

ные значения возникли в результате дальнейшего семантического развития самого производного глагола.

в) Глаголы, образованные от переносного значения производящих основ: **анчӑклан** «становиться нахальным, наглеть» от **анчӑк** «1. шенок 2. собака 3. бран. собака, мерзавец»; **сысналан** «вести себя нагло, нахальничать» от **сысна** 1. свинья 2. перен. прост. свинья, негодяй»; **юпалан** «вздыматься, подниматься столбом» от **юпа** «1. столб, опора 2. перен. столб».

г) Глаголы, перенявшие все значения производящих основ: **пехилле** «1. напутствовать 2. завещать 3. уст. благословлять» от **пехил** «1. напутствие 2. завешание 3. уст. благословение»; **тӑкӑле** «1. подпирать, ставить подпорку 2. запирать на засов» от **тӑкӑ** «1. подпорка 2. засов»; **чысла** «1. чтить, почитать 2. чествовать 3. угощать» от **чыс** «1. честь 2. почет, честь 3. угощение».

Имеются случаи, когда переносное значение производящей основы не передается в производный глагол. Например, в глаголе **тумхахла** «делать кочковатым, бугристым», образованном от основы **тумхах** «1. кочка, бугорок 2. перен. трудности, препятствия» не обнаруживается второе, переносное значение (ср. также: **нимӑрле** «1. превращаться в жижу; разжижать 2. мять, давить» от **нимӑр** «1. кисель 2. пюре 3. перен. недотепа, размазня»; **сӑлтӑрлан** «покрываться звездами» от **сӑлтӑр** «1. звезда 2. звездочка 3. перен. светило, звезда, знаменитость»).

Рассмотрев типичные случаи семантической соотносительности производящих и производных основ в системе глагольного словообразования чувашского языка, можно сделать следующие выводы.

Смысловые связи производных и производящих основ характеризуются многообразием. Не всегда легко определить, на базе какого конкретного инварианта семантики производящей основы возникло то или иное образование. Но об одном можно сказать твердо: в обеспечении семантической преемственности, соотносительности важнейшую роль играет мотивирующая основа. Конкретная семантика производной основы соотносится с конкретной семантикой производящей.

Слова образуются на базе и прямых, и переносных значений исходных единиц. Но большинство производных возникает на основе прямых значений. На базе одного значения может возникнуть несколько слов, т.е. каждое значение производящей может дать начало новому деривационному ответвлению. Производные могут перенять многозначность производящих. Однако это характерно не всем глаголам.

Иногда значение производящих и производных могут быть очень близкими, что приводит к синонимии производящих и производных основ (примеры см. ниже). Это явление свойственно только отглагольным глаголам.

В производных словах могут развиваться дополнительные значения, т.е. те, которые потенциально не были в семантике производящих основ. Степень близости значений производных и производящих основ может быть различной. Менее близки к своим исходным основам слова, развившие дополнительные значения. В самых близких семантических отношениях с мотивирующими их основами находятся слова, перенявшие все значения базового слова. В словах, находящихся в деривационных отношениях, можно выделить три типичных случая в соответствии с тем, в какой степени значение одного слова отражается в значении другого слова: а) все значения одного слова представлены в семантике другого слова, б) часть значений одного слова входит в значение другого слова, в) лишь один компонент семантики одного слова имеется в значении другого.

Любой производный глагол предполагает наличие соответствующей мотивирующей основы. Если из языка исчезает соответствующая производящая основа или же глагол перестает семантически соотноситься с ней, первый теряет свою производительность и членимость и претерпевает процесс опрошения (слова типа ултала «обманывать», чърман «беспокоиться» и т.д.).

Выявление закономерностей смысловых связей при словообразовании, их типология - трудная, но увлекательная задача, которая ждет своего решения. Семасиологам, дериватологам предстоит разрешить большие проблемы, связанные с описанием семантических корреляций производных и производящих основ. Пока же мы не имеем обоснованной типологии семантической соотносительности производных и производящих ни в одной области словообразования чувашского языка. Поэтому естественным можно признать субъективизм, встречающийся в словарном толковании производных глаголов, особенно в дифференциации многозначных и омонимичных аффиксальных образований.

Мотивированные слова по-разному могут соотноситься с отдельными значениями мотивирующего, вследствие чего возможно появление омонимичных структур в словообразовательных парадигмах и цепях (в чувашской лексикографии наблюдается тенденция к полисемантизации производных омонимов, т.е. подача омонимов как многозначных слов, ср. толкование значения слова юнӑх «1. покрываться кровопетками 2. таить злобу, злиться» в «Чувашско-русском словаре» издания 1982 года).

Способность реализовать определенные значения в производном слове зависит от семантической структуры (семной организации) производящего. Например, если в производящем существительном есть сема «орудие», то в производном может быть реализовано значение «работать, действовать орудием, названным в мотивирующей основе» и т.д. Если в производящем отсутствует указанная сема, образование от него слов с данным значением невозможно.

Все сказанное выше в данной части настоящей работы посвящено по существу роли производящих основ в формировании внутренней формы производной лексической единицы, которая определяется в первую очередь его деривационной структурой и отражает типы семантических корреляций между производными и производящими. Но деривационные элементы (основы и форманты) приобретают большую значимость и в установлении семантических отношений между конкретным изолированным знаком и другими знаками языковой системы. Следовательно, они влияют на определенные места данного знака относительно других.

Словообразование – это область вторичных структур, идеолингвальное значение которых определяется их связями с другими лексическими единицами данного языка. Это касается, во-первых, семантических отношений производного и производящих основ, во-вторых – функционирования значения производных слов в лексематической структуре, т.е. семантического соотношения как производных слов между собой, так и производных слов с непроизводной лексикой.

Анализ деривационной структуры слова, способа его образования приводит в конечном итоге к выявлению структурно-семантических сходств и различий производной единицы с уже имеющимися в языке словами. При этом обнаруживаются разные отношения между производными основами – синонимические, омонимические, антонимические, исследование которых в определенной степени поможет систематизировать семантические явления, имеющие место в рамках определенной группы слов на современном этапе развития системы глагольного словообразования чувашского языка.

В системе производной глагольной лексики чувашского языка выделяются следующие структурные типы семантически соотносительных образований: 1) синонимы, образованные от разных основ посредством одного аффикса, 2) синонимы, образованные от разных основ посредством разных аффиксов, 3) синонимы, образованные от одной основы посредством разных аффиксов. Данные структурные образования представляют широко распространенную деривационную синонимию в области аффиксального глагольного словообразования. Под деривационной синонимией в данной работе понимаются отношения семантической близости между производными основами, возникающие в результате словообразовательных процессов. Синонимы порождаются на базе определенных семантических предпосылок и структурных образований.

Рассмотрим по отдельности структурные типы синонимичных глагольных образований.

Синонимы, образованные от разных основ посредством одного аффикса: **кишĕкле** – **кипекле** «очищать от шелухи», **катмарлан** – **капĕ марлан** – **сулмаклан** «становиться тяжелым, громадным, массивным», **катрашкалан** – **кăтăркалан** – **сакăлталан** «становиться неровным,

шероховатым, ухабистым», **маттурлан** — **кервенлен** — **кёрелен** — **кёрнеклен** — **патварлан** — **сатурлан** «становиться сильным, здоровым, крепким», **ма́кълтат** — **ме́кълтет** «двигаться медленно, плестись», **ма́нтърлат** — **сама́рлат** «делать полным, тучным», **наянлан** — **ма́ранлан** — **кахаллан** «лениться, бездельничать, лодырничать» и т.д.

Синонимы, образованные от разных основ посредством разных аффиксов: **йу́сӗх** — **ка́васаклан** «киснуть, скисать», **нушалан** — **пуса́н** — **каса́л** «мучиться, томиться», **на́йӗлтат** — **се́рле** «жужжать, звенеть» и т.д.

Синонимы, образованные от одной основы посредством разных аффиксов: **ка́вакар** — **ка́ваклан** «синеть, голубеть, становиться синим, голубым», **тикёсле** — **тикёслет** «равнять, разравнивать», **кука́ра́л** — **кука́рлан** «искривляться, сгибаться», **ирте́н** — **ирте́х** «шалить, баловать», **выса́х** — **выса́кӑн** «проголодаться, голодать», **ве́рке** — **ве́рле** «сновать, двигаться взад и вперед», **ве́чӗх** — **ве́чӗлен** — **ве́че** «злиться, раздражаться», **а́нлан** — **а́нкар** «понимать, разбираться» и т.д.

Наблюдения над синонимичными глагольными образованиями показывают, что в чувашском языке одно и то же значение или очень близкие значения могут соотноситься с различными фonomорфологическими комплексами, т.е. со словами разных деривационных структур. Синонимия вторичных образований может быть следствием синонимии производящих. Это так называемая отраженная синонимия (см. приведенные выше примеры). Но данная синонимия может быть основана не на синонимичности основ, а на том, что основы эти являются однокоренными, ср. **туран** — **турамлан** «крошиться, разрезаться», **капа́рлат** — **капа́рлантар** «наряжать, украшать», **ка́варлат** — **ка́варлантар** «превращать в угли», **те́ксӗмлет** — **те́ксӗмлентер** «затемнять». Схематическое схождение семантических слов вовсе не означает существование в языке абсолютных синонимов. Значения, возникшие вновь в иных структурах, не совпадают полностью с теми же значениями, ранее имевшимися в языке. Производные синонимы могут различаться объемом передаваемой информации и присущими им стилистическими и экспрессивными свойствами.

Синонимы, образованные от одной производящей основы, имеют частичное формальное совпадение. Частичным формальным тождеством обладают и синонимы, образованные от разных основ с помощью одних и тех же аффиксов.

Следует отличать словообразовательную синонимию от словообразовательной вариативности. Последняя материализуется и существует благодаря наличию вариантов производящих основ и формантов, ср. **ша́нкравла** — **ша́нкӑравла** «звонить», **куша́рка** — **куша́рха** «подсохнуть».

Комбинация тех или иных единиц плана выражения с единицами плана содержания в каждом языке уникальна и идиозтична. Примером тому служит отсутствие во многих языках производных синонимов рассмотренных нами структурных типов. Насколько нам известно, в имеющейся многочисленной литературе по русской словообразовательной синонимии речь всегда идет об однокоренных образованиях в разных подсистемах аффиксального словообразования.

Выявленный нами большой массив синонимичных производных глаголов (выше приведена лишь незначительная часть) свидетельствует о том, что фактор наличия слова, синонимичного возможной производной единице, особую «блокирующую» роль не играет. Чувашский язык легко допускает сочетание одного и того же значения со словами различного морфемного состава.

Кроме рассмотренных структурных типов синонимов в исследуемой нами деривации отчетливо выделяется другой вид синонимии – синонимия производящих и производных основ, который можно назвать лексико-словообразовательной синонимией, имея в виду непродуцируемый характер производящего члена синонимичной пары, ср. **ҫиҫ** – **ҫиҫкӗн** «блестеть, сверкать, сиять», **хытӑрка** – **хытӑркалан** «сохнуть, засыхать», **йӗр** – **йӗрмӗш** «плакать, хныкать», **куш** – **кушӑрка** «сохнуть, подсыхать», **тип** – **типӗш** «сохнуть, сушиться», **ас** – **асӑх** «развратничать», **епре** – **епӑрел** «мокнуть, раскисать».

Деривационная синонимия – не специфическое явление глагольного словообразования. Она пронизывает все или почти все области аффиксального словообразования чувашского языка. Боясь быть голословными, приводим производные синонимы из других сфер деривационной синонимии. Отглагольные синонимичные имена: **ӱкӗнӱ** – **ӱкӗнӗк** «раскаяние», **пӗрхӗм** – **пӗрхӗнӗк** – **сирпӗнӗк** «брызги», **чӗркеленӗк** – **шӑйрӑлчӑк** «царапина», **тупӑм** – **тупсӑм** «отгадка», **пӑлханчӑк** – **пӑтранчӑк** «муть» и т.д. Отсубстантивные имена: **кӗтӱсӗ** – **касусӑ** «пастух», **пӑлхавсӑ** – **пӑлхатусӑ** «бунтарь», **пӑшалсӑ** – **сунарсӑ** «охотник», **вайӑсӑ** – **музыксӑ** «музыкант» и т.д. Из этого вытекает вывод, что синонимия является широко распространенным явлением в аффиксальном словообразовании чувашского языка.

В процессе глаголообразования порождаются не только синонимичные, но и омонимичные конструкции. Нельзя говорить об омонимии, т.е. характеризовать то или иное слово в отдельности как омоним. Омонимом можно назвать слово, однозвучное с другими, но отличное от него по значению. По-другому, омонимы – это разные слова, состоящие из тождественных фонемных рядов, т.е. слова, имеющие совершенно идентичную звуковую оболочку. Существуют и другие определения омонимии. Но какой бы дефиницией мы не пользовались, в определении омонимов всегда

присутствует факт констатации определенного отношения. Следовательно, если задаться целью изучения омонимии в какой-нибудь области словообразования, необходимо выделить образования, находящиеся в соответствующих формально-семантических отношениях.

Некоторые производные омонимы возникли при присоединении к омонимичным основам одного и того же аффикса. Словообразовательная омонимия в данном случае предопределена равноименностью производящих основ. Ниже приводим иллюстрацию к такой омонимии: **шӑртлан** 1 «щетиниться, торчать» от **шӑрт** 1 «щетина» и **шӑртлан** 2 «злиться, сердиться» от **шӑрт** 2 «злость, гнев», **вӑйлат** 1 «делать сильным, крепким» от **вӑй** 1 «сила» и **вӑйлат** 2 «жужжать, свистеть» от **вӑй** 2 «подр. свисту при быстром движении», **сӗмлен** 1 «темнеть, погружаться в мрак» от **сӗм** 1 «темнота, тьма» и **сӗмлен** 2 «раздумывать, быть занятым мыслями» от **сӗм** 2 «сознание», **шантар** 1 «вялить, сушить» от **шан** 1 «вянуть, сохнуть» и **шантар** 2 «обнадеживать, уверять» от **шан** 2 «верить, доверять», **кӑваклат** 1 «делать синим, голубым» от **кӑвак** 1 «синий, голубой» и **кӑваклат** 2 «квакать» от **кӑвак** «подр. кваканью».

Анализ деривационного материала дает нам основание сделать вывод о том, что в чувашском языке наряду с другими факторами, в образовании омонимов немаловажным является и фактор деривационный. Омонимия нашла определенное развитие в системе производной глагольной лексики чувашского языка. Но по сравнению с синонимией, ее влияние здесь на семантические отношения относительно слабо.

Словообразовательная антонимия, как и синонимия, в аффиксальном глаголообразовании чувашского языка представлена тремя типами структурных образований. Рассмотрим эти структурные типы.

Автономия глаголов, производных от антонимичных основ при помощи разных аффиксов: **кӑске** «укорачиваться, убавляться» от **кӑске** «короткий» – **вӑрӑмлан** «удлиняться, становиться длиннее» от **вӑрӑм** «длинный», **мӑкат** «делать тупым» от **мӑка** «тупой» – **сӑвӑчлет** «делать острым, точить» от **сӑвӑч** «острый», **хытар** «затягивать» от **хытӑ** «тугой» – **пушат** «освободить» от **пушӑ** «свободный», **татӑл** «рваться» от **тат** «разрывать» – **сыпӑн** «соединяться» от **сып** «соединять», **сӑтӑл** «светать» от **сӑтӑ** «светлый» – **тӑтӑмлен** «темнеть» от **тӑтӑм** «темный», **вӑтел** «мельчать» от **вӑтӑ** «мелкий» – **шултралан** «укрупняться, крупнеть» от **шултра** «крупный».

Антонимия глаголов, производных от антонимичных основ с помощью одного и того же аффикса: **йывӑрлан** «становиться тяжелым» от **йывӑр** «тяжелый» – **сӑмӑллан** «становиться легким» от **сӑмӑл** «легкий», **кивел** «становиться ветхим, старым» от **кивӑ** «старый, ветхий» – **сӑнел** «обновляться, становиться новым» от **сӑнӑ** «новый», **йӑпет** «мочить, де-

лать мокрым» от йёпе «мокрый» – типёт «сушить» от типё «сухой», ашан «греться» от ашă «теплый» – сивён «охлаждаться» от сивё «холодный».

Антонимия основ, производных от неантонимичных основ с помощью разных аффиксов: пётер «кончать, заканчивать» от пёт «кончаться» – пушан «начинать» от пуш «начало», хуйхър «горевать, печалиться» от хуйхă «горе, печаль» – саван «радоваться, веселиться» от сав «любить», сугёл «разматываться» от суг «разматывать» – сăмхалан «наматываться» от сăмха «моток», саклат «цеплять» от сакă «крючок» – вёсер «освободить» от вёс «конец» и т.д.

Анализ антонимичных глагольных образований свидетельствует о том, что антонимия чувашского языка развивается и за счет (может быть и главным образом) производной лексики. Слова с противоположным значением образуются в большинстве случаев от антонимичных же основ. Это можно назвать антонимией производящих основ при тождестве аффиксов. Но, как было показано, антонимы образуются не только от антонимичных основ.

Словообразование, несомненно, играет важную роль в системной организации антонимии, ибо во всех областях деривации чувашского языка имеются большие массивы лексики с полярным значением. По нашим предварительным подсчетам, 60-70% антонимов чувашского языка составляют производные слова.

Существуют определенные закономерности, которые определяют возможность или невозможность образования слов, в том числе синонимов, омонимов и антонимов. Выявление, изучение этих закономерностей – одна из основных задач дериватологии. Подходы к словообразованию не только от формы, но и от значения позволяют точнее определить сферу его действия и выявить многие интересные явления, к числу которых относятся и только что рассмотренные нами деривационная синонимия, омонимия и антонимия. Образование словообразовательных синонимов – это способ чувашского языка представлять одни и те же сущности разными структурными образованиями, а образование омонимов – способ представлять разные сущности одинаково. В образовании синонимичных, омонимичных и антонимичных структур ярко проявляется связь словообразования с лексической системой языка.

О функциональной природе аффиксов глаголообразования

Функциональная природа аффиксов глагольного словообразования чувашского языка сложна и многообразна. Она складывается из ряда функций. Во-первых, реализуя свою основную функцию – деривационную, аффиксы одновременно выполняют и грамматическую функцию, т.е.

функцию индикации принадлежности производного определенной части речи – глаголу. Наличие словообразовательных формантов общеграмматического значения, возвышающегося над отдельными лексическими значениями, неоднократно подчеркивалось известными лингвистами.

Грамматическая функция едина для всех формантов данного класса и именно она определяет их место в системе словообразовательных средств. Все слова, как первичные, так и вторичные, включаются в определенные морфологические разряды. Поэтому в известной мере можно сказать о «подчиненности» частной лексической функции словообразовательных аффиксов их более общей грамматической функции, т.е. производности их лексической функции от грамматической. Дериватолог должен учитывать обе эти функции, чтобы на фоне их взаимодействия глубже понять функциональную структуру словообразовательных формантов. В целях адекватного описания функциональной роли формантов представляется целесообразным описывать их лексическую (собственно семантическую, модификационную) и грамматическую функции дифференцированно.

Во-вторых, аффиксы глаголообразования, создавая слова, различные по частеречной принадлежности с исходной основой, выполняют транспонирующую функцию. Многие аффиксы реализуют данную функцию переводя субстантивные, адъективные, нумеральные, междометные и имитативные основы в класс глаголов. Понятно, что функциональная транспозиция связана не только с грамматическим, но и семантическим сдвигом.

Транспонирующая функция аффиксов имеет немаловажное значение для семантического и структурного развития языка, ибо благодаря ей существуют межкатегориальные (межчастеречные) словообразовательные отношения и структурно развиваются словообразовательные гнезда, пополняясь производными разных частей речи.

В-третьих, аффиксы глаголообразования характеризуются различными сочетаемостными свойствами. Комбинаторная функция аффиксов, отмеченная еще в аналитических исследованиях словообразования, все больше освещения находит в работах, выполненных в аспекте словообразовательного синтеза. Данная функция аффиксов реализуется в производных словах и, конечно же, связана со структурно-семантическими особенностями производящих основ. Следует иметь в виду и то, что любая производная основа может быть образована лишь в том случае, если за ней стоит реальный денотат, допускающий сложную номинацию. Комбинаторная функция аффиксов не связана непосредственно с выражением значения и призвана передать внутриязыковую информацию о структурной организации производных основ. Существует связь между содержанием производной единицы и комбинаторными функциями формантов, ибо та или иная вторичная конструкция создается для передачи определенного значения. Язык развивается, комбинируя более простые единицы для создания более сложных единиц. Комбинаторика является основным и един-

ственным принципом структурной организации языковых единиц независимо от их производности - непроизводности в строгом смысле этого слова. Из этого вытекает, что комбинаторные функции деривационных формантов наряду с другими должны быть включены в исследования.

В-четвертых, аффиксы глаголообразования, как и все деривационные морфемы, выполняют семантические функции. В тюркологии на сегодняшний день достаточно остро стоит проблема смысловой структуры словообразовательных аффиксов. Некоторые тюркологи оспаривают их семантическую самостоятельность. Но ясно, что семантические функции аффиксов связаны с дифференциацией глаголов по словообразовательным значениям.

Комбинаторная функция аффиксов глаголообразования

Дериватологи, в основном исследователи русского словообразования, в последнее время часто пользуются понятием "словообразовательная потенция", применяя его к производящим основам. В то же время понятие это связывается с деривационными формантами. Между тем не только способность слов порождать новые слова, но и возможность аффиксов участвовать в конструировании новых единиц являются частью общей проблемы языковой потенции.

Деривационная потенция формантов реализуется в производных конструкциях. Поэтому, хотя словопроизводственные морфемы, как и все значимые единицы, являются отдельными элементами языка, их функции нельзя рассматривать изолированно, т.е. вне соединений с производящими основами. Это вытекает также из того основополагающего положения, что все аффиксальные морфемы (независимо от их принадлежности к словоизменению или словообразованию) являются служебными единицами языка. Более детализированное исследование семантической и формальной структуры производящих основ - с одной стороны, и уяснение сочетаемостных возможностей формантов - с другой, способствовало бы выявлению закономерностей словообразовательной комбинаторики.

Словообразовательные возможности аффиксов определяются их комбинаторными функциями, которые исходят из их семантических и фонетических свойств. Инвентарь словообразовательных формантов богаче и разнообразнее инвентаря грамматических морфем. Разнообразие возможных комбинаций морфем с трудом обозримо и не находит пока адекватного отражения в исследованиях по тюркскому словообразованию. Но если учесть, что проблемы словообразовательного синтеза приобретают в настоящее время особую теоретическую и практическую значимость, исследование правил словообразовательной комбинаторики чувашского языка должна представлять большой интерес.

Деривационный уровень – это уровень комбинирования строевых единиц словообразования. Хотя в лингвистике порождающими уровнями принято считать синтаксис и словообразование, на самом деле собственно порождающим является последний, где из базовых единиц порождается множество слов. Правила комбинирования применяются в основном к словам, принадлежащим центральным частям речи и призваны порождать слова, принадлежащие в основном центральным частям речи (существительным, прилагательным, глаголам, наречиям). Любая фундаментальная теория словообразования должна содержать, во-первых, описание исходного материала словообразовательного процесса и результата этого процесса – производных слов, во-вторых – правила комбинирования этих исходных единиц.

Выявление комбинаторных функций деривационных морфем необходимо для изучения синтагматических отношений в области словообразования. Невозможно будет представить полную картину словообразовательной синтагматики до тех пор, пока не будут изучены семантические и фонетические свойства сочетаемости имеющих в языке деривационных морфем. На таком важном участке тюркской деривации, как синтагматика, многое остается еще не решенным.

На всякую производность в языке накладываются ограничения. Необходимо выявить семантические и формальные ограничения, налагаемые на деривационную комбинаторику системой языка. В результате должны наметиться типы словообразовательной сочетаемости для каждой группы аффиксов и каждого лексико-грамматического класса исходных основ. Деривационная система в этом плане может рассматриваться с точки зрения тех ограничений, при которых не могут быть образованы аффиксальные производные по общим правилам чувашского словообразования. Основное внимание при этом должно быть уделено следующим моментам: 1) к каким типам производящих основ присоединяется тот или иной формант, 2) в каком порядке сочетаются друг с другом несколько формантов. Таким образом, изучение комбинаторных функций аффиксов позволяет понять специфику словообразовательных тенденций, выявить их внутреннюю обусловленность и эволюцию, а также сделать существенные обобщения для решения ряда сложных вопросов, имеющих актуальное значение для теории и методологии словообразования.

В системе глаголообразования чувашского языка имеются аффиксы, сочетающиеся с основами, относящимися к одной части речи, и аффиксы, сочетающиеся с основами нескольких частей речи. Аффиксы, присоединяющиеся к словам нескольких частей речи, делятся на: присубстантивно-приаъективно-приимитивно-принумерально-принаречно-приглагольные (-ла/-ле), присубстантивно-приаъективно-принумерально-принаречно-приимитивно-приместоименно-приглагольные (-лан/-лен), присубстантивно-приаъективно-приимитивно-примеждомерно-

приместоименно-принаречные (-лат/-лет) (имеется единичное образование с предикативным словом СУК: СУКЛАТ «отрицать»), присубстантивно-приадективно-приимитативно-принумерально-принаречные (-лаш/-леш), присубстантивно-приимитативно-приглагольные (-та/-те), присубстантивно-приадективно-приглагольные (-ар/-ер, -ӓл/-ӓл), присубстантивно-приадективно-приимитативные (-ӓр/-ӓр), присубстантивно-приадективно-приимитативно-приглагольные (-ӓрха/-ӓрхе, -шӓн/-шӓн, -ӓх/-ӓх), присубстантивно-приадективные (-ӓс/-ӓс), присубстантивно-приглагольные (-ча/-че), приимитативно-приглагольные (-кӓн/-кӓн) и т.д. Аффиксы, присоединяющиеся к словам одной части речи, делятся на: приглагольные (-ӓс/-ӓс, -аш/-еш, -мӓш/-мӓш, -ала/-еле, -кӓт/-кӓт), приимитативные (-тат/-тет, -кӓр/-кӓр, -кӓш/-кӓш, -чӓн), присубстантивные (-хан, хат).

Исследование сущностных характеристик деривационной системы языка невозможно без описания дистрибуции отдельных словообразовательных элементов, возможностей и результатов их сочетаний в определенных условиях. Сочетаемость – неперемное свойство единиц языка, обусловленное такими основополагающими свойствами языковых единиц, как линейность, иерархичность. В результате сочетания (комбинации) словообразовательных элементов возникают единицы, отличающиеся от исходных новыми качествами.

Комбинаторика является основным принципом организации всех языковых единиц, поэтому при описании деривационного строя приходится обращаться к формальным ориентирам, к числу которых относятся и формы сочетаемости. Сочетаемость, как известно, бывает формальная и семантическая.

При описании сочетаемости формантов с исходными базами удобнее всего пользоваться словом «валентность». Понятие валентности было открыто в логике в прошлом веке. В языковедческих исследованиях это понятие начало применяться в конце 40-х годов нашего столетия (по аналогии с химией). Под валентностью лингвисты понимали свойство определенных разрядов слов сочетаться с другими словами.

В нашей работе валентность понимается как свойство аффиксов глаголообразования сочетаться со словами разных лексико-грамматических классов. Каждый аффикс обладает способностью сочетаться с исходными основами и другими аффиксами, и эта способность реализуется в производных лексических комплексах. С этой точки зрения валентностью обладают все аффиксы. Но разные аффиксы обладают разной валентностью. Бывают одновалентные аффиксы, т.е. аффиксы, сочетающиеся со словами только одной части речи. Имеются и многовалентные /двух-, трех- и т.д./ форманты.

Шестивалентным является аффикс **-ла/-ле/**, который присоединяется: а/ к именам существительным /**сасӑла**, «голосовать», **сӑлтавла** «мотивировать»/, б/ к именам прилагательным / **асӑла** «величать», **йӑмшакла** «рыхлеть, прихваривать»/, в/ к подражательным словам / **сатӑрла** «крепко хватать, сжимать», **мӑрла** «мурлыкать»/, д/ к глаголам /**сулла** «качать, раскачивать»/, е/ к числительным / **иккӑле** «двоить, раздваивать» /, ж/ к наречиям / **хӑвӑртла** «ускорять, торопить»/. Данный аффикс сочетается с основами следующих морфологических типов: 1/ с основами на все гласные, кроме ы, о / в чувашском языке слов, оканчивающихся на эти гласные, нет, а от заимствованных слов с данными гласными производные посредством этого аффикса не образуются /: **пурала** «рубить, ставить сруб», **сӑнӑла** «жалить», **вӑриле** «прокаливать», **пӑрула** «телиться, ягниться, котиться», **йӑксӑле** «икать», **кӑвӑле** «слагать, сочинять», **виӑселе** «мерить». 2/ с основами на все сонорные: **пусӑмла** «мерить шагами», **йӑкевле** «точить, подтачивать», **сӑкӑлле** «зацеплять крючком», **сӑнла** «изображать, показывать», **сӑйла** «угощать», **сахӑрла** 3/ с основами на все шумные согласные: **йӑсле** «оправлять в латунь», **канашла** «советоваться, совещаться», **кантӑкла** «остеклять, застеклять», **кӑшкаҫла** «точить /косу/», **питле** «критиковать», юмахла «разговаривать», 4/ с основами с аффрикатой ч: **кӑвӑрчла** «делать шкварики» и т.д. Для аффикса **-ла/-ле** в фонетическом плане нет никаких ограничений, он может присоединяться к основам с любым гласным и согласным.

К семивалентным относится аффикс **-лат/-лет**, примыкающий к основам субстантивным /**вӑйлат** «усиливать», **вӑрманлат** «облесить»/ адъективным /**ӑмӑрлат** «хмурить», **ӑраснлат** «изменять»/, местоименным /**пӑтӑмлет** «обобщать»/, имитативным /**вӑшлат** «производить шум при быстром движении», **краклат** «каркать», **ярлат** «лететь»/, междометным / **вӑсилет** «натравливать, науськивать», **хаҫлат** «гнать свиней»/, наречным /**харӑслат** «проявить единый порыв»/, к предикативному слову **сук** /**суклат** «отрицать»/.

Рассматриваемый аффикс сочетается с основами, оканчивающимися: 1/ на все гласные, кроме о, ы / **майрлат** «делать что-либо подобно русской женщине», **хӑмпӑлат** «делать, пускать пузыри», **вӑслекелет** «делать остроконечным», **кунӑлет** «успокаивать», **шарилет** «разг. вопить»/, 2/ на все сонорные /**кӑварлат** «превращать в горящие угли», **курпунлат** «горбить», **туллат** «обтягивать», **тӑпемлет** «переполнять», **нумайлат** «множить», **пирчевлет** «делать жестким»/, 3/ на все шумные согласные /**йышлат** «множить», **кӑмрӑклат** «обугливать», **лӑслат** «моросить», **хуурахлат** «кричать караул», **ансатлат** «облегчать», **сӑпӑҫлет** «делать красивым», **кӑплет** «падать с шумом»/, 4/ на аффрикату ч: /**качлат** «токать»/.

Семивалентным является и аффикс **-лан(-лен)**, который присоединяется: к именам существительным /**ăратлан** «становиться породистым», **нишлен** «заболеть рахитом», **сухаллан** «обрастать бородой»/, к прилагательным /**кăрсакалан** «спылить, горячиться», **кўптёрккелен** «кутаться»/, к числительным /**иккёлен** «сомневаться»/, к наречиям /**хуллилен** «становиться медленнее»/, к местоимению /**урăхлан** «стать другим, иным»/, к глаголам /**пётёслен** «оплодотворяться, опыляться»/.

Данный аффикс присоединяется к основам следующих морфонологических типов: 1/ со всеми гласными на конце, кроме о, ы /**уралан** «стать на ноги», **йытăлан** «наглеть, терять стыд», **лётёлен** «поражаться легочным паразитом», **кёленчелен** «стекленеть», **салхулан** «становиться грустным», **туллилен** «становиться полным», **хёрүлен** «воодушевляться, вдохновляться»/, 2/ со всеми шумными согласными /**ёнтрёклен** «смеркаться», **варăшлан** «пойти в трубку, стебель», **вутлан** «пламенеть, гореть», **кăмпăслан** «покрываться плесенью», **йăптăхлан** «изнашиваться, рваться», **улăплан** «становиться могучим», **курнăслан** «кривляться»/, 3/ со всеми сонорными /**авăрлан** «быть омутистым», **анлан** «расширяться», **суйлан** «волноваться, быть возбужденным», **лăмлан** «сыреть, увлажняться», **муллан** «обогашаться», **хунавлан** «пускать побеги», 4/ с аффрикатой ч /**кирпёчлен** «принимать форму кирпича»/. Для аффикса **-лан(-лен)** также нет никаких фонетических ограничений.

Аффикс **-лаш(-леш)** пятивалентен, присоединяется к основам: существительных /**сўслеш** «схватиться за волосы»/, прилагательных /**кутăнлаш** «упрямиться»/, имитативов /**ёрлеш** «шуметь, галдеть»/, числительных /**пёрлеш** «объединяться»/, наречий /**хапăллаш** «проявлять гостеприимство, быть взаимно приветливым»/.

Данная словообразовательная морфема сочетается с основами, оканчивающимися: 1/ на все сонорные /**тавлаш** «спорить», **тăванлаш** «родниться», **саламлаш** «здороваться». **Тёрлеш** «шуметь», **туйлаш** «токовать (о птицах)»/, 2/ на шумные согласные /**кёртлеш** «быть в периоде течки», **сывлăхлаш** «здороваться», **юплеш** «сходиться (о дорогах)», 3/ на гласные /**тўрёлеш** «диал. мириться»/. Аффикс **-лаш(-леш)** присоединяется к основам не на все гласные и согласные. Думается, это не результат каких-либо его фонетических особенностей (как и форманты **-ла(-ле, -лан(-лен), -лат(-лет)**), он мог бы присоединяться ко всем существующим фонетическим типам основ). Но это невозможно из-за семантических ограничений. Количество производных на **-лаш(-леш)** не превышает нескольких десятков (в картотеке автора всего 45 слов).

Аффикс **-ăрха(-ёрхе)** четырехвалентен, производит глаголы от основ существительных /**асăрха** «замечать»/, прилагательных /**ăшăрха**

«быть в жару»/, глаголов /кушӑрха «сохнуть»/, подражательных слов /пӑшӑрха «выжиматься»/. Производных с данным аффиксом не более восьми.

Аффикс **-ӑх(-ӓх, -х)** четырехвалентен, примыкает к прилагательным /пӑчӑх «задышаться»/, существительным /кусӑх «сглазиться»/, глаголам /иртӓх «баловаться»/, имитативам /вӓшӓх «кричать, шуметь»/.

Четырехвалентным является и аффикс **-шӑн(-шӓн)**, посредством которого образуются глаголы от основ адъективных /ютшӑн «чуждаться»/, глагольных /пӓршӓн «диал. прижиматься, ссыхаться, свертываться»/, субстантивных /хутшӑн «присоединяться», шикшӓн «бояться, пугаться»/, имитативных /йӑпшӑн «лнуть; красться»/. Выступает после основ с согласными к, т, п, р, /см. вышеприведенные примеры/.

К четырехвалентным относится и аффикс **-ӑл(-ӓл, -л)**, присоединяющийся к основам: субстантивным /нимӓрӓл «превращаться в кисель»/, адъективным /тӑрӑл «отстаиваться; очищаться»/, глагольным /чарӑл «раскрываться, разгибаться» 2/, наречным /тӑкӑл «накапливаться; набиваться»/. Сочетается **-ӑл(-ӓл, -л)** с основами, имеющими в конце: 1) гласные **ӓ ӓ** (ватӑл «стареть, стариться», чӓрӓл «оживать»), 2) сонорные **р, й** (сирӓл «раздвигаться, расходиться», тайӑл «наклоняться, нагибаться»), 3) шумные согласные **ш, с, ц, т** (ишӓл «разрушаться, обрушиваться», пӑсӑл «портиться», сӓтӓл «изнашиваться», хуӑӑл «ломаться»).

Четырехвалентен и аффикс **-ат(-ет, -т)**, примыкающий к основам: существительных (сурат «рожать»), прилагательных (сӑрат «сгущать»), глаголов (сӓрт «гноить»), слова сук (сухат «терять»).

Сочетается **-ат(-ет, -т)** с основами, имеющими в конце: 1) гласные **а, е, ӓ, ӓ** (сарат «делать желтым», сӓнет «обновить», тасат «чистить, очищать»).

Трехвалентным является аффикс **-ӑр(-ӓр, -р)**, который присоединяется к основам: субстантивным (хуйхӑр «горевать»), адъективным (питӓр «запирать, закрывать; затыкать»), имитативным (ахӑр «кричать, шуметь»).

Сочетается **-ӑр(-ӓр, -р)** с основами, оканчивающимися на: 1) гласную **ӓ** (хуйхӑр «горевать»), 2) шумные согласные **х, к** (ихӓр «хохотать; визжать», какӑр «отрывать»), 3) сонорный **н** (ӓнӓр «тихо мычать»).

К трехвалентным относится также аффикс **-ал(-ел, -л)**, присоединяющийся к основам: существительных (сурал «рождаться»), прилагательных (йӓнел «обесцениваться»), слова сук (сухал «исчезать»).

Сочетается **-ал(-ел, -л)** с основами, имеющими в конце: 1) гласные **а, ӓ, е, ӓ** (мӑкал «тупиться», сарал «желтеть», шӓвел «разжижаться», сӑхел «истончаться»), 2) согласной **к** (сухал «исчезать»).

Двухвалентен и аффикс **-ан(-ен, -н)**, посредством которого производятся глаголы от основ: существительных (**туган** «снимать пробу; отдавать»), прилагательных (**пушан** «пустеть»), глаголов (**таптан** «вытаптываться»).

Сочетается данный аффикс с основами на: 1) гласные а, е, ä (**йёпен** «мокнуть», **асәрхан** «остерегаться», **пушан** «пустеть»).

Четырехвалентным является аффикс **-ән(-ён, -н)**, примыкающий к основам: субстантивным (**пусән** «начинать»), адъективным (**әшән** «греться»), глагольным (**курән** «видеться»), слова пур (**пурән** «жить, существовать»).

Сочетается **-ән(-ён, -н)** с основами, оканчивающимися на все шумные согласные, сонорные в, й, л, р и гласные ä, ё. Имеется единственное слово от основы с конечным н, который мало употребляется в речи (**манән** «забываться») и совсем мало основ с конечными ä, ё (**әшән** «греться», **сәхән** «жадничать», **сивён** «остывать»).

Аффикс **-ар,(ер, р)** трехвалентен, присоединяется к основам существительных (**пасар** «покрываться инеем»), прилагательных (**кәвакар** «синеть, голубеть») и глаголов («пусар «давить»). Выступает после основ, оканчивающихся на: 1) сонорные согласные л, в (**чалар** «сесть», **шәвар** «поливать; поить»), 2) шумные согласные к, с, ç, т, х (**кәкар** «привязать», **пусар** «начинать», **хәтар** «избавлять», **çывхар** «близиться»).

Аффикс **-та(-те)** трехвалентен, присоединяется к существительным (**чәмәрта** «сжимать»), имитативам (**пәчәрта** «жать, сжимать»), глаголам (**тапта** «топать, растаптывать»). Производных с этим аффиксом также не более десяти.

Аффикс **-аç (-еç, -ç)** двухвалентен, производит глаголы от существительных (**вырнаç** «располагаться») и прилагательных (**йүнеç** «окупаться»). Выступает после мотивирующих основ с гласным ё и сонорным н (примеры см. выше).

Аффикс **-ча(-че)** двухвалентен, присоединяется к существительным (**тёпче** «расспрашивать; исследовать») и глаголам (**күпче** «разбухать»). Имеется всего два глагола с этим формантом.

Аффикс **-кән(-кён)** двухвалентен, примыкает к основам имитативным (**вәшкән** «мчаться, двигаться быстро») и глагольным (**сиçкён** «блестеть, сверкать»). Выступает после основ с конечными р, ш, й, ç, т (**вәйкән** «бросаться», **вәркән** «стремительно нестись», **ыткән** «нестись», **вёркён** «мчаться»).

Аффикс **-а(-е)** двухвалентен, образует глаголы от субстантивных (**сәна** «наблюдать») и имитативных (**йәлтәра** «блестеть») основ. Производных с этим аффиксом не более десяти.

Аффикс **-ка(-ке)** двухвалентен, участвует в отглагольном и отымитативном словообразовании (**тёрке** «комкать, трепать», **йёска** «моросить»). Выступает после основ со следующими звуками: 1) сонорные согласные н, р, й, л, в (**йёнка** «гудеть», **лёрка** «ворчать», **нёйка** «пищать», **палка** «клокотать», **чавка** «чавкать»), 2) шумные согласные ш, п, с, к, т (**лашка** «лить», **лёрка** «ласково похлопывать», **лёрка** «трясти», **чанкка** «бить со звоном», **катка** «стучать, ударять копая»), 3) аффриката ч (**тёрка** «разг. бить, колотить»).

Аффикс **-ра(-ре)** двухвалентен, присоединяется к имитативам (**павра** «болтать») и прилагательным **йёпре//йепре** «мокнуть».

Аффикс **-тар (-тер, -ттар, -ттер)** двухвалентен, производит глаголы от глагольных основ (**ситер** «кормить») и существительного (**пустар** «собирать, набирать»). Выступает после основ с конечными гласными а, е, у, ё, и (**йёшкаттар** «растревлять, тревожить», **йёвенлеттер** «заставить надевать узду», **сутар** «заставить подоить», **сёттер** «заставить ошкуривать») и согласными н, х, с, в, к, ф, р, л, м, п, ш (**йёсёттер** «разъедать, раздражать», **канёстар** «удовлетворять», **кёсёлклартар** «интересовать, занимать», **кёвелтер** «творожить, квасить», **нёйкаштар** «пиликать, наигрывать», **пистер** «отталкивать, охлаждать», **ситер** «передвигать, перемещать» и т.д.).

Аффикс **-кёш(-кёш)** одновалентен, образует глаголы от подражательных слов (**нёйкаш** «визжать, скулить»). Присоединяется к основам с сонорными согласными в аусллауе.

Аффикс **-тат/тет/** одновалентен, присоединяется к имитативам **/тёмпёртет** «гремять, грохотать»/. Выступает после основ с конечными согласными р, л, ш, с **/чёркэлтат** «щебетать», **нёйкаштат** «шаркать», **лёреттет** «плестись, тащиться»/.

Аффикс **-аш/ -еш, -ш/** одновалентен, участвует во внутрикатегориальном словообразовании глаголов **/ саплаш** «рассчитываться»/. Выступает после основ с сонорными р, л **/ёрёш** «шуметь», **илеш** «повадиться»/и гласными а, е **/тёркелеш** «толкаться», **суллаш** «махаться»/.

Аффикс **-ёш/ -ёш, -ш/** одновалентен, присоединяется к глагольным основам на согласные р, л, ф, к, п, т, в **/ёрёш** «гнить», **тёркёш** «бодаться», **вёрёш** «сориться», **супёш** «изнуряться», **савёш** «радоваться», **пулёш** «помогать»/.

Анализ словообразовательной сочетаемости, проведенной в направлении от форманта к мотивирующей основе показал, что в системе глаголообразования чувашского языка отсутствует строгая прикрепленность аффиксов к определенной части речи, следствием чего является и не строгая регламентация рамки их семантической наполняемости. Способность глаголообразующего аффикса тюркских языков создавать глаголы как от

имен, так и от глаголов Э.Севортян объясняет их синкретичным характером. Эта черта, по его мнению, свойственна в принципе всем аффиксам глаголообразования, она характеризует определенный этап в истории тюркского словообразования, который прошли все формы, в том числе и сохранившие свою продуктивность до нашего времени /54, 34/.

Способность аффиксов глаголообразования сочетаться со словами разных частей речи соответствует естественному историческому стремлению языка к экономии средств. Происходит парадигматическое сжатие, при котором вертикальная языковая структура не наполняется дополнительными формантами. Казалось бы, что между валентностью аффиксов и их продуктивностью связь прямо пропорциональная. В действительности это не всегда так. Конечно же, с семивалентным аффиксом –лан/ –лен/ вряд ли может соперничать по продуктивности любой другой аффикс. Но иногда даже одновалентный аффикс оказывается продуктивней четырехвалентного аффикса. Например, с помощью одновалентного форманта –тат/ –тет/ образовано 280 глаголов, в то время как четырехвалентный аффикс –шән/ –шён/ в итоге дает всего 10 производных единиц.

Только определенная комбинация лексических и аффиксальных морфем приводит к возникновению именно данной языковой реалии, обуславливает ее семантический диапазон и лексико-грамматические свойства. С другой стороны, конкретные словообразовательные процессы совместимы лишь с конкретной комбинаторной схемой. Например, в чувашском языке возможны комбинации **синсел** «утончаться», **хурал** «чернеть», но невозможны слова типа **хитрел**, **тачкал**, хотя фонетические условия сочетаемости и в тех, и в других случаях одинаковы. Таким образом, комбинаторные семантические схемы в пределах отдельных лексических единиц уникальны. В подсистеме аффиксов глаголообразования выделяются единицы, значения которых одинаковы, но комбинаторные свойства различны. Тождество семантической функции формантов не определяет тождества их комбинаторного устройства. Наблюдается и обратная картина. Форманты со сходными сочетаемостными свойствами оказываются различными в семантическом плане. Так, имеются различия в семантической структуре следующих однокоренных образований с разными, но функционально тождественными формантами, ср.: **сарал** «желтеть, пожелтеть; попевать» - **сарăх** «желтеть, линять, вылинять; бледнеть /при нездоровье/»; **пăчалан** «становиться душным; задыхаться» - **пăчăх** «задыхаться; становиться душным; преть, тлеть; перен. прозябать; перен. разг. киснуть, унывать, хандрить ». Следовательно, существует обоюдная связь между структурой производного и его семантикой. Комбинаторная организация звуковой оболочки производного слова предопределена его семантикой, а производное с определенной семантической структурой

может быть образовано только определенной комбинацией словообразовательных единиц.

Любая связь в языке предполагает существование определенных ограничений. Соединение исходного слова с формантом глаголообразования обуславливается возможностями комбинаторики на семантическом и фонетическом уровнях в отдельности. Так, возможные в семантическом отношении комбинации типа $t\dot{u} + \dot{e}m \rightarrow t\dot{e}v\dot{e}m$, $\zeta u + \dot{a}m \rightarrow \zeta\dot{a}v\dot{a}m$ (ср.: $s\dot{a}v\dot{a}m$ «надой») задерживаются фонетическими факторами.

Иногда одно и то же языковое содержание может передаваться различными словообразовательными комбинациями /ср.: **илемлен** «становиться красивым» - **хитрелен** «становиться красивым», **в\айлан** «становиться сильным» - **х\аватлан** «становиться сильным», что свидетельствует об отсутствии однозначной взаимосвязи между семантической и комбинаторной схемами в словообразовании. Семантическая схема производных допускает определенную степень свободы в отношении их комбинаторной схемы.

Сцепление фонеморфологического и семантического спектров производящей базы с такими же спектрами дериватора происходит именно тогда, когда основа и формант выступают по отношению друг к другу в качестве среды, иначе говоря, как исходная основа является внутренним контекстом для форманта, в которой производящая база актуализирует и реализует свое значение.

Семантические ограничения сочетаемости морфем (как словообразовательных, так и словоизменяемых) состоят в том, что эти морфемы выступают в сочетании лишь с теми основами, которые имеют соответствующие семантические свойства. Как известно, не существует словообразовательных аффиксов, способных выступать в сочетании с любой основой. Соединение аффикса с мотивирующей основой возможно только тогда, когда они семантически совместимы.

Глаголообразующие форманты в сочетании со словами разных морфологических разрядов характеризуются неодинаковой продуктивностью. Например, аффикс **-ла(-ле)** очень продуктивен в сочетании с существительными (89% производных от общего количества глаголов с-ла(-ле) и совсем непродуктивен в сочетании с именами числительными (0,21% от общего числа); **-лан(-лен)** от субстантивных и адъективных основ образовал в общей сложности 99% глаголов от общего числа слов с данным аффиксом, в то время как от числительных – всего 0,2%; посредством форманта **-лат(-лет)** от имитативных основ образовано 50%, а от междометий – 0,8% из всего количества глаголов с этим аффиксом; и далее, соответственно, **-ал(-ел)**: от прилагательных – 87%, от существительных – 9%, **-ан(-ен)**: от глаголов – 95%, от существительных – 2%.

В системе глаголообразования чувашского языка имеются мультивалентные **/-лан/-лен/, -лат/-лет/, -ла/-ле/**, а также др. /и унивалентные (уни-

кальные) форманты, встречающиеся в единичных морфосочетаниях /--пӑн/—пӗн/, —пӑт/—пӗт/, —чӑн, —чӑт, —хан, —хат/.

С точки зрения налагаемых ограничений системой языка и нормативной кодификацией можно выделить следующие типы словообразовательной сочетаемости аффиксов со словами разных частей речи: регулярную, нерегулярную и нулевую. Причем разные аффиксы проявляют разную сочетаемость с разными основами. Например, —лан/-лен/ регулярно сочетается с существительными, прилагательными, нерегулярна его сочетаемость с глаголами и вообще не сочетается с междометиями. У —лат/-лет/ нулевая сочетаемость с числительными, но он очень регулярен в сочетании с имитативами и прилагательными. Такую характеристику по сочетаемым свойствам можно дать относительно всех аффиксов глаголообразования.

В языке, безусловно, имеются общие и частные закономерности словообразовательного синтеза, определять которые можно на основе анализа валентностных свойств словообразовательных единиц. При глубоком зондировании словообразовательной комбинаторики можно выявить закономерности совместной встречаемости и сочетаемости деривационных средств. А также незаполненные клетки деривационной системы чувашского языка.

Грамматическая функция аффиксов глаголообразования

Сравнение производящего слова с производным показывает, что в словообразовательной оппозиции обязательно содержится приращение грамматического значения к лексическому. Следовательно, словообразование — это сфера создания производных конструкций, характеризующихся не только определенными лексико-семантическими свойствами, но и соответствующими грамматическими признаками. Деривационный формант привносит в производную основу не только семантическую, но и грамматическую информацию, которая определяет грамматическое поведение производного.

Формантам свойственна воспроизводимость грамматических свойств уже существующих в языке слов. Форманты могут быть компонентами разных словообразовательных моделей. При этом они сочетаются со словами разных лексико-грамматических классов. Но это не влияет на предзаданность грамматических свойств производимых слов с теми или иными формантами. Разъясним сказанное на примерах. Например, аффикс —лан/-лен/, участвуя в образовании глаголов, примыкает к словам разных частей речи, ср. пуслан «колоситься», (пус «голова»), симёслен «становиться зеленым» (симёс «зеленый»), пӑчлан «исчезать, пропадать» (пӑч «совершенно, совсем»), иккӗлен «сомневаться» (иккӗ «два»), хӑпартлан «воодушевляться» (хӑпарт «возвышать, вносить»).

Грамматическая функция аффиксов, т.е. функция индикации частеречной принадлежности созданных при их помощи слов, является наиболее консервативной и направлена на поддержание существующей системы частей речи. Именно эта функция формантов призвана обеспечивать связь словообразовательной системы языка с его грамматическим строем. Неизменность, постоянство словообразовательных средств обусловлена их воспроизводимостью грамматических свойств существующих в языке слов. Деривационным морфемам присуща, во-первых, универсальность категории. В рамках которой они функционируют, во-вторых, - регулярная воспроизводимость этой категории. Объединяющим фактором всех аффиксов глаголообразования является то, что они передают значение действия, процесса, движения и т.д.

В определенной системе можно говорить о дуализме словообразования, который вытекает из его связи с двоякой содержательной природой слова как единицы лексической и как единицы грамматической. В результате деривационных процессов порождаются слова, являющиеся одновременно лексическими и грамматическими единицами. Как лексические единицы они уже по исходному условию нужны для называния реальных действительности, т.е. для выполнения номинативных потребностей. При этом совершенно не требуется, чтобы они обладали не существующими до этого грамматическими признаками. Грамматические свойства порождающих слов воспроизводят грамматические свойства уже имеющихся в языке слов.

Аффиксы глаголообразования чувашского языка не всегда четко и ясно выполняют функции индикации частеречной принадлежности слова. В результате некоторые производные глаголы формально совпадают с именными основами, ср. **вёчĕх** «злиться» - **вёчĕх** «злой», **ăнăç** «удаваться» - **ăнăç** «удача», **нăйкăш** «ныть» - **нăйкăш** «пискля», **аскăн** «распутничать» - **аскăн** «распутный», **ялтăра** «блестеть» - **ялтăра** «светлый», **нăйка** «ныть» - **нăйка** «нытик», **пулăш** «помогать» - **пулăш** «помощь» и т.д. Вне контекста трудно определить принадлежность омонимичных вторичных конструкций к глагольной или к именной основе. Это – результат былой слабой дифференцированности имени и глагола в тюркских и не только тюркских языках. Аналогичное явление можно наблюдать, в частности, и на материале словообразования уральских языков. Так, Й. Дьерке и Т. Лехтисало в своих фундаментальных исследованиях показали совпадение по звуковому составу значительного количества именных и глагольных словообразовательных суффиксов. По данным Т. Лехтисало, из 18 древнеуральских суффиксов 14 использовались в словообразовании как имен, так и глаголов. Совпадение звукового состава отдельных суффиксов в этих языках может быть и случайным, но едва ли можно объяснить случайностью формальное совпадение почти всех суффиксов.

Вслед за Г. Вамбери, П.М. Мелиоранским, Э.В. Севортяном, А.Т. Кайдаровым, В.Г. Егоровым многие тюркологи приходят к выводу, что в

древности разделение корней с аффиксами и без аффиксов в тюркских языках не было так строго проведено как теперь. Схождение корней и основ глагола и имени тюркологи связывают с недифференцированностью имен и глаголов на начальных этапах развития языка. В настоящее время считается бесспорным, что синкретизм (выражение одной и той же формой одновременно значения имени и соответствующее ему значение глагола) составляет одну из характерных особенностей тюркских языков.

Синкретизм, а отсюда и глагольно-именная омонимия встречается не только в тюркских языках и не только в системе отглагольных глаголов и отглагольных имен. Так, специалист коми языка Г.В. Федюнева пишет: «Очевидно, способность некоторых формантов участвовать в образовании отглагольных субстантивов и инфинитивных глагольных форм (причастий, деепричастий, инфинитивов) является типологической чертой финно-угорских языков, поскольку почти во всех них можно обнаружить множество примеров на формальное совпадение этих категорий, хотя соотношение их в разных языках (и группах языков) различно» (64, 94).

В кабардино-черкесском языке от основ глаголов с суффиксом –н образуются имена существительные, омонимичные с инфинитивом этих же основ. К таким лексико-грамматическим омонимам относятся: **ШХЫН** «есть, кушать» и **ШХЫН** «пища». Арменисты говорят об эквивалентности отглагольных существительных с инфинитивом, проявляющейся в том, что в случае отсутствия в языке соответствующего отглагольного имени, инфинитив употребляется в значении имени. Синкретичные корни и основы выявлены и описаны в таких тунгусо-маньчжурских языках, как эскимосский, эвенкийский, нанайский. В древнеиндийских языках также наблюдается диффузность глагольных и именных основ.

Таким образом, совпадение глагольных и именных основ, отсутствие между ними фонеморфологических различий является характерной чертой многих языков.

Проблемы синкретизма корней и основ тесно связана и с проблемой тюркского аффиксального словообразования. Как пишет А.Т. Кайдаров, корень слова, будучи простейшим, но основным и существенным элементом языка, также древен, как древен сам язык, и без него невозможно представить генетическое родство, в частности, современных тюркских языков, гомогенность основного лексического фонда, на котором зиждется грамматический строй каждого из языков и многовековой процесс словотворчества» (27, 9). Полные, системные описания синкретизма в конкретных тюркских языках, несомненно, расширят возможности сравнительно-исторического изучения тюркских языков и, конечно же, позволят осветить многие спорные теоретические и практические вопросы как тюркологии в целом, так и лингвистики отдельных тюркских языков.

Итак, синкретизм тюркских языков признан объективным лингвистическим явлением. Лексико-грамматический синкретизм первичных основ был

унаследован и производными от них единицами, иначе как объяснить идентичность некоторых глаголообразующих и имяобразующих аффиксов? «Именно грамматический синкретизм имени и глагола, - пишет Е.З. Кажибеков, - позволяет достаточно убедительно интерпретировать «парадоксальные» моменты в тюркском словообразовании, когда один и тот же показатель образует от одного и того же корня сто глаголов, то имя вследствие того, что конкретные аффиксы используются в полярных значениях в зависимости от частеречной принадлежности корневой морфемы» (26, 92). По словам В.Л. Котвича, на самых ранних этапах развития языков «полной и окончательной дифференциации ни корней или основ, ни самих суффиксов еще не существовало. В зависимости от назначения корни и суффиксы могли нести как именное, так и глагольное значение; впрочем, постепенно такие явления становились все более редкими и во вновь нарождавшихся суффиксах проявлялась большая тенденция к разграничению. То же самое происходило и на последующих стадиях словообразования» (31, 66).

Все сказанное выше подтверждается и материалами чувашского языка. Приводимые ниже примеры говорят о том, что аффиксы словообразования в омонимичных глагольно-именных основах являются синкретичными, ср. **сӑтӑх** «жадничать» - **сӑтӑх** «жадный», **ускӑн** «шляться» - **ускӑн** «шляющийся», **пиӑӑх** «закаляться» - **пиӑӑх** «закаленный» и т.д.

Итоговый вывод заключается в следующем. Не все аффиксы глаголообразования четко и ясно выполняют функцию показателя частеречной принадлежности дериватов. Это предопределено грамматическим синкретизмом имен и глаголов, наиболее полно проявившимся на ранних этапах развития тюркских языков и постепенно угасающим на современном этапе. Как показывают исследования последних лет, именно синкретичные корни породили синкретичные же основы. Вопрос о диффузном характере дериватов с синкретичными аффиксами должен быть поставлен намного шире и основательнее. Это – предмет специальных исследований. Мы же ограничимся структурной классификацией таких основ, из чего вытекает и диффузность конкретных словообразующих формантов.

Приведем примеры совпавших глагольных и именных дериватов с аффиксами: **-ӑс/-ӗс/:** **ӑнӑс** «удаваться» - **ӑнӑс** «удача», **кӑнӑс** «успокаиваться» - **кӑнӑс** «покой», **манӑс** «забываться» - **манӑс** «забвение»; **-ӑх/-ӗх/:** **ӗнӗх** «опалить» - **ӗнӗх** «опаленный», **иртӗх** «наглеть» - **иртӗх** «наглец», **пӑчӑх** «задыхаться» - **пӑчӑх** «душный»; **-кӑн/-кӗн/:** **аскӑн** «распутничать» - **аскӑн** «распутный», **сиӑкӗн** «хвастать» - **сиӑкӗн** «хвастун»; **-ӑш/-ӗш/:** **пӗлӗш** «знакомиться» - **пӗлӗш** «знакомец», **савӑш** «любоваться» - **савӑш** «любовный», **хутӑш** «смешиваться» - **хутӑш** «смешанный»; **-кӑш/-кӗш/:** **варкӑш** «веять» - **варкӑш** «веянье», **тӗлкӗш** «тлеть» - **тӗлкӗш** «тлеющий»; **-а/-е/:** **пӗве** «прудить» - **пӗве** «пруд», **писе** «румянить» - **писе** «румяна»; **-ка/-ке/:** **нӑйка** «ныть» - **нӑйка**

«нытик», тёрке «свертывать» - тёрке «сверток»; —ла/—ле/: тумла «капать» - тумла «капля»; —ӓр/—ӓр/: хугӓр «мотать» - хугӓр «моток» и т.д.

Говоря словами Е.З. Кажибекова, «следы синкретизма частей речи в тюркских языках иногда обнаруживаются и в грамматической сфере – глагольно-именной омонимии дериватов или образующих их аффиксов. Однако в интерпретации последнего явления нужно быть чрезвычайно осторожным, так как здесь возможны случайные совпадения глагольных и именных производных образований (или их аффиксов)» (26, 244).

Рассмотренный нами случай наглядно свидетельствует о том, что различные уровни языка (в нашем примере словообразование и грамматика) связаны между собой так тесно, что, рассматривая один из них, нельзя не обращать на его пересечения с другими уровнями, да еще под различным углом. Слабая морфологическая оформленность основ в чувашском языке привела к появлению идентичных по формальным признакам производных единиц, которые семантически близко связаны, но на современном этапе развития парадигматических и синтагматических отношений чувашского языка находятся в омонимических связях.

В каждом производном наблюдается сочетание словообразовательных и грамматических признаков. Словообразование и грамматика развиваются, взаимообуславливая друг друга. Свидетельством тому является, в частности, следующее явление. Словообразовательные же аффиксы участвуют в дифференциации глагольно-именных омонимов, выступая решающим фактором нейтрализации лексико-грамматического синкретизма. Нельзя не заметить процесс деомонимизации, при котором один из членов совпавшей глагольно-именной пары присоединяет к себе деривационный формант и выходит из ряда глагольно-именных омонимов. В данном случае к основе с глагольным значением присоединяется аффикс —у/—ӓ/, безвозвратно транспонируя синкретичную основу в класс имен. Прибавление аффикса не приносит в транспонированное слово дополнительных значений, а лишь формально разграничивает глагольные и именные основы. Ср. пулӓш «помогать» - пулӓш «помощь» и пулӓшу «помощь»; курнӓс «видеться» - курнӓс «свидание» и курнӓсу «свидание»; ӓнӓс «удаваться» - ӓнӓс «удача» и ӓнӓсу «удача»; хӓнӓх «привыкать» - хӓнӓх «привычка» и хӓнӓху «привычка»; улӓш «меняться» - улӓш «перемена» и улӓшу «перемена, переменный»; вӓчӓх «злиться» - вӓчӓх «злой; злоба» и вӓчӓхӓ «злоба»; тӓркӓш «суесться» - тӓркӓш «суета» и тӓркӓшӓ «суета»; кӓвӓс «ревновать» - кӓвӓс «ревность» и кӓвӓсӓ «ревность»; йӓнӓш «стонать» - йӓнӓш «стон» и йӓнӓшу «стон»; нӓйкӓш «ныть» - нӓйкӓш «нытье» и нӓйкӓшу «нытье»; тарӓх «сердиться» - тарӓх «злоба» и тарӓху «злоба»; чӓркӓш «ссориться» - чӓркӓш «ссора» и чӓркӓшу «ссора»; ылхан «проклинать» - ылхан «проклятие» и ылхану «проклятие».

Транспонирующая функция аффиксов глаголообразования

Одна из функций словообразовательных формантов в соединении с производящей состоит в синтаксической транспозиции, т.е. в переводе слова из одного лексико-грамматического класса в другой с иными синтаксическими сочетаемостными возможностями, ср.: **туй** «чувствовать» → **туйӑм** «чувство», **хатӑр** «готовый; готово» → **хатӑрле** «приготовить», **иккӑ** «два» → **иккӑлен** «сомневаться». В результате транспозиции на лексическое и деривационное значение производной единицы наслаивается лексико-грамматическое значение соответствующей части речи, которое обуславливает включение данной единицы в соответствующую грамматическую парадигму. Грамматические свойства производных определяются аффиксами, посредством которых они образованы.

Таким образом, словообразовательный уровень – это уровень порождения вторичных лексических единиц, структурные и семантические свойства которых предсказуемы. Все действие деривационного механизма направлено на производство слов, принадлежащих к основным частям речи. Наблюдения над всем массивом производной лексики показывают, что из всех возможных внутри- и межкатегориальных деривационных отношений чувашский язык допускает лишь следующие: 1. существительное → существительное, 2. существительное → глагол, 3. существительное → прилагательное, 4. существительное → наречие, 5. глагол → глагол, 6. глагол → существительное, 7. глагол → прилагательное, 8. глагол → наречие, 9. прилагательное → прилагательное, 10. прилагательное → существительное, 11. прилагательное → глагол, 12. прилагательное → наречие, 13. числительное → существительное, 14. числительное → глагол, 15. числительное → наречие, 16. наречие → существительное, 17. наречие → глагол, 18. местоимение → существительное, 19. местоимение → прилагательное, 20. имитатив → существительное, 21. имитатив → глагол, 22. имитатив → прилагательное, 23. междометие → глагол.

Не все эти отношения носят регулярный характер. Наименее регулярны отношения типа числительное → глагол, местоимение → прилагательное, местоимение → существительное, имитатив → существительное и некоторые другие.

По соотношению частеречной характеристики производных и производящих основ различают транспозиционное (межкатегориальное) и нетранспозиционное (внутрикатегориальное) словообразование. Модели отыменного глаголообразования и отглагольного имяобразования, а также некоторые другие обслуживают межкатегориальное словопроизводство, поддерживая тем самым деривационные отношения между разными лексико-грамматическими классами слов. Отношения эти бывают регулярные и нерегулярные, многоканальные и одноканальные, однонаправленные и двунаправленные (взаимонаправленные). Безусловно, существует разли-

чис в транспонируемости слов разных частей речи. Наиболее регулярный характер носит в чувашском языке транспонирование глаголов в имена и наоборот.

В системе глагольного словопроизводства чувашского языка четко подразделяются два вида деривации – внутрикатегориальная (образование слов, относящихся к той же части речи, что и их производящие) и межкатегориальная (образование слов, относящихся к иной части речи, чем их производящие).

Рассмотрим конкретно типы транспозиционного глагольного словообразования.

Транспозиция типа существительное → глагол.

–ла/–ле/: пусмӑр «гнет» → пусмӑрла «угнетать; подавлять», пуç «голова, начало» → пуçла «начинать, приниматься», сёлтӗ «щелочь» → сёлтӗле «щелочить, насыщать щелочью».

–лан/–лен/: ланкашка «яма; рытвина» → ланкашкалан «покрываться ямками, ухабами, рытвинами», наркӑмӑш «яд» → наркӑмӑшлан «становиться ядовитым».

–лат/–лет/: кӗтес «угол» - кӗтеслет «делать, образовывать угол, вышивать уголками», культура – культурӑлат «делать культурным, повышать культуру», лакӑм «выбоина» - лакӑмлат «покрывать выбоинами».

–лаш/–леш/: тус «друг» - туслаш «подружиться», тӑван «родственник» - тӑванлаш «породниться».

–ар/–ер/: кӗл «зола» - кӗлер «золить», шыв «вода» - шӑвар «поливать, поить».

–ӑр/–ӗр/: тӗшӗ «зерно, ядро, сердцевина» - тӗшӗр «мять, топтать, травить».

–ал/–ел/: тӗм «бугорок» - тӗмел «бугриться, прерастать в бугор, холм».

–ӑл/–ӗл/: нимӗр «кисель» - нимӗрӗл «превращаться в кисель, размякать».

–ан/–ен/: тут «вкус» - тутан «пробовать».

–ӑн/–ӗн /: юхӑ «запущенность» – юхӑн «беднеть, вешать».

–ат/–ет, т/: сӑра «детеныш» – сӑрат «рожать», кӗçӗ «чесотка» - кӗçӗт «зудеть, чесаться».

–аç/–еç/: вырӑн «место» – вырнаç «распологаться, размещаться».

–ӑрха/–ӗрхе/: ас «память» – асӑрха «замечать, подмечать».

–ча/–че/: тӗп «основа» – распрашивать, расследовать».

–шӑн/–шӗн/: хут «слой» – хутшӑн «присоединяться, примыкать к чему-либо: прибавляться».

–ӑх/–ӗх/: вӗчӗ «злоба» – вӗчӗх «злиться, раздражаться».

- тар/—тер/: пуҫ «голова, начало» — пуҫтар «собирать, набирать; убирать, вести уборку».
- а/—е/: сән «лицо, наружность» — сәна «наблюдать, следить; замечать, обращать внимание».
- кар/—кер/: ән «ум» — әнкар «догадываться, соображать».
- Транспозиция типа прилагательное — глагол
- ла/—ле/: йәплака «скользкий» — йәплакала «делать скользким», лаптак «плоский» — лаптакла «делать плоским».
- лан/—лен/: авмак «изогнутый» — авмаклан «становиться изогнутым», ващәк «пологий» — ващәклан «становиться пологим».
- лат/—лет/: ансәр «узкий» — ансәрлат «сужать, делать более узким», йәшәк «рыхлый» — йәшәклат «рыхлить».
- ал/—ел/: нүрә «сырой, сыро» — нүрел «становиться влажным, сыреть» сөмсө «мягкий» — сөмсел «смягчаться, размягчаться; увядать, ослабеть, терять силу».
- әл/—әл/: самәр «тучный» — самәрәл «становиться тучным, упитанным; толстеть».
- ән/—ән/: сәхә «жадный» — сәхән «жадничать, быть жадным».
- ан/—ән/: шакла «лысый» — шаклан «лысеть, плешиветь».
- ат/—ет, —т/: ҫара «густой» — ҫарат «сгущать».
- әт/—әт/: нәкә «крепкий» — нәкәт «укреплять, делать крепким».
- аҫ/—еҫ/: йүнә «дешевый» — йүнеҫ «окупаться; оправдываться».
- әрха/—әрхе/: әшә «теплый» — әшәрха «быть в жару, гореть».
- шән/—шән/: ют «чужой» — ютшән «избегать, сторониться; чуждаться кого-либо».
- әх/—әх/: шура «белый» — шураһ «белеть; выцветать; увядать».
- ар/—ер/: ешәл «зеленый» — ешер «зеленеть».
- ра/—ре/: йәпе «мокрый» — йәпре «мокнуть, гноиться».
- Транспозиция типа имитатив — глагол.
- ла/—ле/: сәр «подражание жужжанию» — сәрле «жужжать, ворчать, бормотать», ләр «подражание кипению» — ләрла «кипеть, бурлить, бормотать».
- лан/—лен/: сәлпәр «подражание об изнеможении» — сәлпәрлен «приходить в изнеможение, изнемогать».
- лат/—лет/: пәнт «подражание дзиньканию» — пәнтлат «дзинькать; обрываться со звоном /о струне/», вәлт «подражание мельканию» — вәлтлет «мелькать».
- тат/—тет/: кәпәр «подражанию разбиванию, стуку» — кәпәртат «стучать, постукивать».

–ка/–ке/: лач «подражанию причмокиванию» - лачка «чмокать, причмокивать», хаш «подражание пыхтению» - хашка «пыхтеть».

–а/–е/: йăлтăр «подражание сверканию» - йăлтăра «сверкать».

–кăр/–кĕр, –хăр/–хĕр/: чаш «подражание шипению» - чашкăр «шипеть», чал «подражание вспышке света» - чалкар «разбежаться /о глазах/».

–кăш/–кĕш/: тĕл «подражание мерцанию» - тĕлкĕш «мерцать», тан «подражание тяжелому звуку, звону» - танкăш «тяжело ступать, идти».

–ăр/–ĕр/: ўх «подражание рычанию» – ўхĕр «гудеть, рычать».

–ăл/–ĕл/: лĕпсĕр «подражание проявления слабости» - лĕпсĕрĕл «слабеть, ослабевать».

–кăн/–кĕн/: вăр «подражание стремительному движению» - вăркăн «стремительно нестись».

–ăрха/–ĕрхе/: пăш «подражание шипению» - пăшăрха «шипеть, пузыриться».

–шăн/–шĕн/: йăп «подражание тихому движению» - йăпшăн «притаиться».

–чăн: лăп «подражание несильному хлопку» – лăпчăн «придавиться».

–ра/–ре/: пав «подражание шумной болтовне» - павра «разг. болтать, говорить много; болтать, нести вздор».

–лаш/–леш/: вĕр «подражание жужжанию насекомых» - вĕрлеш «шуметь, гудеть, галдеть».

–ăх/–ĕх/: шуй «подражание шуму» - шуйăх «кричать, шуметь: шалить, резвиться».

Транспозиция типа числительное – глагол

–ла/–ле/: иккĕ «два» - иккĕле «двоить, раздваивать».

–лан/–лен/: виççĕ «три» - виççĕлен «троиться, разделяться на три».

–лаш/–леш/: пĕр «один» - пĕрлеш «объединяться, соединяться, сплачиваться».

Транспозития типа междометие – глагол

–лат/–лет/: Эй «ой» -эйлет «ойкать» - хаç «возглас, которым погоняют свиней» – хаçлат «гнать свиней возгласом «хаç».

Транспозиция типа наречие - глагол

–ла/–ле/: вăрах «медленно» - вăрахла «медлить».

–лат/–лет/: нумай «много» - нумайлат «увеличить».

–ал/–ĕл/: тăкă «битком» - тăкăл разг. «скапливаться».

–лан/–лен/: хуллен «медленно, тихо» - хулленлен «становиться медленным».

–лаш/–леш/: хапӑл «приветливо» - хапӑллаш «быть взаимно приветливым».

Транспозиция типа местоимение – глагол

–лан/–лен/: урӑх «другой, иной» – урӑхлан «стать другим, иным».

–лат/–лет/: пӗтӗм «весь, вся» - пӗтӗмлет «обобщать».

Транспозиция типа предикативное слово – глагол

–лат/–лет/: ҫук «нет, не имеется» – ҫуклат «отрицать».

–ал/–ел/: ҫук «нет» – ҫухал «пропадать, исчезать».

–ат/–ет/: ҫук «нет» - ҫухат «терять, лишиться».

–ӑн/–ӓн/: пур «есть, имеется» - пурӑн «жить, существовать».

Приведенный выше материал показывает, что глагол в чувашском языке подвергается воздействию имен существительных, прилагательных, числительных, имитативов и реже – местоимений, предикативных слов и.д., ибо все больше и больше становится в языке глагольных основ, образованных от слов названных частей речи. Образование глаголов от других частей речи и наоборот, обусловленное взаимонаправленной межчастеречной деривацией, является характерной чертой чувашского языка. В системе глаголообразования выделяется всего 8 направлений транспозиции, что превышает четвертую часть всех существующих деривационных транспозиций чувашского языка.

Транспонирующая функция глагольных аффиксов, естественно, связана не только с грамматическим, но и семантическим сдвигом, поскольку направлена она на производство новой языковой единицы. Поэтому функция транспозиции связана с другой, модифицирующей /семантической/ функцией аффикса.

В межкатегориальном словообразовании происходит переход понятия из одной части речи в другую, что осуществляется с помощью транспонирующих форматов. Материалы глаголообразования показывают, что транспозиция понятия характеризуется определенной направленностью и ее любое понятие способно получать различную частеречную материализацию. Межкатегориальное словообразование, на наш взгляд, является следствием наиболее общей тенденции развития языка, а именно – разноаспектного взаимодействия частей речи – по значениям, по функции, по форме.

В межкатегориальной деривации проявляются связи между частями речи в чувашском языке и глубина взаимодействия между ними. Статистические данные в этом отношении выглядят следующим образом: от существительных образовано всего 1570 глаголов, что составляет 30,4 % от общего числа производных вербальных основ; от прилагательных произведено 820 глаголов, что составляет 15,8%; от имитативов образовано 700 единиц, что равно 13%; основ, образованных от числительных, всего 4 /0,07%; основ, возникших из междометий, насчитывается 11 /0,21%/; от

наречий создано 19 глаголов /0,34 %/; от местоимений – 3 глагола, что составляет 0,05 % от числа всех производных /в картотеке автора 5170 слов/.

Подсистема аффиксов глаголообразования чувашского языка характеризуется следующими особенностями. Часть аффиксов является только межкатегориальной, другая – только внутрикатегориальной, третья группа представлена внутрикатегориально-межкатегориальными аффиксами, производящими глаголы как от глаголов, так и от других частей речи. К межкатегориальным относятся 14 аффиксов:

–лат/–лет/, –тат/–тет, –лаш/–леш/, –а/–е/, –ӓр/–ӓр/, –ал/–ел/, –ӓт/–ӓт/, –аҫ/–еҫ/, –кӓш/–кӓш/, –ра/–ре/, –хӓр/–хӓр/, –кӓр/–кӓр и др. Внутрикатегориальными являются аффиксы –аш/–еш, –мӓш/–мӓш/, –ӓҫ/–ӓҫ/–ҫ/, –ӓш/–ӓш/, –ала/–еле/ и др. /всего 8 аффиксов/. В число межкатегориально-внутрикатегориальных форматов входят: –ар/–ер/, –ӓл/–ӓл/, –та/–те/, –ка/–ке/, –ар/–ер/, –тар/–тер/ и др. /всего 15 аффиксов/.

В транспозиционном словообразовании глаголов аффиксы участвуют в следующем количестве: от существительных – 23, от прилагательных – 16, от имитативов – 17, от наречий – 4, от числительных – 3, от местоимений – 2, от междометий – 1, от предикативных слов – 4 /всего 37 аффиксов/. Во внутрикатегориальном словообразовании глаголов содействовано 23 аффикса. Как видно из приведенных статистических данных, наибольшей трансформируемостью в глагол обладают существительные, а наименьшей – числительные, местоимения, междометия и предикативные слова. В системе глаголообразования чувашского языка более всего регулярны словообразовательные отношения между словами одной части речи т.е. глагола. Об этом свидетельствует доля производных отглагольных глаголов в общей системе вторичных вербальных основ.

Участие словообразовательных морфем в транспонировании слов разных частей речи в категорию глагола наглядно иллюстрируется следующими данными: –лан/–лен/ - 1048 слов, –ла/–ле/ - 936 слов, –лат/–лет/ - 564 слова, –тат/–тет/ - 280 слов, –лаш/–леш/ - 45 слов, –а/–е/ - 9 слов, –та/–те/ - 8 слов, –ка/–ке/ - 40 слов, –ар/–ер/ - 15 слов, –ӓр/–ӓр/ - 13 слов, –ал/–ел/ - 33 слова, –ат/–ет/ - 48 слов, –ӓл/–ӓл/ - 16 слов, –ан/–ен/ - 6 слов, –ӓн/–ӓн/ - 7 слов, –аҫ/–еҫ/ - 3 слова, –ӓрха/ – ӓрхе/ - 7 слов, –хӓр/–хӓр/ - 5 слов, –кӓш/–кӓш/ - 14 слов, –ра/–ре/ - 3 слова, –ча/–че/ - 1 слово, –шӓн/–шӓн/ - 5 слов, –ӓх/–ӓх/ - 18 слов, –кӓн/–кӓн/ - 5 слов, –тар/–тер/ - 1 слово, –кар/–кер/ - 1 слово, –чӓн - 2 слова.

Семантическая функция аффиксов глаголообразования

В семантическом плане словообразовательные морфемы существенно отличаются от словоизменяемых. Вместе с производящей основой они формируют семантическую структуру производного слова и являются его

неотъемлимой частью. Об этом свидетельствует тот простой и известный всем факт, что изъятие форманта из структуры производного приводит к его уничтожению. так как остающаяся часть представляет совершенно иную семантическую единицу, ср. дезинфекци «дезинфекция» и дезину́ фекциле «дезинфицировать», дирижер и дирижерла «дирижировать», евёр «образ, подобие» и евёрле «подражать», ёнен «верить» и ёнентер «убеждать», ёсле «работать» и ёслеттер «заставить работать», ёф «подражание дуновению» и ёфлет «фукнуть, дунуть», йа́ран «межа, борозда» и йа́ранла «проводить борозды» катрам «глыба, громада» и катрамлан «сбиваться в комки».

Подтверждением этому является и следующее обстоятельство. Классифицируя существительные по семантическому признаку, исследователи разных языков опираются в основном на словообразовательные понятия – имена орудия, действия, носителя признака и т.д., выделенные на основе определенных аффиксов. Семантическая функция аффикса, реализующая в контексте значения мотивирующей основы, заключается в формировании новой лексемы, т.е. в структурно-семантическом преобразовании имеющейся языковой единицы. Реализуя данную функцию, аффикс способствует оформлению и закреплению семантической структуры производного, внося его в определенный лексико-семантической разряд слов. Словообразовательный формат в этой функции выступает как классифицирующий элемент, относящий производный комплекс к тем или иным классам слов, сходных в формально-семантическом плане. Семантическая функция форманта исходит из его традиционной связи с языковыми и неязыковыми понятиями, в этой функции отражен многотысячелетний опыт носителей языка познавать окружающую реальную действительность, их умение классифицировать различные понятия. Именно эта функция форманта теснее всего связана с развитием человеческого мышления и спецификой языка в наречении мира.

Любая производная единица является результатом деривационного процесса, в ходе которого мотивирующая основа реализовала свойственные ей семантические и комбинаторные возможности, а формант оформил новую основу грамматически, соотнося ее со словами определенного лексико-грамматического класса. Понятно, что в оформлении смысловой структуры производного принимает участие наряду с мотивирующей основой и словообразовательный формат. Поэтому, выполняя грамматическую функцию, аффикс одновременно выполняет и функцию семантическую. В целях адекватного материала целесообразно рассматривать эти две функции раздельно.

Как не существует деривативных показателей, выражающих значение имени вообще /возможны лишь отдельные значения существительных/, так и не существует деривативных показателей, выражающих глагольность вообще. Каждый глагольный аффикс обладает присущими ему типичными значениями. Состояние глагольной деривации в определенный

период развития языка характеризуется совокупностью всех значений глаголообразующих форм, выявить которую весьма трудно.

Наблюдения над материалом глаголообразования чувашского языка показывают, что в деривации отношения между формой /структурной деривационной моделью/ и содержанием/ деривационным значением этой модели/ асимметричны: одной модели может соответствовать несколько значений, и, наоборот, одно и то же значение часто выражается разными моделями /см. раздел о словообразовательных значениях глагола/. План содержания и план выражения в деривации системны и сравнительно легко выделимы. Не составляет большого труда систематизация элементов плана выражения. Для этого необходимо лишь выявить все структурные деривационные модели в разных подсистемах словообразования. Намного сложнее выделить и систематизировать элементы плана содержания.

Форманты глаголообразования, будучи составной частью производного, обладают классифицирующим, но не более обобщенным значением, чем, например, аффиксы имяобразования. Значение форманта устанавливается тем же путем, что и значение лексических единиц – от контекстных значений к значению в системе. При этом нельзя исходить из внешнего контекста, как это предлагают некоторые исследователи, а необходимо исходить из внутреннего контекста, понимая под ним значение мотивирующей основы.

Менее обобщенное классифицирующее значение аффиксов именного словообразования и более обобщенное значение глагольных аффиксов предопределено тем, что существительные более четко распределены по лексико-семантическим группам, чего нельзя сказать относительно глаголов. Один и тот же аффикс может образовать глаголы с разными деривационными значениями, ср. **шӑртлан I** «шетениться, покрываться щетиной» от **шӑрт I** «щетина»; **шӑртлан II** «злиться, сердиться, раздражаться» от **шӑрт II** «гнев, злость»; **тирпейлен** «становиться чистым, становиться уютным», **тӑшӗлен** «лушиться, очищаться от шелухи, скорлупы» от **тӑшӗ** «зерно, ядро».

Деривационное значение формируется на основе абстрактных семантических элементов форманта и более конкретного значения производящей основы. Это легко проследить на материале однокоренных образований с разными аффиксами и разнокоренных образований с одним и тем же аффиксом, ср. **нӗрлен** «становиться красивым» - **нӗрлӗ** «красивый» - **нӗрсӗр** «уродливый» и **пиӑӑк** «воспаленный» - **татӑк** «кусочек: отрез» — **путак** «впадина».

Семантика деривационных морфем – это их внутренняя структура, не оформленная полностью и не совпадающая с тем понятием семантики, которое сложилось с опорой на значения лексических единиц – слов. Значение деривационной морфемы – это общее содержание, доводимое до конкретного смысла в сочетании с лексическими основами. Для этого, чтобы понять семантическую природу аффиксов глаголообразования, необходимо рассмотреть всю совокупность их семантических контекстов. Можно

выявить все возможные значения формантов глаголообразования, подробно описывая семантические группы содержащих эти форманты слов. В этом деле, как нам кажется, не желательны как чрезмерное дробление семантических групп, так и группировка большого массива производных под одной семантической рубрикой. Нужно сделать так, чтобы, с одной стороны, были объяснены деривационные механизмы языка, а с другой – число значений формантов было относительно невелико. Это довольно трудная задача и требует специальных исследований. В данной же работе мы рассмотрим лишь некоторые аспекты проблемы семантического функционирования аффиксов глаголообразования.

На материале образований с **-ла/-ле** попытаемся показать семантическую сущность данного форманта. Этот аффикс, как и многие другие форманты, будучи классифицирующим компонентом структуры производного, вроде бы должен обладать и постоянным классифицирующим значением. Он же, например, имеет более общее значение и слова, образованные его посредством, распределяются по разным семантическим группам. Иногда даже трудно определить, к какой семантической группе относится слово с данным формативом.

Глаголы со значением «превратить что-либо в то, что названо мотивирующей основой»: **купала** «сделать кучу», **ула́мла** «превращать снопы в солому».

Глаголы со значением «образовать предмет, названный мотивирующей основой»: **пёвеле** «прудить, запруживать», **пурала** «срубить сруб».

Глаголы со значением «действовать орудием, средством, названным мотивирующей основой»: **са́нча́рла** «ставить на цепь», **хы́рка́чла** «скребать».

Глаголы со значением «наделять качеством, указанным мотивирующей основой»: **нё́рсёрле** «делать безобразным», **тёттёмле** «затемнять».

Глаголы со значением «производить звуки, выраженные мотивирующей основой»: **какала** «гоготать», **ка́ла́кла** «квохтать», **кукла** «куковать».

Глаголы со значением «удалять, отделять предмет, выраженный мотивирующей основой»: **сумла** «полоть, вести прополку», **ха́ра́мла** «очистить от сажи».

Глаголы со значением «смешать, пропитать тем, что названо мотивирующей основой»: **сула** «маслить», **пылла** «подслащивать», **та́варла** «солить», **газла** «газировать», **гипсла** «удобрять гипсом», **азотла** «азотировать».

Глаголы со значением «наделять, снабжать тем, что названо мотивирующей основой»: **унка́ла** «кольцевать, снабжать кольцом», **ка́ша́лла** «надевать обруч».

Глаголы со значением «провести время, обозначенное мотивирующей основой»: **кунла** «проводить день», **сёрле** «ночевать, проводить ночь».

В чувашском языке можно указать примерно 18-20 семантических групп производных глаголов с аффиксом **-ла/-ле/**.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Роль аффиксального глагольного словообразования в обогащении лексики чувашского языка трудно переоценить. Данная область деривации, как и все другие, обслуживая словарь, принадлежит словообразовательному ярусу языка, а не морфологии, как это принято считать в традиционных исследованиях тюркского словообразования.

В чувашском языке одни и те же аффиксы могут являться структурными элементами разных моделей, вследствие чего количество моделей глаголообразования превышает количество глаголообразующих формантов.

Производящими основами глаголов могут быть слова всех знаменательных частей речи, междометия и, в единичных случаях, предикативные слова. Наиболее производительными являются существительные, глаголы, прилагательные, имитативы. Немногочисленны глаголы, образованные от междометий, наречий и числительных.

Подавляющее большинство производных глагольных основ состоит из двух морфем. Язык структурно организован так, что в нем из конечного числа элементов строится беспредельное количество комбинаций. Каждая комбинация имеет формальное завершение, причем большинство завершенных форм является исходной базой для последующих деривационных комбинаций.

Семантическая соотносительность производных и производящих основ, хотя иногда и проявляется по-разному, все же подлежит типизации. Выявлены следующие типы семантической корреляции исходных и результирующих единиц: а) глаголы производятся от одного значения мотивирующей основы, б) глаголы перенимают все значения мотивирующих основ, в) глаголы образуются от переносных значений мотивирующих основ, г) глаголы развивают дополнительные значения.

Иногда значение производящих и производных могут быть очень близкими, что приводит к синонимии производящих и производных основ. В системе производной глагольной лексики чувашского языка выделяются такие структурные типы семантически близких образований: а) синонимы, образованные от разных основ посредством одного и того же аффикса, б) синонимы, образованные от разных основ посредством разных аффиксов, в) синонимы, образованные от одной основы посредством разных аффиксов.

Анализ словообразовательной сочетаемости, проведенный в направлении от формантов к мотивирующей основе, показал, что в системе глаголообразования чувашского языка отсутствует строгая прикрепленность аффиксов к определенной части речи, следствием чего является не строгая регламентация их семантической наполняемости. Способность аффиксов глаголообразования сочетаться со словами разных частей речи соответст-

вует историческому стремлению языка к экономии средств. Происходит парадигматическое сжатие, при котором вертикальная языковая структура не наполняется дополнительными формантами. Связь между валентностью и продуктивностью не у всех аффиксов прямо пропорциональна.

Многозначность глаголообразующих морфем ведет к тому, что посредством одного аффикса образуются слова разных словообразовательных значений, а это обуславливает отсутствие четких границ между словами с разной ономаσιологической структурой.

Вариативность, зависимость значения аффикса от внутреннего контекста является стержневым моментом аффиксальной деривации, которая, создавая на базе уже существующего лексического фонда посредством определенного количества формантов множество слов, демонстрирует значительную языковую экономию. Эта экономия в большей степени достигается семантическими свойствами аффиксов чувашского языка.

Изложенный в настоящей работе материал во многом способствует целостному всестороннему представлению системы глаголообразования чувашского языка, но конечно же, не исчерпывает всех проблем данной области деривации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев И.А. Чувашский язык // Языки народов СССР: Тюркские языки. - М.:Наука, 1966.- Т. 2.- С. 43-65
2. Андреев Н.А. Аффиксы чувашского языка // Труды ЧНИИ.- Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1952.- Вып. 6.- С. 166-195
3. Антонов Н.К. Именное словообразование в якутском языке: Дисс... канд. филол. наук.- Л., 1951.- 251 с.
4. Арутюнова Н.Д. О понятии системы словообразования // Филологические науки. - 1960.- N 2.- С. 24-31
5. Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980.- 355 с.
6. Ашмарин Н.И. Материалы для исследования чувашского языка: Фонетика и морфология. - Казань: Типо-литография Казанск. ун-та, 1898.- 410 с.
7. Ашмарин Н.И. О морфологических категориях подражаний в чувашском языке. - Казань: Изд-во Академического центра ТНКИ, 1928.- 160с.
8. Баскаков Н.А. Каракалпакский язык: Фонетика и морфология: Части речи и словообразование. - М.: Изд-во АН СССР, 1952.- 544 с.
9. Баскаков Н.А. Ногайский язык и его диалекты. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940.- 240 с.
- 10.Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. - Л.: Наука, 1971.- 115 с.
- 11.Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. – М.: Наука, 1959.- С. 419-442
- 12.Ганиев Ф.А. О семантической грамматике тюркских языков: В порядке постановки проблемы // Советская тюркология. – 1981.- N 4.- С. 27-31
- 13.Ганиев Ф.А. Суффиксальное образование глаголов в современном татарском литературном языке. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1976.- 108 с.
- 14.Головин Б.Н. Введение в языкознание. - 3-е изд. – М.: Высшая школа, 1977.- 311 с.
- 15.Горшков А.Е. Роль русского языка в развитии и обогащении чувашской лексики. – Чебоксары: Чувашск. кн. изд-во, 1963.- 214 с.
- 16.Грамматика азербайджанского языка: Фонетика, морфология и синтаксис. – Баку: Изд-во ЭЛМ, 1971.- 412 с.
- 17.Грамматика карачаево-балкарского языка: Фонетика, морфология, синтаксис. – Нальчик: «Эльбрус», 1976.- 572 с.
- 18.Грамматика ногайского языка: Фонетика и морфология. – Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского кн. изд-ва, 1973.- 320 с.
- 19.Грамматика хакасского языка. – М.: Наука, 1975.- 416 с.

20. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948.- 276 с.
21. Дыренкова Н. Грамматика шорского языка. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941.- 307 с.
22. Егоров В.Г. Глагол // Материалы по грамматике современного чувашского языка. – Чебоксары: Чувашск. кн. изд-во, 1957.- С. 151-240
23. Земская Е.А. Современный русский язык: Словообразование. Учебное пособие. – М.: Просвещение, 1973.- 304 с.
24. Исенгалиева В.А. Тюркские глаголы с основами, заимствованными из русского языка. – Алма-Ата: Наука, 1966.- 245 с.
25. Исахов Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка: Фонетика и морфология. – М.: Изд-во восточной лит-ры, 1961.- 472 с.
26. Кажобеков Е.З. Глагольно-именная корреляция гомогенных корней в тюркских языках: Явление синкретизма. – Алма-Ата: Наука, 1986.- 272 с.
27. Кайдаров А.Т. Структура односложных корней и основ в казахском языке. – Алма-Ата: Наука, 1986.- 328 с.
28. Ковалик И.И. Некоторые вопросы славянского словообразования // IV Международный съезд славистов: Материалы дискуссии. – М.: Изд-во АН СССР, 1962.- Т. 2.- С. 118-119
29. Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960.- 446 с.
30. Кононов А.Н. Грамматика турецкого языка. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941.- 312 с.
31. Котвич В. Исследования по алтайским языкам. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1962.- 371 с.
32. Левитская Л.С. Историческая морфология чувашского языка. – М.: Наука, 1976.- 205 с.
33. Левковская К.А. Словообразование: Материалы к курсам языкознания. – М.: Изд-во МГУ, 1954.- 35 с.
34. Лопатин В.В., Улуханов И.С. Словообразовательный тип и способы словообразования // Русский язык в национальной школе. – 1969.- № 6.- С. 4-13
35. Майтинская К.Е. К вопросу о роли словообразования в развитии частей речи // Вопросы теории частей речи: На материале языков различных типов. – Л.: Наука, 1968.- С. 259-267
36. Максимов В.И. Суффиксальное словообразование имен существительных в русском языке. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975.- 224 с.
37. Малеева М.С. Проблема словообразовательной модели в современной лингвистике // Труды Курского пединститута. – 1974.- Т. 21.- С. 76-93
38. Манучарян Р.С. Проблемы исследования словообразовательных значений и средств их выражения: Дис. д-ра филол. наук. – Ереван, 1975.- 421 с.

39. Манучарян Р.С. Словообразовательное значение и формы в русском и армянском языках. – Ереван: Луйс, 1981. – 314 с.
40. Матвеев Т.М. Грамматика чувашского языка: Морфология. – Симбирск: Типо-литография Губсовнархоз N 2, 1919. – 124 с.
41. Мусаев К.М. Грамматика караимского языка: Фонетика и морфология. – М.: Наука, 1964. – 344 с.
42. Насилов В.М. Грамматика уйгурского языка. – М.: Изд-во Московского ин-та востоковедения, 1940. – 151 с.
43. Никольский Н.В. Конспект по грамматике чувашского языка. – Казань: Типо-литография ун-та, 1919. – 16 с.
44. Орлова А.П. Глаголы с аффиксом –лан(-лен) в чувашском языке // Чувашский язык/ Труды ЧНИИ. – Чебоксары: Чувашск. кн. изд-во, 1976. – Вып. 66. – С. 149-158
45. Орлова А.П. Непродуктивные типы глаголообразования в чувашском языке // Исследования по грамматике и фразеологии чувашского языка. – Чебоксары: Чувашск. кн. изд-во, 1981. – С. 38-43
46. Орлова А.П. Образование глаголов с помощью аффикса –ла(-ле) // Чувашский язык и литература/ Труды ЧНИИ. – Чебоксары: Чувашск. кн. изд-во, 1975. – Вып. 59. – С. 123-139
47. Орлова А.П. Образование глаголов с помощью аффиксов –лаш(-леш) и –лат(-лет) в чувашском языке // Чувашский язык, литература и фольклор/ Труды ЧНИИ. – Чебоксары: Чувашск. кн. изд-во, 1976. – Вып. 67. – С. 73-81
48. Орлова А.П. Словообразовательные типы чувашских подражательных глаголов и их основные значения // Чувашский язык, литература и фольклор/ Труды ЧНИИ. – Чебоксары: Чувашск. кн. изд-во, 1973. – Вып. 2. – С. 167-204
49. Орузбаева Б.О. Словообразование в киргизском языке. – Фрунзе: Илим, 1964. – 308 с.
50. Павлов И.П. Современный чувашский литературный язык. – Чебоксары: Чувашск. кн. изд-во, 1965. – 342 с. (На чувашском языке)
51. Распопов И.П. Методология и методы лингвистических исследований. – Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1976. – 110 с.
52. Рассадин В.И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. – М.: Наука, 1978. – 287 с.
53. Русский язык: Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1979. – 431 с.
54. Севортян Э.В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. – М.: Изд-во Восточной литературы, 1962. – 642 с.
55. Сергеев Л.П., Котлеев В.И. Чувашский язык. – Чебоксары: Чувашск. кн. изд-во, 1988. – 326 с. (На чувашском языке)

56. Соболева П.А. Аппликативная грамматика и моделирование словообразования: Автореф. дис. ... докт. филологических наук. – М., 1970.- 60с.
57. Современный татарский литературный язык: Лексикология, фонетика, морфология. – М.: Наука, 1969.- 380 с.
58. Тимофеев В.Т. Грамматика чувашского языка: Фонетика, морфология. – Чебоксары: Чувашск. кн. изд-во, 1924.- 144 с. (На чувашском языке)
59. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. – 2-е изд. - М.: Русский язык, 1990.- Т. 1.- 856 с.
60. Торопцев И.С. Словопроизводственная модель. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980.- 148 с.
61. Улуханов И.С. О некоторых проблемах ономазиологии и словообразования // Труды Курского пединститута: Проблемы ономазиологии. – 1977.- Т. 175.- С. 10-12
62. Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. – М.: Наука, 1977.- 254 с.
63. Федотов М.Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. – Чебоксары: Чувашск. кн. изд-во, 1986.- Ч. 3.- 128 с.
64. Федюнева Г.В. Словообразовательные суффиксы существительных в коми языке: Дис... канд. филол. наук. – Тарту, 1981.- 231 с.
65. Харитонов Л.Н. Типы глагольной основы в якутском языке. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954.- 312 с.
66. Хохлачева В.Н. К истории отглагольного словообразования существительных в русском литературном языке нового времени. – М.: Наука, 1969.- 151 с.
67. Хохлачева В.Н. Словообразование существительных в русском языке: Опыт системного описания: Дис... д-ра филол. наук. – М., 1976.- 369 с.
68. Ширшов И.А. Проблемы словообразовательного значения в современной отечественной науке // Вопросы языкознания. – 1979.- N 5.- С. 109-122.
69. Юлдашев А.А. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. – М.: Изд-во АН СССР, 1958.- 194 с.
70. Янко-Триницкая Н.Я. Закономерность связей словообразовательного и лексического значений в производных словах // Развитие современного русского языка. – М., 1963.- С. 83-97

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава 1. История изучения вопроса. Основные исходные теоретические положения	
Изучение глаголообразования в тюркологии	4
Исследование производных глаголов в чувашском языкознании	10
Принципы описания словообразования	17
Основные понятия словообразования	21
Основные единицы словообразования	24
Глава 2. Формальная и семантическая классификация производных глаголов	
О сущности словообразовательной модели	28
Модели глаголообразования	34
Словообразовательная семантика производных глаголов	40
Классификация производных глаголов по семантическому признаку	48
Глава 3. Функционально-семантические и структурные особенности средств глаголообразования	
Структурно-семантическая характеристика производящих основ	56
Семантическая соотносительность производящих и производных основ .	73
О функциональной природе аффиксов глаголообразования	80
Комбинаторная функция аффиксов глаголообразования	82
Грамматическая функция аффиксов глаголообразования	92
Транспонирующая функция аффиксов глаголообразования	97
Семантическая функция аффиксов глаголообразования	102
Заключение	106
Список использованной литературы	108

Учебное издание

Андреева Евдокия Александровна

**Аффиксальное глагольное
словообразование в чувашском языке**

Учебное пособие

Научный редактор: Л.П. Сергеев

Подписано в печать 01.11.02.

Формат 60х8/16. Печать оперативная. Бумага писчая.

Усл. печ. л. 7,0. Тираж 100 экз. Заказ № 384 .

Цена свободная.

Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева
428000, Чебоксары, ул. К. Маркса, 38

Отпечатано на участке оперативной полиграфии
Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева
428000, Чебоксары, ул. К. Маркса, 38

18=00